

ДОН_новый 15/3-4

Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Орган Союза писателей России, министерства культуры Ростовской области и Ростовского регионального отделения Союза писателей России

Главный редактор Г.В. Студеникина

Общественный редакционный Совет:

А.Г. Береговой, Ростов-на-Дону

В.А. Воронов, Ростов-на-Дону

А.И. Глазунов, Сальск Ростовской области

Н.И. Дорошенко, Москва

Г.В. Иванов, Москва

И.С. Капаев, Черкесск

И.Н. Кудрявцев, Ростов-на-Дону

В.И. Лихоносов, Краснодар

Б.А. Орлов, Санкт-Петербург

Г.Т. Селигенин, Ростов-на-Дону

Б.М. Стариков, Тихорецк Краснодарского края

Учредители: Союз писателей России

Ростовское региональное отделение СП России

Журнал выходит при поддержке министерства культуры РО

Издатель: ООО «Издательство «Донской писатель»

СОДЕРЖАНИЕ:

МЕМОРИАЛ

- Сергей Есенин. *Вовек благославленно*. Стихи. 4
Людмила Малюкова. «*Я сердцем никогда не лгу*». К 120-летию
со дня рождения С.А. Есенина. 7

ЮБИЛЕИ

- Виктор Череватенко. *Зернинки с ладоней*. Стихи. Миниа-
тюры. К 60-летию поэта. 21

ПРОЗА

- Алексей Береговой. *Дорога на Селиндер*. Роман. (Продол-
жение). 26
Василий Воронов. *Муниципальные люди*. Роман. (Продол-
жение). 111
Анатолий Рошупкин. *Было, не было*. Рассказ. 159

ПОЭЗИЯ

- Галина Студеникина. *Ген любви*. Стихи. 60
Ренат Харис. *Нашей дружбы вкус не позабудь*. Отрывок из
поэмы «Клятвенная чаша». Перевод Н. Переяслова. 131
Сергей Скончий. «*Привет, забытая страна!..*» Стихи. 168
Леонид Мелас. *Экая невидаль!..* Стихи. 169

«КРУТОЯР»

- Михаил Шолохов. *Федотка*. Из романа «Поднятая целина». 64
Григорий Рычнев. «*Серьёзному исследователю — серьёз-
ный и умный читатель*». Интервью со С.М. Шолоховой. 75
Галина Студеникина. «*Станет ли фестиваль традицион-
ным?*» Интервью с председателем Оргкомитета фестиваля
А.Г. Береговым. 80

Победители конкурса молодёжного шолоховского литературного фестиваля «ЗОЛОТОЕ ПЕРО ДОНА»:

- Анастасия Кривохижина. *Самое сложное*. Рассказ. 83
Вадим Селин. *Там, где живёт мечта*. Отрывок из повести. 86
Ксения Баштовая. *Танцуй!* Рассказ. 90
Елена Морозова. «*Звездопад над Донбассом*». Стихотворение. 93
Анастасия Кнутова. *Прелюдия снега*. Стихотворение. 94
Полина Колпакова. *Бескрылый*. Стихотворение. 96

«ПОБРАТИМЕНИ СВЕТОВЕ» («Мировое братство»)

- Атанас Славчев. *Сон*. Почти чёрная импрессия. 99
Лалка Павлова. *Поэт нам возвращает солнце*. Стихи. 100
Албена Декова. *Жемчужные видения*. Стихи. 102
Люлин Занов. *Помни*. Стихи. 103
Христина Комаревска. *Придумав тебя, сгораю*. Стихи. 104
Татяна Любянова. *Спектакль*. Стихи. 106
Венета Николова. *Часть Вселенной*. Стихи. 107

Журнал

«ДОН_новый»

распространяется
на территории
России и стран СНГ

Содержание журнала
не всегда отражает
точку зрения
редколлегии
на затронутые
авторами темы.

За точность имён,
фактов и чисел
ответственность
несут авторы

Редколлегия
оставляет за собой
право не разьяснять
авторам причины
отказа в публикации
их произведений

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются.

Все произведения
в журнале
публикуются пока
на безгонорарной
основе. Авторам
предоставляются
бесплатно
по 2 экземпляра
номера журнала
(с их публикациями).
Присыл авторами
своих произведений
для печати в журнале
«ДОН_новый»
считается их
согласием
на безгонорарную
публикацию

Валерий Петров. «Устав мечтать...» Стихи.	109
Витка Витанова. <i>Сердита не бывает.</i> Стихи для детей.	110

ОБЛАСТНОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

В ЧЕСТЬ 110-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.А. ШОЛОХОВА

Геннадий Селигенин. <i>Тайный грех.</i> Рассказ.	134
Владимир Иноземцев. <i>Пёс Верный и кот Васька-Прохор.</i> Новелла.	138
Валерий Калмацуй. <i>У речного поворота.</i> Стихотворение.	141
Владимир Диклов. <i>Донской орёл.</i> Стихотворение.	142
Зинаида Дмитриева. <i>Любушка-земля.</i> Очерк.	143
Татьяна Гончарова. <i>Грушевка.</i> Очерк.	150
Татьяна Александрова-Минчакова. «Папка, папка...» Рассказ.	153

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир Морж. «Живёшь, не живя...» Аналитическое исследование.	170
Татьяна Мажорина, Ольга Немыкина, Галина Студеникина. <i>Святая рать высот.</i> К 750-летию со дня рождения Данте Алигьери.	175

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

Валерий Клебанов. <i>Я так боюсь за мирозданье!..</i> Стихи.	183
--	-----

Условия набора и присылки литературных материалов в журнал «ДОН_новый»

Свои произведения авторы присылают в журнал только электронной почтой по адресам: **donpisatel@yandex.ru** или **don_new@rambler.ru** в программе «WORD» без архивирования и макетирования.

Рукописи для публикации в журнале «ДОН_новый» принимаются только при соблюдении следующих правил набора:

1. Обязательное использование в наборе буквы «Ё»
 2. Не допускается использование знака «дефис» (-) или знака «нижнее подчёркивание» (_) вместо знака «тире» (—) и наоборот.
 3. При наборе прозы использовать знак «длинное тире» (—), при наборе поэзии знак «короткое тире» (–).
 4. Не допускается установка абзацев текста при помощи кнопки «Табулятор».
- Рукописи, не соответствующие условиям набора, рассматриваться не будут.

По вопросам подписки на журнал «ДОН_новый» обращаться по адресу:
344002, Ростов-на-Дону, ул. Суворова 10, ООО «Урал-пресс-Юг»,
тел. 8(863) 269-84-00; 269-44-33; 244-12-12; 240-92-15.

ББК 96(2Рос-Рус)90

Д-161

ISBN 978-5-87612-099-5

Литературно-художественный и общественно-политический журнал.

«ДОН_новый» № 3-4, декабрь 2015 г.

Издатель: ООО «Издательство «Донской писатель»

Над выпуском работали:

Анистратова В.Н., Баштова К.Н., Береговой А.Г., Журавлева Ю.И.,
Зяблицкая Д.А., Лозбенев О.В., Малов П.Г., Студеникина Г.В., Ханин Д.И.

Фотографии А. Аникина, В. Хлыстова

Главный редактор Студеникина Г.В.

Директор издательства Береговой А.Г.

Тираж 950 экз. Т/ф. 8-918-599-67-51; 8-988-567-43-95; 8-918-854-80-59.

e-mail: **don_new@rambler.ru**

Сергей Александрович Есенин

120 лет со дня рождения

ВОВЕК БЛАГОСЛОВЕННО

Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни...
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.

Чистит месяц в соломенной крыше
Обоймлённые синью рога...
Не пошёл я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.

Знаю, годы тревогу заглушат.
Эта боль, как и годы, пройдёт.
И уста, и невинную душу
Для другого она бережёт.

Не силен тот, кто радости просит,
Только гордые в силе живут.
А другой изомнёт и забросит,
Как изъеденный сырьё хомут.

Не с тоски я судьбы поджидаю.
Будет злобно крутить пороша,
И придёт она к нашему краю
Обогреть своего малыша.

Снимет шубу и шали развяжет,
Примостится со мной у огня.
И спокойно и ласково скажет,
Что ребёнок похож на меня.

1916 г.

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поёт иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.

Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою лёгкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнажённые груди берёз.

О, лесная, дремучая муть!
О, веселье оснеженных нив!..
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бёдрами ив.

1917 г.

Не жалею, не зову, не плачу, —
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым.
Увядания золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна берёзового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты всё реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях...
Жизнь моя, иль ты приснилась мне? —
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвести и умереть.
1922 г.

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережёт голубую Русь
Старый клён на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нём
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого что тот старый клён
Головой на меня похож.
1918 г.

Людмила Малюкова

«Я СЕРДЦЕМ НИКОГДА НЕ ЛГУ»

(К 120-летию со дня рождения Сергея Есенина)

Сергею Есенину — 120 лет. Но поэт словно остановил стрелки часов, оставшись навсегда тридцатилетним, и магически заворотив волшебным словом любви и нежности ко всему живому и близкому в эпоху невероятных потрясений. Сменялись поколения, социальные устои, правители и правительства, а его поэзия «пребывала» незыблемой, вопреки идеологическим запретам и стремлениям вытравить её из сознания народа. Такого поэта русская словесность не знала, и появление его казалось невозможным после великих классиков: Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Фета, рядом с блестящей плеядой современников: А.Блока, А.Белого, Вл.Ходасевича, Н.Гумилева. Между тем и крестьянские поэты, истоки которых уходили в народную почву (Н. Клюев, С. Клычков, Б. Корнилов, П. Орешин), были далеки от его художественной уникальности.

Но что неизменно завораживало русского читателя в поэзии С.Есенина? Что заставляет тянуться к ней, искать и находить созвучное и нашему времени? Почему так притягательно стремление постигнуть гибель поэта, найти, непременно, его непосредственных виновников?

Помню давний разговор с моим научным руководителем известным профессором ИМЛИ В.О.Перцовым, автором трёхтомного исследования творчества В. Маяковского, лауреата литературной премии им. М.Горького. Зная, что в своё время он был хорошо знаком со многими поэтами 20-х годов и встречался с С.Есениным, я задала ему вопрос: «Как воспринимали вы Есенина тогда и как сейчас? И что вас поразило в нём больше всего?» От прямого ответа, как мне показалось, он уклонился, и после чуть затянувшейся паузы произнёс: «Знаете, он ушёл вовремя. Что было бы с ним в 37 году... Страшное было время». И, подумав, добавил: «После долгого замалчивания в 45 году я написал о нём юбилейную статью в журнал «Огонёк». Что было! Семь раз меня вызывали на «проработку». Спасла Софья Андреевна Толстая, последняя жена Есенина». Мне хорошо было известно: никто из крестьянских поэтов не миновал ГУЛАГа. Все они сгинули в

Малюкова Людмила Николаевна, член Союза писателей России, критик, литературовед, доктор филологических наук, автор ряда литературоведческих книг и научных работ.

Живёт и работает в Таганроге Ростовской области.

жестокой безвестности (Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин, Б. Корнилов). Не остались и места их погребения. А на могиле С. Есенина на Ваганьковском кладбище со дня его гибели и до наших дней неистощимый людской поток. В нём, конечно, немало стихийного, побуждаемого скорее не столько знанием удивительной поэзии и истинной любви к ней, сколько открытым ажиотажем вокруг личности поэта. Мне приходилось наблюдать, как из толпы, вдруг кто-то «шаткий», «под есенинского» героя», вырывался читать стихи, запинаясь на второй строке или беспощадно перевертывая их. Грань между Есениным, большим русским поэтом, и «есенинщиной» не стёрлась и в наш век колоссальной глобализации. Но вот что удивительно: Есенин был воспринят самыми различными социальными слоями, людьми неоднозначного культурного уровня. Его с интересом читали правители (Бухарин, Дзержинский, Калинин, Киров, Луначарский, Троцкий), многие представители творческой интеллигенции были покорены им, народ чтит и боготворил, а «деклассированные элементы» считали его «своим в доску». И невольно возникает вопрос: не была ли одной из причин этой «зачарованности» ёмкая афористичность его философских обобщений, бьющих по самому обострённому нерву? Вот только некоторые из них: «Жизнь — обман с чарующей тоскою», «Жизнь нужно легче, жить нужно проще/ Всё принимая, что есть на свете», «Коль гореть, так уж гореть сгорая», «Пейте, пойте в юности/ Бейте в жизнь без промаха», «Все успокоились, все там будем,/ Как в этой жизни радей, не радей», «Как мало пройдено дорог,/ Как много сделано ошибок», «Вот также отцветём и мы, / И отшумим, как гости сада», «Если тронуть страсти в человеке,/ То, конечно, правды не найдёшь»... Но ведь подобными афоризмами уже располагала отечественная литература. Ностальгические строки М. Лермонтова: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,/ Такая пустая и глупая шутка», безысходно трагическое откровение С. Надсона: «Жизнь — это серафим и пьяная вакханка./ Жизнь — это океан и тесная тюрьма», элегические откровения умудрённого жизненным опытом И. С. Тургенева, к которым неоднократно обращался и С. Есенин: «Нужно спокойно принимать её (жизни) немногие дары, а когда подкосятся ноги, сесть близ дороги и глядеть на проходящих без зависти и досады: и они далеко не уйдут». Однако очаровал и заворочил русскую душу с какой-то тайной грустью и печалью «песенный» стих С. Есенина. По всей вероятности, тайная сила его, прежде всего, в том народном мироощущении, которое с непостижимой силой покоряло и спрягало в себе «всё живое с особой метой» в единый нерасторжимый поток движения, в котором переплелись и органический человеческий «фактор», идущий к своему необратимому концу, и вечный круговорот природной стихии с её очарованием грусти увядания и возрождения, и тот катастрофический эпохальный разлом, который уничтожал исконно традиционное и перекраивал личность. В условиях социальных потрясений, в экстремальные моменты истории идея конечности человеческой жизни принимала особенно острые формы. Русский характер, о котором И. Бунин писал: «Сам народ говорит о себе: из нас, что из древа: то дубина, то икона, в зависимости, кто её обрабатывает: Емелька Пугачёв или Сергей Радонежский», трансформировал себя в крайних проявлениях. Вся поэзия С. Есенина — это непрерывный порыв от умиротворенности, смирения к бунтарству и мятежу, и возвращения к покою — трагически безнадежному.

Но где и как всё это зарождалось в непритязательном мире крестьянского парня из Рязанской губернии, получившего воспитание в семье религиозного

зажиточного деда, в доме которого устраивались «всякие венчанные и невенчанные свадьбы», где звучали духовные стихи, по субботам бабка «таскала в монастырь», нянька рассказывала любопытные сказки? А вокруг благоухала роскошная русская природа: она захватывала, покоряла, влекла таинственностью и разнообразием. Как случилось, что в «русской глубинке» возникли золотые россыпи такой поэзии, которая поразила и корифеев столичного культурного мира? Эти вопросы, как, впрочем, немало и других такого плана, освещались не раз. И тем не менее их «загадка» остаётся и поныне. Один из потаённых её ключей — стремление поэта освоить и воплотить глубинный мир поэзии, её законы и историю.

Вопреки ряду утверждений о малой образованности С. Есенина, его культурный уровень был весьма высок. Сам он о себе говорил, что творческий дар пробудился к восьми годам, а читать начал с пяти лет, в двенадцать отдал в учительскую школу в Спас-Клепики, где он «перечитал три библиотеки». Его переписка с однокашником Григорием Панфиловым открывает не только изрядную эрудицию, но и стремление к глубокому самостоятельному мышлению: письма заполнены именами писателей-классиков (Белинский, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Надсон, Тургенев, Толстой, Никитин, Кольцов, Бодлер...), современников (Блок, Брюсов, Ропшин...), он их цитирует, по-своему оценивает и — размышляет над строками сочинений, ищет истину жизни, которую никак не может ни ухватить, ни постигнуть. С упоением перечитывает Евангелие и, кажется, находит символ для своего ориентира: Христос. Но особый, земной, не тот, которому поклоняются в храме. «Христос для меня совершенство, — утверждает он. — Но я не так, как другие верую в него: те веруют из страха, что будет после смерти. А я чисто и свято, как в человека, одарённого светом и благородною душою, как в образец следования любви к ближнему». За этим идут мучительные сомнения, не знающие исхода: «Жизнь. Я не могу понять её назначение, а ведь и Христос не открыл цели жизни. Он указал только как жить, но чего этим можно достигнуть, никому неизвестно». Подобные рассуждения без чёткого «ориентира» порою переходили в толстовско-христианские обобщения: «Гриша, люби и жалей лстецов, преступников, подлецов, и страдальцев, и праведников. Ты мог и можешь быть каждым из них». Вероятно, поэту был знаком и роман Л. Толстого «Воскресенье» с его эпизодом в тюремной камере, где старуха, узнав о судьбе Катюши Масловой, скажет: «От тюрьмы да от сумы никогда не зарекайся». Впрочем, эта идея могла прийти к нему и непосредственно из народной среды. Немногим позже он посвятит ей целое стихотворение «В том краю, где жёлтая крапива» — о людях в кандалах, бредущих «по песчаной дороге» «до сибирских гор». Его строки, исполненные сострадания, апеллировали непосредственно к народному восприятию: «Все они убийцы или воры,/ Как судил им рок,/ Полюбил я грустные их взоры/ С впадинами щёк... Я одну мечту, скрывая, нежу,/ Что я сердцем чист,/ Но и я кого-нибудь зарежу/ Под осенний свист. /И меня по ветряному свею,/ По тому ль песку,/ Поведут с верёвкою на шее/ Полюбить тоску». В «Записках из мёртвого дома» Ф. Достоевского есть такая же трагическая страница, скрепленная авторским «уточнением»: «В народе таких людей называют несчастными, а их преступления несчастьями». Подобного рода откровения С. Есенина важны уже тем, что выводили его на путь философского соприкосновения с классиками, открывали возможность проникновения в глубинную суть человеческого характера.

Друг С. Есенина А. Мариенгоф вспоминал, как даже во время поездки на

Кавказ поэт зачитывался романом Флобера «Мадам Бовари». А когда 1918 году в Москве группа имажинистов, в которую входил и С.Есенин, открыла книжную лавку «Ассоциация художников слова», он, заняв с утра укромное место, перечитывал все книги, которые в ней имелись. Характерно, что это было активное чтение, которому нужен был собеседник. Так, прочитав поэму Пушкина «Моцарт и Сальери» и задавшись вопросом: зачем нужно было Сальери, придворному капельмейстеру, обласканному властью, «купавшемуся в золоте», травить Моцарта, С.Есенин находит свой оригинальный ответ: Пушкин использовал лишь нужную ему версию — чувство зависти к гению, которое может перерасти в ненависть. Он поглощён поэзией Гейне, который для него «родная душа», цитирует персидских поэтов: Фирдоуси, Хайяма, Саади (позже их знание сориентирует его на создание цикла стихов «Персидские мотивы»), прозу Лермонтова («Тамань»), читает современных поэтов: Пастернака, Маяковского, Мандельштама и др. Близо знавший Есенина в 20-х годах Матвей Ройзман отзывался о нём, как человеке трудолюбивом, обладавшем немалой эрудицией и прекрасным мышлением. Интеллект поэта чрезвычайно широк: его интересует современная эстрада, он покорен пением Надежды Плевицкой, любит слушать народные песни, и сам с большим чувством поёт «Расстались мы», «Прощай радость, жизнь моя», его любимый романс на слова Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». Часто бывает у цыган, наслаждаясь их таборным пением. Один из эпизодов такого посещения становится «предметом» поэзии: на загаданное желание поэта попугай вынул кольцо, его надела на палец ему старая цыганка. Так родились строки: «Коль гореть, так уж гореть сгорая,/ И недаром в липовую цвет/ Вынул я кольцо у попугая,/ В знак того, что вместе нам гореть./То кольцо надела мне цыганка...»). Позже кольцо было подарено Софье Толстой. О том, как Есенин обогащал свой художественный мир, можно написать десятки страниц. Путь его в большой литературный мир был стремителен и уникален.

Приехав в Москву по решению отца, который устроил его в лавку купца Крылова, он поступает в народный университет им. Шанявского с обучением в два года, посещает Суриковский музыкально-поэтический кружок. И много читает и пишет. Издательства его печатают без оговорок. Профессор Московского университета П. Сакулин, прочитав стихотворение «Вытклся над озером алый цвет зари», был покорен и очарован. Но своенравная Северная Пальмира, задающая тон искусству, молчит — разосланные по издательствам стихи остаются невостребованными: без авторитетной рекомендации не обойтись. Её организует А. Блок. В марте 1915 г. С. Есенин приезжает в Питер и прямо с вокзала отправляется к нему. Прочитав несколько стихотворений рязанского поэта, А. Блок, с безукоризненным чутьем великого художника понял, какой огромный талант пришёл в русскую литературу. «Стихи свежие, чистые, голосистые, многословный язык» — так оценил он невиданное поэтическое явление большому литературному миру. Двери столичных издательств широко открылись перед лириком из народа.

Но что же так поразило в стихах С. Есенина элитарный петербургский мир, ведь ко времени его появления крестьянские поэты уже публиковали свои избяные откровения в столичных издательствах? А. Блоку, например, импонировали многие стихи Н. Клюева. Но их истоки исходили из недр старообрядческих общин. И уже после «Избяных песен» А. Блок заметит: «непонятно, куда и зачем зовёт» читателя поэт. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять тот

исконный образный мир, который таил в себе песенный стих С. Есенина. Более наглядно он открывается в его статье «Ключи Марии», опубликованной в 1918 году, и отразившей «квинтэссенцию» всей образной доминанты.

В этой статье он обращается к проблеме развития искусства через его культурно-образовательную систему знаков. Быт и искусство объявляются в ней неотделимыми, а «исходной отраслью» — орнамент, ключ к которому до сих пор не найден учёными, — в «абрисе хозяйственно-бытовой жизни», в том «прекрасном полотенце, изображающем через шёлк и канву символическое древо, которое означает семью». И неважно, что в Иудее это имя носило Маврикийский дуб и к нам пришло с приходом христианства. Этот Маврикийский дуб был символом семьи у всех народов мира. «Всё от древа жизни» — вот представление нашего народа. И сам человек виделся себе подобием древа (ствол-туловище, сучья-руки, ветви-пальцы, листья-ногти...) Развивая эту орнаментальную идею, далее поэт утверждал: «Все наши коньки на крышах, петухи на ставнях, голуби на князьках крыльца... есть великая значная эпопея исходу миру и назначению человека». Конь, как в египетской, греческой, римской, так и русской мифологии ничто иное, как «знак устремленности». Но только русский мужик догадался посадить его на крышу, уподобляя свою хату под ним колеснице — этой «чистой черте скифии с мистерией вечного кочевья: «Я иду в твои лона и пастбища» говорит мужик, запрокидывая голову конька в небо». Так, рассматривая всю орнаментальную эпопею с переплетением духа и знаков, С. Есенин переходит к стадии искусства словесного с его оригинальной лепкой слов и образов мифических и апокрифических произведений. Именно в них, он утверждает, выражены «знаки духа», из которых простолудин составил свою «избяную литургию» понятий и отношений к миру, преодолевая тайну мироздания «земными уподоблениями». В таком контексте солнце уподоблялось колесу, луна — зайцу, звёзды — заячьим следам, облака «взрычали, как волки». На такой образности построен и весь наш алфавит непрочитанной грамоты. Стремление к ней поэт объясняет и возможностью заменить ряд длинных и сложных определений краткими. «Если разобрать таким образом всю мыслительно-творческую значимость, — утверждал он, — мы бы постигли все составные части в строительстве избы нашего мышления, увидели, как сочетаются звуки, постигли бы тайну гласных и согласных, в спайке которых скрыта печаль земли по браку с небом». Он высказывает сожаление, что его время не знает этой «завязи», ибо чем она жила в Данте, Шекспире и других великих художников, через нынешнее искусство прошла «мёртвой тенью». «Звериные крикуны» и «безмозглая критика» идиотического состояния городской массы подменили эту завязь «безмозглым лязганьем железа Америки и рисовой пудрой на выпитых щеках столичных проституток». Единственным, едва тлеющим хранителем этой завязи осталась полуразбитая деревня. Поэт надеется, что с свершением революции произойдёт «чудесное исцеление» и деревня «родит» ещё более просветлённое «чувствование» новой жизни.

«Ключи Марии» создавались в начале революции, когда С. Есениным овладевала буйная мечта об обновлённой «райской» России. Но весь этот его «высказанный» образный строй был плодом более раннего раздумья, органически включался в его «допитерский» период: многогранным световым потоком он врывался в его мир своеобразными «сравнениями заставками», разветвлёнными метафорическими рядами типа: «Жёлтые поводья месяц уронил», «Осень — рыжая кобыла чешет гриву», «Роща синим мраком кроет голытьбу», «Пля-

шет ветер по равнинам,/ Рыжий ласковый ослёнок», «И вызванивают в чётки / Ивы — кроткие монашки». Дух крестьянской избы и двора были воссозданы органически, с огромным знанием хозяйского обихода («В хате», «На плетнях висят баранки»), а образ Руси, во всём её неистовом цветении, буйстве красок и «многозвонности», предстал ярко и самобытно. К тому же и лирический герой заявлял о себе необычно и «разнолично»: поклоняющемся кресту, монастырским жителем, иноком, прохожим странником и т.д. Но не это было в нём главным. Покоряло великое преклонение перед природным миром и неотъемлемое единство с ним: «Счастлив, кто в радости убогой,/ Живя без друга и врага,/ Пройдёт просёлочной дорогой,/ Молясь на копна и стога». В наше тектоническое время невольно возникает вопрос: столь прочной оказалась эта образная система С. Есенина, воспринятая из народных глубин, и имела ли она непосредственных преемников? Вести речь о поэзии последних двух десятилетий в этом плане, едва ли есть резон: так всё в ней смешалось, надломилось и разлетелось. Но несомненно одно: эта есенинская традиция отразилась в творчестве поэтов «сельской ориентации»: Н. Рубцова, А. Прасолова, С. Дрофенко, В. Соколова, Н. Тряпкина, В. Казанцева. У Н. Рубцова читаем: «плачущий ветер — дитя», «у зарницы чистым полотенцем/ Свисает радуга с небес», а природа «Как человек богоподобный,/ Внушает в гибельной борьбе/ Пускай не ужас допотопный,/ Но поклонение себе»; у В. Казанцева: «В небе — дерево ветвистое,/ Дерево видение/ Полыхнуло, рассеялось,/ Сердце прожгло./ И остались взлетевшие / Оцепенело/ Кисти рук, обожжённые до черноты».

Такая образная система С. Есенина органически сопрягалась с народными поверьями, приметами, загадками, своеобразным переложением народных песен, частушек, с библейскими образами, их интерпретацией и церковным словарём. В них было столько жизненной энергии, света, покоряющего чувства любви и грусти о скоротечной непреодолимости человеческого бытия, что такой поэзией нельзя было не плениться. Позже в автобиографических заметках поэт напишет, что «от религиозных стихов и поэм с удовольствием бы отказался, но они имеют большое значение как путь поэта до революции». В смысле «формального развития», заметит он, «теперь всё больше тянет его к Пушкину», к традиционному стиху. Тем не менее, открытая им в поэзии народная система образов останется до конца в его творчестве, совершенствуясь и обогащаясь. Вот некоторые примеры его поздней поэзии: «Золотою лягушкой луна/Распласталась на тихой воде», «Хорошо под осеннюю свежесть —/Душу-яблоню ветром стряхнуть», «Только будут колосья-кони/ О хозяине старом тужить», «О, если б прорасти глазами, как эти листья, в глубину!», «Потому что тот старый клён /Головой на меня похож».

С петербургского периода начинается шумная слава С. Есенина. Его публикуют самые престижные издательства. А. Блок, А. Белый, С. Городецкий, Иванов-Разумник дают ему высокие оценки. Аристократические салоны охотно приглашают не только послушать его «духмяные стихи», но и посмотреть на облик поэта «от земли». И здесь было немало бутафорского, ряженного под «крестьянского Леля», искусного пения под аккомпанемент гуслей и рязанского говора. Однако это «подстраивание» под элитного слушателя оставалось лишь внешним действием. Слова А. Блока о том, что «сейчас в литературе нужно быть особенно осторожным», чтобы «не наделать ошибок», становилось для С. Есенина своего рода предупреждением. Своей лирической музе он оставался верен и неизменен. Даже на предложение полковника Ломана, от которого зависела его

судьба, написать стихи в честь Николая II, он ответил отказом. А на встрече с императрицей Александрой Фёдоровной, прочитав посвящение «Приветствует мой стих молодых царевен» и стихи о России, на вопрос, почему так грустны ваши прекрасные стихи, ответил: «Такова вся Россия, сударыня».

Между тем петербургская среда, несомненно, оставила свой след в есенинской поэзии. Сам он позже напишет: «Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности». Начиная с конца 1914 года границы его художественного мира раздвигаются: в него врывается бурный поток «неопределенно-личных», «туманных» образов типа: кого-то, кто-то, кому-то («Кого-то нет и тонкогубый ветер / Поёт о ком-то сгинувшем в ночи»), образ России наполняется «нездешними» мотивами («Холодной скорби не измерить./ Ты на туманном берегу»). Все эти туманы, сны, видения теснят прежний лирический стих, придавая ему особое струение. С выходом первого сборника в 1916г. «Радуница» он становится знаменитостью.

В этом же году поэт был призван в армию — служить в санитарном батальоне. Шла Первая мировая война. Но, не участвуя в боевых действиях, будучи «вне политики», он чутко уловил настроение народной среды. Его тревожат предчувствия надвигающейся социальной катастрофы. В конце 1916 года он напишет пророческие строки: «Только знаю: будет/ Страшный вопль и крик./ Отрекутся люди/ Славить новый лик./ Скрежетом булата/Вздыбят пасть земли/ и со щёк заката/Спрыгнут скулы-дни».

Февральскую революцию и Октябрьский переворот С. Есенин принял сочувственно, но скорее стихийно, чем сознательно. (Позже он заметит: «Был на стороне Октября, но с крестьянским уклоном»). Это мощное историческое движение понималось им, как некое отвлечённое разрушающее начало, скопившееся в недрах народных масс, изобразить которое возможно лишь в уподоблениях бушующим силам природы, одухотворённой библейскими легендами и антропологически преобразованной. Под огромным давлением событий бунтарские силы воспрянули в поэте. Он пишет целый ряд поэм, отражающих наступление небывалой Мистерии духа, охватившей безграничный космос пространства («Да здравствует революция на земле и на небесах!»). Их названия апеллируют исключительно к библейскому словарю: «Отчарь», «Октоих», «Преображение», «Небесная голубица», «Инония», но интерпретация служит выражению земных, насущных, чаяний, надежд и стремлений. Поэт ждёт от революции наступления долгожданного мужицкого рая («Новый на кобыле/ Едет к миру Спас./ Наша вера — в силе./ Наша правда — в нас»). Отсюда вся образная система, сформулированная в «Ключах Марии», как изначальная незапятнанность народного представления, должна, по Есенину, возродиться в обновлённой жизненной формации («Тучи — как озёра. /Месяц — рыжий гусь./ Пляшет перед взором/ Вздыбленная Русь!»). Поэт уже видит, подобно чарующему видению, картину этого светлого мужичьего парадиза («Под Маврикийским дубом /Сидит мой старый дед/ И сыплет его шуба/ Горохом частых звёзд»). И сам он, подхваченный стихийным потоком истории, словно удивившись случившемуся, объявляет себя представителем той силы, которая взбудоражила этот «устоявшийся» мир: «Небо — как колокол./ Месяц — язык. — Мать моя родина/ Я — большевик!». Но очень скоро эта, всё разрушающая, стихия погасит торжествующую патетику. Он увидит такой её кровавый разгул, от которого содрогнётся.

В августе 1920 г. в письме Е. Лифшиц С.Есенин пишет: «Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжёлую эпоху умерщвления личности, как живо-

го, ведь идёт совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определённый и нарочитый. ... Тесно в нём живому, тесно строящему мост в мир невиданный, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений». Чувство разочарования в «революционном разбеге» приводит поэта к имажинистам, выступающим против идеологии в искусстве, но за утверждение «образа-самоцели». Однако привлечённый их внешней новизной, С. Есенин очень скоро поймёт, что природа его образа, цели и задачи далеко не идентичны собратьям по перу. «Поэту всегда нужно раздвигать зрение над словом, — утверждал он. — Мы должны знать, что до наших образов двойного зрения: «Головы моей жёлтый лист», «Солнце мёрзнет как лужа» были образы двойного чувствования: «Мария, зажги снега» и «заиграй овражки», «Авдотья, подмочи порог». Это образы календарного стиля, которые создал наш великоросс из той двойной жизни, когда он переживал свои дни двояко, церковно и бытом». Такое обобщение поэта весьма примечательно: оно формулирует его целенаправленность. «Дело не в имажинизме, — замечает он. — Дело в моём сознании, преображении мира посредством этих образов». Следует также заметить, что многие из них типа: «Ныне лошади луну выпили» или «Золотою лягушкой луна/ Распласталась на тихой воде» имажинисты торжественно приписывали себе. Между тем, их сущность была непосредственным порождением народного восприятия окружающих сил природы и связанного с ним народного быта: луна отражалась в луже воды, лошади её выпивали — луна исчезала, в тихую погоду очертания луны на воде напоминали распластавшуюся лягушку. Очень скоро наметившийся разрыв между С. Есениным и имажинистами перейдёт в глубокий барьер, вызывающий «отторжение» по самому коренному нерву. «У собратьев моих нет чувства родины», — подведёт он итог их коллективному сообществу.

1918 – 1922 Годы — время нарастания сложностей и противоречий в жизни С. Есенина. К эпохальным разочарованиям прибавились и личные потрясения. Он женится на З. Райх, но несмотря на рождение дочери и сына, семья распадается. Вероятно, чтобы снять тяжесть психологического напряжения (и немало всмотреться в «железную поступь» ещё невиданных сил на бескрайних просторах России), он пускается в «бурное плаванье»: от Ташкента до Баку, не один раз побывав и на легендарном Дону. Особенно памятным был его приезд в донскую столицу в июле-августе 1920 г. по распоряжению Комиссара Просвещения А.В.Луначарского. С поэтами А. Мариенгофом и А. Колобовым он жил в правительственном вагоне, посещал Новочеркасск и Таганрог, выступал с чтением стихов в ростовском кинотеатре «Колизей». Позже названный «Буревестником» (угол Садовой и Ворошиловского), в то далёкое время его зал вмещал более 600 человек. По сообщениям местной прессы, на встречу с С. Есениным он не мог вместить всех желающих. Под аккомпанемент внимающей тишины поэт прочёл несколько новых стихотворений: «Сорокоуст», «Кобыльи корабли», «Исповедь хулигана», «Я последний поэт деревни». Их выбор был не случайным: в них отразились и поиски образной выразительности, не лишённой воздействия имажинистской условности («Не пропустит когтей лазурь/ Из пургового камня-смада»), эпатирующих выпадов, но и тот обострённо страстный надрыв, который рвался из надломленной души, потрясённой революционным беспределом («Русь моя, кто ты? Кто? Чей черпак в снегов твоих накупь? На дорогах голодным ртом / Сосут край зари собаки»). И что не менее характерно — определился его непреодолимый разлад между тем, что «душу облакает в плоть» и тем хаотически

бессмысленным и беспощадным, называемым «социальными потрясениями». Где-то на интуитивном уровне у него проявляется осознание русской революции, как некой стихии, разрушающей, прежде всего, всё исконно живое и традиционное. Более того, эта его мысль глобально раздвинута до космических обобщений: все революции совершаются по одному сценарию. В стихотворении «Сорокоуст» С. Есенин отслужил панихиду с тоской и болью в сердце по дорогой ему деревне. Всё в ней теперь переверотилось, утратило радость жизни, омертвело: «жалобно стонет гармоника», застыл «дворовой молчальник бык», и даже мельница, почуяв беду над полем «в поступи железного гостя», стоит «глаза смежив», а «соломой пропахший мужик захлебнулся лихой самогонкой». В связи с этим страшные предчувствия возникают в сознании поэта: «Никуда вам не скрыться от гибели./ Никуда не уйти от врага». Свой беспощадный приговор этой надвигающейся чёрной силе он высказывает открыто и бескомпромиссно: «Чёрт бы взял тебя, скверный гость!/ Наша песня с тобой не сживётся», а объявляя себя «последним поэтом деревни», предрекает и свою собственную гибель: «Скоро, скоро часы деревянные / Прохрипят мой двенадцатый час».

Примечательно, что «Сорокоуст» был написан «по живым следам». Где-то в районе Тихорецкой поэт увидел тщетно бегущего за поездом красногривого жеребёнка. Так возник образ, олицетворяющий прекрасный мир уходящей природы, который противопоставлялся ненавистному «железному гостю»: «Милый, милый, смешной дуралей, / Ну куда он, куда он гонится?/ Неужель он не знает, что живых коней/ Победила стальная конница?» Конечно, менее всего этот протест нужно понимать, как отрицание технического прогресса и утверждение патриархальных устоев: назревала неприемлемость как бездумного уничтожения природного мира, так и рационалистического использования его потенциальных возможностей, а вместе с этим и разрушение самих основ человеческой личности. Потому с такой горечью поэт замечает: «По-иному судьба на торгах перекрасила/ Наш разбуженный скрежетом плёс,/ И за тыщи пудов конской кожи и мяса/ Покупают теперь паровоз». А немногим позже, словно приближая наше меркантильное время, напишет: «Как в смиренную рубашку, / Мы природу берём в бетон».

В итоге командировка С. Есенина на Дон, санкционированная А.В. Луначарским, едва ли способствовала пропаганде «поднятых на дыбы» революционных «новаций». Скорее его выступления будили тоску по исконно заветному в человеческой природе, призывали к сохранению истинно духовных ценностей, закрепляя за ним имя большого поэта, и без того уже широко гремевшего по России.

В этот приезд С. Есенина на Дон он знакомится с начинающим поэтом Ниной Грацианской. Не раз он приходил к ней на ул. Социалистическую 50 (дом не сохранился). В её квартире собиралась творческая молодежь, и он читал свои стихи, рассказывал о встречах с А.Блоком и С. Городецким, а перед отъездом на прощанье подарил сборник стихов «Голубень» с памятной надписью: «Утешаюсь тем, что и я был когда-то таким же юным, как и Нина Грацианская». Ей было 16 лет. На смерть С.Есенина она отозвалась стихами: «Не родной и даже нелюбимый,/ Всех утрат огромней и тяжелей./ Всех обид ушедших солоней,/ Русь моя, ужель на самом деле/ Смолк навек рязанский соловей».

Трагические мотивы, заявленные в 1918 – 1920 гг., со временем будут углубляться и интерпретироваться в различных вариантах. Как правило, они станут сопрягаться с темой деревни, с её сокрушительным истреблением и деформацией

коренных устоев («Вот сдавили за горло деревню/ Каменные руки шоссе», «Стынет поле в тоске волоокой,/ Телеграфными столбами давясь», «На тропу голубого поля/ Скоро выйдет железный гость./ Злак овсяный, зарёю пролитый./ Соберёт его чёрная горсть»). И сам поэт, словно идя по замкнутому кругу, ощущает себя безнадежно обречённым («Средь железных врагов прохожу»). Так появляется целый цикл стихотворений «Москва кабацкая», в которой отчаяние переходит в буйство, тоска — в смятение, растерянность — в мучительный крик. И объявление себя в самых скандальных воплощениях: бродяги, забияки, гуляки, шарлатана, злодея, уличного повесы... Трагедия бунтарства высказывается предельно откровенно: «Заливаю глаза вином,/ Чтоб не видеть в лицо роковое, / Чтоб подумать хоть миг об ином». Урбанистические мотивы, которые сменяют прежнюю «роскошь цветения» и «половодье чувств» сельского бытия, отражают теперь мертвенно застывшие краски, деформированные предметы, отражённые на поверхности мутной водяной глади («В чёрной луже продрогший фонарь./ Отражает безгубую голову», «меж скелетов домов, словно мельник, несёт колокольня/ Медные мешки колоколов»). Возникает целый ряд «тёмных» неологизмов типа: мреть, жуть, темь, зловещая выбель. Природа, если и проглядывает, то в зловеще мрачных тонах («Бродит чёрная жуть по холмам./ Злобу вора струит в наш сад»). Чёрный цвет вторгается всюду, разливая ужас смертельного предчувствия. И с обескураживающей силой обречённости поэт объявляет: «Здравствуй ты, моя чёрная гибель! Я на встречу тебе выхожу». Кажется невероятным, но в эту жестокую атмосферу крошечной безысходности вдруг начинает вторгаться несказанно оживляющий, перестраивающий всё чуждое человеческой душе, — тёплый и нежный свет, смиряющий своей неистовой благодатью. Так появляется гениальное стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу» об утраченной и бесполезно растраченной юности, о сожалении («О моя утраченная свежесть...») жизни-миге, похожем на чудный сон с промелькнувшим «розовым конём» «весенней гулкой ранью», о примирении всего живого и близкого: «Все мы, все мы в этом мире тленны». Последние строки стихотворения звучат как «молитвословное» откровение, ставшее формулой великого гуманизма: «Будь же ты вовек благословенно,/ Что пришло процветать и умереть». Любопытно, что это лирическое излияние было навеяно элегическим вступлением к шестой главе поэмы «Мёртвые души» Гоголя, власть которого над поэтом во все годы была безупречна. «... Что пробудило бы в прежние годы живое движенье в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О, моя юность! О, моя свежесть!» — эти строки из поэмы великого писателя-сатирика внесла к комментарию стихотворения С. Толстая-Есенина.

Безусловно, нужен был весьма сильный и решительный «стресс», который мог бы вывести поэта из критического состояния. И он представился. В 1922 году С. Есенин знакомится со знаменитой Айседорой Дункан, приехавшей в Россию по приглашению А.В. Луначарского. Женившись на «великой лицедейке танца» (А. Мариенгоф), он уезжает за границу более чем на год, посетив Францию, Германию, Италию, Бельгию, Голландию, США, Канаду. Стремление увидеть «большое на расстоянии», несомненно, захватило поэта. В то же время все его письма пронизаны мучительной ностальгией по России («Но более всего любовь к родному краю/ Меня томила, мучила и жгла»), а сравнения «нищей России» с респектабельным Западом порождали неоднозначность увиденного. Высокое развитие европейской и американской техники давало возможность почувствовать

не только неизбежность конца «полевой» страны (при этом в нём обострялось противоречие между «разумными», необходимыми и вечными ценностями), но и обескураживающую бедность внутренней культуры. Под «знаком» гоголевской сатиры в очерке «Железный Миргород» он утверждает: «Там из Москвы, нам казалось, что Европа — это самый обширный рынок распространения наших идей в поэзии, а теперь я вижу: Боже мой! До чего прекрасна и богата Россия в этом смысле. Кажется, нет такой страны и быть не может». И далее: «Сами американцы — народ весьма примитивный со стороны внутренней культуры. Владычество доллара съело в них все стремления к каким-либо сложным вопросам. Американец всецело погружается в бизнес и остального знать не желает».

Выступления поэта среди русских эмигрантов нередко заканчивались скандалами. Было невыносимо читать сенсационную прессу, в которой он представлялся только как молодой муж прославленной Айседоры или коммунист, прибывший с целью пропаганды большевистских идей. Одно из своих писем он заканчивает душераздирающим криком, интерпретированным строками героя Н.Гоголя из «Записок сумасшедшего»: «Развейтесь, кони! Неси мой ящик! Матушка, пожалей своего бедного сына! А знаете? У алжирского бея под самым носом шишка!».

Возвратился С. Есенин в Россию в августе 1923 г. без Айседоры Дункан. За рубежом они расстались. Трудно было представить этот брак долгосрочным уже только потому, что супруги говорили на разных языках (Айседора знала многие европейские языки, но по-русски — ни слова. С. Есенин владел только русским языком). Но что изменил этот долгий зарубежный вояж в мировосприятии поэта? На этот вопрос современники давали диаметрально противоположные оценки. А. Мариенгоф, например, который был весьма близок к поэту, заметил, что уехал он «надломленным», а приехал «сломленным». Но, вероятно, всё обстояло гораздо сложнее. В творчестве С. Есенина всё-таки намечается некоторый стимулирующий сдвиг: он заявляет новые темы, героев, его лирическое «я», словно прозревает, увидев ранее невиданное. «Вот так страна! Какого ж я рожна кричал в стихах,/ Что я с народом дружен...». Он пишет целый ряд стихотворений, поэм, баллад, в которых передаёт своё стремление постигнуть героические свершения своего времени, понять новые идеи и их носителей. («Поэма о 36», «Баллада о 26 бакинских комиссарах», «Русь Советская», «Возвращение домой», «Стансы»...) Но как эти произведения уступают прежней раскованности, захватывающей многоцветности, покоряющей музыкальности звука! Нет в них лирической прелести образов и органического «струения» ритма; они уступают место рваной, короткой строке, в которой эпичность «факта» становится превалирующим явлением. Он создаёт великолепную поэму «Анна Снегина», но судьба героини и поэтического «Я», ввергнутых в водоворот революционных событий, преобладают в ней. Многие стихотворения эпической ориентации этого периода претерпевают неоднократные правки, в первоначальных вариантах более обостряя социальные сдвиги. Так, если в «Возвращении на родину» исключены строки, отражающие смятение и растерянность души («Россия! Кто ты? Марево иль путь? Куда же мне, куда теперь идти?»), в стихотворении «Метель» неприятие новых идей выражено со всей откровенностью («Живой души не перестроить век./ Знать потому и с Марксом я не слажу,/ что он чужой мне,/ Скучный человек»). Поэт обращается к образу Ленина. Но, назвав его «капитаном земли», «суровым гением», далее заявить о нём по-маяковски: «Я себя под Лениным чищу» он,

конечно, не мог. Для С. Есенина Ленин так и остался «вроде сфинкса предомной», — непонятным до конца и не признанным («Конечно, мне и Ленин не икона»). Более того стихотворение «Ленин» (как часть задуманной, но так и не осуществлённой поэмы «Гуляй поле») завершается словами о соратниках вождя после его смерти: «Ещё суровой и угрюмой/ Они творят его дела», где весьма жёсткие эпитеты «суровый и угрюмый» не вызывают ни теплоты, ни светлого эффекта. Примечательно, что в стихотворении первоначально были строки о «невинном и добродушном народе», «непослушном всякой власти», знающем и понимающем, что «город-плут, куда весь хлеб его везут,/Расправой всякому грозя, /Ему не давши не гвоздя». В конечном варианте поэт их исключил: слишком жёсткими представлялись оценки.

Известно, что энергия даётся «под идею», ради которой совершается всё повседневное. Но эта идея — «целенаправленного движения страны» — казалась поэту всё более зыбкой и непонятной. Вглядываясь в «очарованную даль», он видел лишь неясные и причудливые очертания. Отчего душа рвалась и стонала («С того и мучаюсь, что не пойму,/ Куда несёт нас рок событий»). Вектор стремления и реальности всё более расходился, удаляясь от единого синтеза. Рядом с желаемым: «Я полон дум об индустриальной мощи», «Но и всё же хочу я стальную/ Видеть бедную нищую Русь» появлялось покаянно исповедальное: «Я очутился в узком промежутке», «В своей стране я словно иностранец», «Соглядатай праздный, я ль не странен/ Дорогим мне пашням и лесам».

Состояние поэта испытывает резкие колебания в пределах одного времени. С пометкой 4 января 1925 года он публикует два стихотворения: их антиномия крайне полярна. В «Метели» утверждается: «Не знаю, болен я или не болен, / Но только мысли бродят невпопад... Себя усопшего в гробу я вижу», в лирическом откровении «Весна» интонация меняется: «Припадок кончен. Грусть в опале...». Возникает чувство раздвоенности сознания: «Нет, никогда с собой я не полажу./ Себе, любимому, чужой я человек». Тревожный вопрос: «Ужель нет выхода в моём пути заветном» порождает неоднозначную серию вариативных ответов: «Забыть ненужную тоску,/ И не дружить вовек с богемой», «Пора приняться мне за дело,/ Чтоб озорливая душа уже по зрелому запела»... В письмах последнего года жизни С. Есенин словно «примиряется» в грядущее, строит светлые планы на будущее (решает издавать альманах «Поляне», подписывает договора, включая «Собрание стихотворений», покупает квартиру сёстрам, надеется съездить за границу, — будто забыв о своём недавнем неприятии её). 13 июня он решает заключить брак с Т. Толстой — внучкой великого писателя (юридически брак был оформлен 18 сентября). Но уже в июле пишет Н. Вержбицкому: «Видно мне не остепениться. Семейная жизнь не клеится, хочу бежать,.. слишком здесь всё заполнено «великим старцем».

Чтобы убить в себе тревогу и предчувствие надвигающейся трагедии, поэт всё настойчивее тянется к перемене мест: дорожный вихрь захватывает его (в течение 1925 года он побывал шесть раз в Константинове, три раза на Кавказе, семь раз в Ленинграде). И, как никогда, много пишет. Вопреки утверждению А. Мариенгофа: после возвращения из-за рубежа «весь смысл его жизни был: плевать на жизнь», содержание стихов скорее опровергает это. В них немало стремления прорвать тяжесть замкнутого круга, преодолеть бездну хмельного угара. Потому так сильно их поэтическое напряжение, интонированное риторическими вопросами, восклицаниями, различного рода междометиями типа:

«Что случилось? Что со мною сталось?», «Какая ночь! Я не могу. Не спится мне. Такая лунность», «Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый!», «О, моё счастье и все удачи!» Но как много в них и зимнего холода, ледящего душу надрыва, выюжного взлёта и падения! Поэт будто заживо отпевает себя под панихидные всхлипы метели («Снежная равнина. Белая луна. Саваном покрыта наша сторона./ И берёзы в белом плачут по лесам./ Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?»). В стихотворениях «Письмо к деду» и «Метель» мотив литургического отпевания поднимается до галлюцинаций («В ушах могильный/ Стук лопат/ С рыданьем дальних колоколен», «Но видишь не постель./ А узкий гроб./ И что тебя хоронят»). Поэтическому состоянию аккомпанирует и природа: застывшая, помертвевшая в тоскливой безысходности («Холодят мне душу эти выси./ Нет тепла от звёздного огня», «Как кладбище, усеян сад./ В берёз изглоданные кости», «Месяц, словно жёлтый ворон, / Кружит, вьётся надо мной»). Но как и ранее, в этом узком заледеневшем пространстве начинает пробиваться иной, — благодатный свет великой человеческой любви: «Знаю я, что в той стране не будет/ Этих нив златящихся во мгле./ Оттого и дороги мне люди./ Что живут со мною на земле». Колоссальная энергия чувств поэта прорывается и находит выход из самых драматических «личных» неудач и потерь, обретая опору в универсальных органических ценностях («...Ну а если есть грусть — не беда./ Золотей твоих кос по курганам/ Молодая шумит лебеда»). И сколько русской удачи, лихого раздолья и необъятной шири звучит в других лирических откровениях! («Эх, вы, сани! А кони, кони! Будто чёрт их на землю принёс!/ В залихватском степном разгоне/ Колокольчик хохочет до слёз», «Поддержись, моя жизнь удалая./ Я ещё не навек постарел!... Пой, ямщик, вопрекор этой ночи./ Хочешь, сам я тебе подпою / Про лукавые девичьи очи./ Про весёлую юность мою»). Неизменным остаётся у поэта, при всех невзгодах и распрах, незаёмное чувство любви к своей многострадальной родине («Радуюсь, свирепствуя и мучась./ Хорошо живётся на Руси»).

Вместе с тем, через многие стихотворения лейтмотивом проходит образ лихой искромётной тройки, уносящей в немую тьму весёлую безмятежную юность, а с ней и невозвратную радость отлетевшей жизни («Всё укатилось под вихрем бойким/ Вот на такой же, на бешеной тройке»). Появляется тема «блудного сына», возвратившегося к родному очагу или обрётшего себя на вечное скитание («Не вернусь я в отчий дом./ Вечно странствующий странник», «Снова вернулся я в край родимый./ Кто меня помнит? Кто позабыл?/ Грустно стою я, как странник гонимый, —/ Старый хозяин своей избы»). И как расплата за бесцельно растроченные годы, «за промотанную юность», возникает образ порочного Дон-Жуана («За свободу в чувствах есть расплата./ Принимай же вызов, Дон-Жуан!»). Отсюда мощным потоком в лирическое пространство врываются шлейфы «сумрачных» оксюморонов: горькая слава, гробовая дрожь, лукавая кротость, холодное кипенье, злая улыбка, плачущая весёлая флейта, метельный чад, озябшая луна, свинцовая свежесть полыни, стеклянная хмарь, тоска мятежная, забубённая слава, мглистое сердце, красивое страданье, ревнивая отвага, шуршащий полог тумана... Метаморфозы порою таковы, что кажутся бредовыми видениями («На этих липах не цветы — / На этих липах снег да иней»). Музыкальность аллитерированных строк нередко завораживает, создаёт берущий в плен элегический настрой («Свищет ветер, серебряный ветер./ В шёлковом шелесте снежного шума», «Синий туман. Снеговое раздолье./ Тонкий лимонный лунный свет»).

Порою строки прерываются многоточием, словно раздвигая подспудное пространство («Неудержимо, неповторимо/ Всё пролетело... дальше... мимо.../ Сердце остыло, и выцвели очи.../ Синее счастье! Лунные ночи!»)

25 Ноября С. Есенин был помещён в очередной раз в медицинскую клинику. Его лечили лучшие профессора, заметив, что «дела его плохи». Из клиники он пишет П. Чагину: «Опять лёг. Зачем — не знаю. Избавлюсь от скандалов и, вероятно, махну за границу... Посылаю тебе «Чёрного человека». Прочти и подумай, за что мы боремся, ложась в постель». В этой едва ли не самой мистической поэме в русской литературе поэт поставил себе диагноз: «Осыпает мозги алкоголь». Между тем его поэтический ум оставался неистощимым до последних дней. Кто-то из современников вспоминал: он мог потерять всё, но только не стихи. Никогда ещё они не были так безукоризненны по форме и предельно просты по своеобразию. Заявивший когда-то, что «стихи писать, что землю пахать», в последний год поэт работал так скоро и с такой самоотдачей, как никогда ранее.

В наше время идёт бурная полемика вокруг имени С. Есенина. Трудно назвать другого русского поэта, к которому так интенсивно обращался бы наш культурный мир: многосерийные телевизионные и кинематографические фильмы, моноспектакли, публицистические выступления, музыкальные переложения (опера В. Агафонникова «Анна Снегина») и др. Многие из них сосредоточены на «загадке» гибели поэта: убили или не убили, и кто убил? Но тогда, 29 декабря 1925 года в гостинице «Англитер» у медицинских экспертов причина его смерти не вызвала сомнений, как не было их и у прибывших в те дни в Ленинград матери и сестры поэта, З. Райх и других близких ему людей. Но вот спустя много десятилетий кто-то по фотографии трупа решил, что здесь что-то не так. И версия стала обрастать неожиданными домыслами, не подтверждаемыми никакими документами. Конечно, предполагать и выстраивать «на песке» можно многое. Но несомненно, одно: С. Есенин шёл неуклонно к своей гибели (при всём, казалось бы, стремлении порою вырваться из колдовского омута). Трудно было выдержать испытания огромной славой, которая внезапно свалилась на него, и ещё более невыносимей — устоять против всеильного натиска времени (он это хорошо объяснил в «Письме к женщине»: «Их мало, с опытной душой,/ Кто крепким в качке оставался»). Склонность к суициду (по подсчётам исследователей, попыток к самоубийству было не менее семи: впервые в ранней юности из-за неразделённой любви) довершила свою трагическую развязку. Но ведь не это главное в великом поэте. Главное в том оставленном нам гениальном наследии, которое вот уже целое столетие радует, волнует и теребит загадочную русскую душу.

К 60-летию поэта

Виктор Череватенко

ЗЕРНИНКИ С ЛАДОНЕЙ

Сентябрь наполнил яблони подол –
Тугую ветвь, того гляди, обломит.
А рядом пенёк – уже трухой пошёл,
А всё как будто цвет и завязь помнит,

Всё видит свой могучий ствол во снах,
Листву густую и плоды без счёта...
И дед Степан – в годах, при орденах,
Стоит над пнём, как будто ждёт чего-то.

Сорвать бы яблочко! – ведь рядышком висят,
А дед в пенёк туманный взгляд уставил.
Плод ощутить – аж пальцы рук свербят,
Тех рук, что на войне Степан оставил...

(Перевод с украинского – Сергея Ташкова)

Череватенко Виктор Яковлевич украинский поэт. Член Союза писателей России. Лауреат первой международной литературной Премии «Слобожанщина» (2006 г.).

Окончил Харьковский мединститут, работает детским врачом «скорой помощи» в г. Белгороде. Долгое время участвовал в работе литературной студии «Современник», которой руководил поэт Игорь Чернухин. В настоящее время — активный член литературной студии «Слово». Автор книг: «Як цвіт черемухи», «Любі мої хороші», «Послушай меня», «Матильда», «Вознесіння». Публиковался в журнале «Наш современник», альманахе «Светоч» и других периодических изданиях России и Украины.

В журнале «ДОН_новый» публикуется впервые.

Зернинки с ладоней
 скатятся в землю,
Чтобы зелёные стебли
 зрели в огне зари.
— Смотри! —
Как солнце
в колосьях июльских горит.
Смотри, как земля
 подтверждает право
 выращивать хлеб
на Танковом поле,
где кровью солдатской доли
Земли
 каждый корень
 полит.
(Перевод с украинского — Владимира Молчанова)

Я ТАК ДУМАЮ, ДОКТОР...

Записки детского врача

НАДО ПОСМОТРЕТЬ

Захожу в квартиру, где на кровати лежит малыш. Догадываюсь, что это и есть заболевший мальчик, которому мама вызвала «скорую». Спрашиваю:

- Кто у вас заболел?
- Я заболел. — Отвечает мальчик.
- А что у тебя болит?
- Я так думаю, доктор, посмотрите и скажите, что у меня болит.

КАК ТЫ МОГЛА

Мама вызвала дочери «скорую помощь». Когда мы приехали, мама позвала больную:

— Доченька, иди сюда, тебя врач посмотрит.

Девочка махнула рукой и надула губки.

— Мамочка, как ты могла родной дочери врача вызвать?! Он же ложкой в рот мне полезет, сделает укол и начнёт приставать: «Поедем в больницу, поедем в больницу!»

ОТКРОВЕННОСТЬ

Не успел я зайти к своим знакомым провести больного ребёнка, как ко мне подбежал его братик.

— А дедушка стул разбил!

— Как разбил?!

— А вот так. Взял и бабушку по спине — бах! И разбил.

— Сынок, ну разве можно всё рассказывать? — Засуетилась мама. — Беги на улицу, а то ещё чего вспомнишь.

ЗАМАНИЛА

Ваня выздоровел, и я разрешил ему выходить на улицу. Мама надела на Ванюшу беленькие гольфики, голубенькие шорты, белую рубашку и совсем новенькие сандалии.

— Беги на улицу, жди нас, — сказала мама.

Когда папа и мама вышли на улицу — обмерли: Ванюша, забрызганный с головы до ног, стоял посреди большой лужи. Понимая, что ему грозит, Ваня зарыдал:

— Я не виноват, честное слово. Меня лужа сама заманила...

УБИЛИ!

Какое-то время в диспетчерской «скорой» было затишье. И вдруг — звонок!

— Скорее, скорее «скорую»! Мальчик упал! Лежит без сознания. Скорее, скорее приезжайте! — Затараторила женщина.

— Успокойтесь. Какой адрес? Уточните подробности. — Перебила её диспетчер.

— Богдана Хмельницкого сто пятьдесят четыре, во дворе... Упал и лежит!.. Ой! Скорее приезжайте!..

— Берём с собой всё для реанимации! — На бегу кричу фельдшеру.

Только въехали во двор, пожилая женщина кинулась нам навстречу.

— Сюда, сюда, миленькие. Я вас сейчас отведу, пойдёте со мной. Я вот здесь сижу на скамеечке, а он, мальчик-то, вон там стоял и вдруг ни с того ни с сего, как стоял, так и рухнул на землю. Я к нему подбежала, подхватила на руки, а он как неживой: руки висят, голова болтается, глаза закрыты, и не дышит... А он на третьем этаже живёт. Так я его в квартиру отнесла, там мама его дома... А сама побежала вас вызывать...

Когда я и фельдшер с двумя большими медицинскими сумками вбежали в квартиру, женщина указала пальцем на мальчика.

— Вот он!

На диване спокойно сидел мальчуган лет пяти и удивлённо глядел на нас.

Виктор Череватенко «Зернинки с ладоней»

- Что случилось с мальчиком? — Не переводя дух, выпалил я
— Н-не знаю... Он гулял по улице, а его принесла соседка... Это она «скорую» зачем-то вызвала. — Недоумевала мама.
Соседка начала было повторять свой рассказ, но я прервал её:
— Вы тут пока между собой разберитесь, а я с мальчиком поговорю. Тебя как зовут? — Внимательно посмотрел я на «пострадавшего».
— Коля.
— Коля, ты падал? Что с тобой случилось?
— Да-а... Падал.
— А почему ты упал, помнишь?
— Помню. Меня убили.
— ...?
— Там мальчики из автомата по мне стреляли и убили меня.
— А ты почему не отстреливался?
— А у меня пистолета не была-а-а... — Заплакал Коля.

ВРАЧИК

- Когда Оля заболела, ей было очень плохо. Она задыхалась и хрипела. Мама вызвала врача. Девочка знала, что врач должен её вылечить. И в самом деле, после моего визита, Оля быстро пошла на поправку. Когда же я пришёл навестить девочку, мама спросила её:
— А ты узнаёшь, кто к тебе пришёл?
Оля внимательно посмотрела на меня и заулыбалась.
— Знаю. Это врачик.

НЕ ХОЧУ

- Володе пять лет. Он тяжело заболел: высокая температура, капризничает. Мама пытается поставить ему термометр. Мальчик отмахивается и в бреду повторяет:
— Не хочу, ничего не хочу! Я жениться ни на ком не хочу!..

ЧЕЙ ГОРОД

- Никита, трёх лет от роду, приехал к бабушке из Севастополя и заболел. Осмотрев его и назначив лечение, спрашиваю:
— Никита, чей сейчас Севастополь, украинский или русский?
Не задумываясь, Никита отвечает:
— Белгород — бабушкин, а Севастополь — дяди Вани!

КУДА ТЫ ПОПЁРЛАСЬ?

Дети часто копируют своих родителей и в поведении, и в манерах, и в выражениях.

Так, на одном из вызовов, попросил маму принести чайную ложечку, осмотреть горлышко ребёнка. Мама поспешила на кухню, но её остановил детский голос.

— Мама, куда ты попёрлась?.. Да здесь же ложки, блин, — в серванте!..

Спрашиваю Дашу:

— Тебя мама била?

— Как била?

— Ну, по попе била?

— Да. А, вообще, лупила!

Вера Павловна наводит порядок в комнате. Стала на спинку дивана, чтобы снять паутину.

— Мама, — говорит Даша, — смотри, а то упадёшь, а папа будет спрашивать: «Дочь, а где моя любимая?..»

СОВЕТ

У мальчика заболело ушко. Когда боль стала невыносимой, мама вызвала «скорую».

Мальчик внимательно слушал, как я объяснял маме, чем закапывать ушки и какие пить таблетки. Решив, что таблетки не помогут, он дал мне совет:

— Врач, а ты лучше скажи: «Ушко, ушко, не болей!»

— Даша, ты борщ будешь кушать? — Спрашивает мама.

— Нет, не буду...

— А суп?

— Не буду...

— А котлетку?

— Нет...

— А по попе хочешь?..

— А это не кушанье!

Алексей Береговой

ДОРОГА НА СЕЛИНДЕР

Роман

(Продолжение. Начало в № 1-2-2015 г.)

Глава восьмая

«ПЕЩЕРА АЛИ-БАБЫ»

1

Ощущая какую-то немую жуть, он стал всматриваться в эти глаза, пытаясь в слабом свете звёздного сумрака хоть что-то рассмотреть в них, но ничего не увидел, кроме полнейшей, какой-то космической, провальной пустоты, — он понял, что девушка его не видит, что глаза открываются будто сами по себе, не для взгляда, а для чего-то другого, но это всё же были живые глаза, может, даже — на мёртвом теле, они заставляли человека цепенеть, ощущать внутреннюю жуть, но не позволяли отвести взгляд.

Неожиданно глаза девушки резко закрылись, будто кто-то невидимый перевел рычаг, приводящий в движение её веки со смутно просматривающимися длинными ресницами.

Человек надёжнее прислонил девушку к крышке багажника и снова полез в машину — к прикуривателю. Скоро рубиновый огонёк снова заиграл на кончике ещё одной примятой сигареты, и человек, глубоко затягиваясь, на несколько минут задумался...

Докурив сигарету, он расстегнул свою куртку и положил её на снег.

Потом бережно уложил на неё девушку, просунул её голову в капюшон, накинул на плечи свой рюкзак и взялся за рукава. Это было очень неудобно и трудно — тащить недвижимое тело на сравнительно небольшой куртке, которая к тому же нагребала снег воротником и капюшоном, но так всё же

Береговой Алексей Григорьевич, член Союза писателей России, прозаик, публицист, автор тринадцати книг прозы и публицистики. Председатель правления Ростовского регионального отделения Союза писателей России, Секретарь Правления Союза писателей России, член Приёмной Коллегии СП России.

Рассказы писателя печатались в Болгарии в переводе на болгарский язык.

Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

можно было двигаться, потому что нести её по скользкой, заснеженной дороге он был не в состоянии.

Надо было искать развилку — съезд с шоссе на местную дорогу, ведущую к хутору. И он медленно, не зная, где может быть эта развилка, и потому наугад, спиной вперёд, потащил девушку на куртке, мучительно стараясь вспомнить, проходил ли он этот поворот на невидимый тогда хутор или нет, — поворот должен был всё равно проявиться над снегом полосатыми бетонными столбиками, хотя проявиться над снегом ещё не означало проявиться в его сознании.

Через некоторое время он поднял голову и посмотрел в сторону машины. Она всё ещё чернела расплывчатым пятном в ночной снежной видимости и, как ему показалось, — совсем недалеко. «Да, так я долго буду идти, — с какой-то странной смесью мрачности и безразличия подумал он. — Да ладно,.. лишь бы она не замёрзла... Будем надеяться...»

Он тащил её по снегу вдоль узкой, незанесённой полосы асфальта, и там, где дорога на этой неровной местности устремлялась вниз, чувствовал облегчение и пытался даже передохнуть, на небольших же подъёмах ему порой приходилось напрягаться до жара под свитером и сине-зелёных пятен в глазах, но он упрямо продвигался вперёд, стараясь пореже останавливаться, и только изредка оборачивался и поднимал голову — не стал ли хутор ближе.

Но хутор не приближался — он вяло убеждался в этом и, стараясь не делать никаких выводов, продолжал двигаться спиной вперёд, уже не зная и совершенно не задумываясь, зачем он это делает...

До рассвета оставалось ещё несколько часов...

2

Аврору я чуть было не прозевал. Она вышла в зимнем пальто, и я её не узнал. Отступая в тёмную часть пространства перед входом, я не подумал о том, что сейчас из него повалит толпа работников магазина. А толпа повалила. Точно большая волна, она набежала и схлынула, оставив после себя одинокую женскую фигуру, которая просто-таки излучала растерянность. И тут я понял, что это она, Аврора, и был благодарен этой её растерянности.

— Аврора! — негромко позвал я, выступая из тени.

— Я думала, ты ушёл, — сказала она, и я увидел, что лицо у неё расстроенное.

— Ну что ты? — сказал я как можно нежнее. — Разве я мог тебя обмануть?

— Да? — спросила она. — Это правда?

— Ты сомневаешься, почему?

— Такая я, наверное, есть. Мужчины сразу видят, что меня легко обмануть. И обманывают...

Вот оно что! Потому и такой отрыв на меня — «мужчину» — с первой минуты знакомства.

— Я постараюсь тебя не обманывать, — сказал я, и она заглянула мне в глаза, потом неожиданно подхватила под руку и спросила:

— Пошли?

— А куда мы идём?

— Ты говорил, — в ресторан!

— Конечно, в ресторан, только какой?

— Ты говорил — хороший. Тут совсем рядом есть хороший ресторан.

В гостинице «Интурист».

Я остановился.

— Аврора, — сказал я доверительно. — Я бы очень не хотел идти в Интурист. Давай куда-нибудь в другой ресторан, пусть даже похуже.

— Ты, наверное, поистратился, — ошеломила она меня неожиданным ответом. — Я помогу...

— Да не в этом дело, — сказал я с досадой, чувствуя, что сейчас придётся врать этой милой женщине, хотя я только что обещал ей не делать этого. — Туда, понимаешь, поселились мои попутчики... дружки, так сказать, мои бывшие, а мне очень бы не хотелось их встретить в ресторане, — они бы испортили нам вечер.

На её лице отобразился целый букет чувств — от удивления до порыва меня спасти, но больше всех был замечен страх.

— Да не пугайся ты! — засмеялся я. — Пошутил я. Не был я в тюрьме, а эти люди действительно мои попутчики, приехали мы вместе из Оренбурга. Приглашали в гости к себе, я отказался. Теперь скажут, явился сам...

Было что-то убедительное в моих словах и что-то неубедительное, и, может, она уже жалела, что согласилась со мной поужинать, тем не менее, сказала:

— Тогда пойдём в другую сторону. Тут есть какое-то заведение: не то кафе, не то ресторан, не знаю даже его названия, — никогда там не была...

— Идем, — повеселел я.

Снаружи, на фасаде застеклённой пристройки к жилому зданию было что-то написано росчерком голубого неона по-казахски, — наверное, название, которое я бы не мог осилить. Внутри это была обычная коммерческая забегаловка с подобающей публикой, но претензия на шикарный ресторан просматривалась по всему пространству задымленного зала со стойкой бара под красный мрамор и подиумом для стриптиза посередине. Шёл девятый час вечера, и посетителей было довольно много.

К нам подскочила казашка-официантка, что-то сказала по-казахски, и Аврора пошла за ней. Я двинулся следом. Столик нам достался в самом углу зала у стеклянного витража, он был двухместным, и я готов был расцеловать официантку за такое понимание.

Она положила на столик тёмно-синюю папку меню и неслышно удалилась.

— Аврора, ты сама выбери что-нибудь, я же не знаю ни ваших порядков, ни ваших блюд.

— Я сама плохо знаю здешние порядки, а блюда здесь, наверняка, стандартные, как и везде, — сказала она, открывая меню. — Вот, смотри: кури-гриль, котлеты по-киевски, отбивные, креветки... Что ещё надо?

— Как ты думаешь?

— Я бы съела отбивную...

— Она, наверняка, свинья...

— Я не мусульманка, — засмеялась она. — У нас больше буддистов.

— Ух, ты! — восхитился я. — Первый раз в жизни я так близко сижу с буддисткой.

— Не обольщайся, — сказала она, — ничего такого о буддистах я тебе не расскажу...

— Да, но я слышал, что у буддистов вообще не получается есть мясо, — у них почти все животные священные.

— Ещё есть индуисты, это у них... — Аврора не успела закончить фразу, потому что услышали мы равнодушный, но громкий голос официантки:

— Ну, выбрали?

— Да, — сказал я. — Нам по отбивной, какой-нибудь большой салат из овощей, можно ещё красной рыбы: семги или форели, и копчёной колбаски чуток, мяса там какого-нибудь холодного, сыр не надо, да, — бутылку хорошего красного вина, лучше грузинского, но только не палёного, сок у вас свежавыжатый есть?

— Да, апельсиновый.

— Тогда по соку апельсиновому, потом кофе и, наверное, мороженое. Как ты насчёт мороженого зимой? — спросил я у Авроры.

— Очень положительно, — сказала она. — Только кто это всё есть будет?

— Я оч-чень голодный, — сказал я. — Мне надо много пищи, я бы тебя съел, но ты такая маленькая.

Она как-то странно посмотрела на меня и ничего не сказала, — не поддержала мою шутку, и я понял: мы с ней ещё так мало знаем друг друга, что лучше сдерживаться и не отрываться сполна.

Официантка ушла, а я достал сигареты и закурил.

— Тебе нравится здесь? — спросила Аврора.

— Вроде бы ничего, — сказал я и посмотрел по сторонам. Заведение на ресторан по нашим понятиям явно не тянуло, но для кафе было очень приятным. Отделанные в синие цвета стены, широкие витражи вдоль одной из них, зал с тремя десятками столиков, заполненный мигающим синим светом спрятанных глубоко в потолке светильников, пол из блестящей чёрной плитки, приглушённая музыка из динамиков — какие-то национальные мотивы.

— Похоже на пещеру с драгоценностями, — сказал я.

— Кафе так и называется: «Пещера Али-бабы», — улыбнулась Аврора. — Ты угадал.

Официантка, плеснув вина в фужеры, поставила на стол бутылку «Хванч-кары», высокие стаканы с соком и тарелки с холодными закусками. После этого, пожелав нам приятного аппетита, удалилась, покачивая бедрам.

Я долил вина в бокалы, поднял свой.

— Ну, давай, Аврора, за знакомство, за дружбу народов, так сказать.

— Мне не нравится этот тост, Олег, — сказала Аврора. — От него веет какой-то безысходностью.

— Я не чувствую никакой безысходности, скорее радость по поводу встречи с тобой. Но если хочешь, предложи тост сама. Может, у тебя выйдет лучше.

— Я предлагаю поднять бокал вина за удачу, особенно — за твою удачу, — сказала она. — Удача сегодня нам всем нужна, а тебе, мне кажется, она нужна втройне.

Она была очень серьёзной и совершенно не выглядела весёлой. Словно произносила официальную речь. Её слова можно было толковать и принимать по-разному: и за простоту мысли, и за серьёзность намерений, и за явно скрытый смысл. Но мне не хотелось разгадывать этот ребус. Сейчас мне было хорошо с ней, и я был спокоен, ничего не опасался и никуда не спешил.

— А я хочу выпить за тебя, — сказал я. — За понимающих и сопереживающих женщин.

Вино было отменным, кажется, настоящим грузинским вином. Странно, в последние два дня я ел бы что и кое-как, но сейчас я совершенно не чувствовал голода, мне хотелось только пить хорошее вино и курить. И потому я больше угощал Аврору, — ухаживал что было сил, всё больше и больше ощущая тягу к ней.

Мне хотелось её пригласить танцевать, чтобы под медленную музыку прижимать к себе, но в кафе никто не танцевал, и я не решался приглашать, чувствуя, что получу отказ. Боясь напугать её и всё испортить, я старался изобразить из себя такого ленивого, умеющего не спеша отдыхать, дельца, хотя совершенно не знал, как она к этому отнесётся. Девчонка явно не была избалована ни деньгами, ни воспитанием, и мне было непонятно, почему она так просто и сразу же пошла со мной в кафе, почему говорит так спокойно и не мигая смотрит на меня.

Неожиданно к нашему столику подошёл невысокий узкоглазый парень с тонкими вислыми усиками и что-то спросил у Авроры по-казахски. Та ответила ему тоже по-казахски, после чего парень зло и отрывисто, с явной угрозой, выплюнул ещё несколько казахских слов. Он был в старой европейской куртке и новой казахской шапке и на вид не выглядел пьяным, но и трезвым его было трудно назвать, — глаза блестели сквозь щёлки и как-то странно, совершенно мутно, без глубины, смотрели по сторонам. «Обкуренный», — подумал я, уже настороженно наблюдая за ним. Парень помолчал секунду и вдруг убежал куда-то в темноту зала.

Я предполагал любые варианты, только не тот, при котором она могла оказаться обыкновенной стоеросовой дурой-наводчицей. Она слегка опьянела, я взял её за кисть узкой руки с тонкими пальцами, и сказал:

— Аврора, ты меня извини, наводить на меня своих нельзя, — это плохо кончится. Особенно для тебя...

Она резко выдернула руку и сказала с отчаянной обидой в голосе:

— Как ты мог так подумать обо мне?

— Это что за явление? — спросил я, кивнув вслед убежавшему казаху.

— А я откуда знаю?

— Что он от тебя хотел?

— Ему не нравится, что я пришла в кафе с русским...

— Он тебе кто — брат, муж?

— У вас тоже есть националисты. Сейчас таких очень много. Они не хотят, чтобы казашки даже разговаривали с русскими парнями.

Я смотрел на неё и не очень верил. Вот что значит не знать чужого языка. Она говорит, что здесь не любят русских, но почему тогда я всегда думал о среднеазиатских республиках иначе? Я не боялся провокаций, — я не хотел до поры раскрываться.

— Аврора, ты меня не обманываешь?

— Я сейчас уйду!

Она вскочила, и я заметил на её глазах слезы. Я тоже вскочил.

— Аврора, извини ещё раз и сядь! Я прошу тебя... Ты пойми меня правильно: я здесь чужак, и потому могу, нет, не могу, — обязан ждать чего угодно. Здесь всё для меня опасно, тем более во времена беспредела. Может, я не то говорю, но в душе-то горит тревога.

Она медленно опустилась на кожаный стул.

3

На улице было морозно, меж редких деревьев гулял довольно резкий ветерок, который цепко хватал за уши и нос. До остановки автобуса было метров двести и, пока мы шли к ней, Аврора держала меня под руку с каким-то независимым и даже вызывающим видом, и я всю дорогу ощущал телом две опоры: её руку на своем локте и тяжесть пистолета за поясом брюк.

— Ты посадишь меня в автобус и можешь идти в гостиницу. Я доеду сама, — сказала Аврора уже на остановке.

— Ты не хочешь, чтобы я проводил тебя домой? — спросил я с надеждой на ночь.

— Уже поздно, и тебе трудно будет добираться до гостиницы. Да и небезопасно это.

— Ты меня обижаешь, Аврора, — сказал я, изображая обиду. — Мне хочется подольше быть с тобой.

Она замолчала, потом посмотрела на меня — в отблесках уличных фонарей блеснули её глаза, — попросила:

— Дай сигарету...

— Ты куришь? — удивился я.

— Иногда... В особых случаях...

Мы прикурили по сигарете, и она, сделав две или три глубоких, но чисто женских по своей неестественности, затяжки, сказала, как-то напряжённо произнося слова:

— Я понимаю, ты хотел бы у меня переночевать... Я и сама была бы не против... Но живу я не одна... У нас небольшая двухкомнатная квартира в старом сталинском доме, и там мы втроем: мама, сестрёнка и я...

Нет, она была естественным современным городским жителем, скорее не азиатом, а европейцем, — проблемы у неё здесь были те же, что и на других осколках Советского Союза у бывших его граждан.

— Я провожу тебя, — сказал я, вкладывая в голос всё упрямство, на которое был способен.

— Ну, как хочешь, — сказал она и снова сделала затяжку.

Дребезжа всем своим железным туловищем, подкатил автобус.

— Семёрка, — сказала Аврора. — Наш...

Мы ехали недолго, но какими-то полутёмными переулками, которые плохо просматривались из освещённого, с заиндевевшими стёклами автобуса, и, если бы мне пришлось назад идти пешком, я бы вряд ли нашёл дорогу к центральной улице.

На пятой или шестой остановке мы выбрались из автобуса и минут пять ещё шли вдоль кирпичных двухэтажных домов старой постройки. Наконец Аврора сказала:

— Ну, вот и пришли. Я здесь живу.

Мы стояли и молчали, не зная, что делать дальше. Уже было поздно, и Авроре, наверное, хотелось уйти домой, но она почему-то ждала, когда я первым скажу: «До свиданья». Но мне совершенно не хотелось говорить этих слов, и потому я молчал. Над входом в подъезд горела голая электрическая лампочка, и она мешала мне обнять Аврору.

— Ты где живёшь? — то ли спросила, то ли намекнула Аврора.

— В Интуристе, — сказал я.

— Ничего себе! — непонятно удивилась она.

— Я же и есть иностранный турист, — сказал я.

— На туриста ты мало похож, — усмехнулась она. — А точнее, — совсем не похож.

— О, ты у нас, как я вижу, великий специалист определять людей по внешности, — теперь уже съехидничал я. Мне начинала надоедать эта переборка колкостями, и я почувствовал желание их закончить.

— Пойдём, — неожиданно сказала Аврора.

— Куда? — невольно спросил я.

— Ко мне. Иностранца в нашем городе отпускать среди ночи очень опрометчиво. Хотя это и банально, но, если хочешь, угощу чаем. Но спать будешь на кухне... — и, посмотрев на меня с улыбкой, добавила:

— Один.

Не дав мне ответить, она повернулась и пошла в подъезд, всем своим видом говоря, что вынуждена это делать, хотя не испытывает ни малейшего желания. И я снова на секунду заколебался, потому что неожиданная мысль врзалась в голову: «А вообще, на что она мне нужна, если я не собираюсь здесь задерживаться?». Я отбросил эту мысль и пошёл за девушкой следом, сознавая, что нужна она мне и именно потому, что не собираюсь здесь задерживаться.

Аврора сейчас нужна была мне для того, чтобы почувствовать, что я снова живу.

4

Квартира Авроры на втором этаже. Мы поднимаемся по деревянной, скрипящей ступеньками лестнице, и Аврора открывает замок своим ключом.

В квартире темно, лишь в небольшой прихожей горит плоский настенный светильник. Маленькие круглые часы на боковой стене показывают половину двенадцатого ночи.

— Раздевайся, — шёпотом говорит Аврора, — одежду вот сюда вешай, там внизу есть тапочки. И проходи на кухню.

Она делает ещё два шага вперёд и включает свет на кухне.

Пока я раздеваюсь, откуда-то из глубины квартиры доносится женский голос. Он что-то спрашивает по-казахски, Аврора отвечает, и женщина в глубине квартиры замолкает.

Аврора быстро снимает пальто и сапоги, уходит в темноту квартиры. Она отсутствует минут пять, и за это время я осматриваюсь. Обстановку кухни и прихожей можно было одинаково назвать и европейской, и азиатской, но то, что в этой квартире живут не русские люди, или, по меньшей мере, люди не из России, заметно сразу.

Я тихо и плотно прикрываю дверь на кухню, распахиваю форточку и закуриваю. Мне не хочется торчать в освещённом окне, но я сильно нервничаю, потому не могу обойтись без сигареты. Делаю несколько больших и частых затяжек, стараясь выпускать дым точно в проём форточки, потом выбрасываю через него окурочок на улицу и, закрыв створку, присаживаюсь на стул.

Всего тридцать шесть часов назад я покинул «приют» в другом государстве, где надёжная охрана и прочие условия для жизни, и сейчас мне даже странно думать о тех событиях, которые происходят за эти вот самые часы.

Возвращается Аврора и спрашивает:

— Чай будем пить?

— Нет. Давай посидим просто так.

— Уже поздно, мне завтра на работу. Давай я тебе постелю.

Она снова уходит и скоро приносит откуда-то раскладушку.

— Ставь, — говорит она, — а я принесу постель...

Она приносит простыни и подушку, застилает мне раскладушку, потом спрашивает снова: — Мыться будешь?

— Нет, — отвечаю я. — На улице зима, и я сегодня купался.

— Тогда ложись и спи... Спокойной ночи...

Она прикрывает дверь в кухню, потом я слышу плеск воды в ванной. Я снова подхожу к форточке и закуриваю, теперь уже глядя через тёмное окно на белую, заснеженную улицу, — там совершенно пустынно и тихо.

Я смотрю и думаю: зачем я здесь? Мне хорошо, по-домашнему тепло и уютно, — вокруг меня то, чего я уже полгода не видел. Но всё равно я чувствую себя обманутым. Обманутым в своих надеждах. Меня никто не обманывает, но я обманут, потому что мне очень не хватает её, этой девушки из чужого города в чужих краях, её такого родного женского тепла.

С лёгкой досадой я выбрасываю недокуренную сигарету на улицу, закрываю форточку и ложусь, вытягиваюсь на раскладушке. Очень приятно, но сон не идёт совершенно, хотя уже довольно поздно. Наконец стихает и шум воды в ванной, потом, открывшись и закрывшись, слегка поскрипывает дверь и в квартире устанавливается полная тишина, лишь на улице изредка урчит двигателем запоздалая машина.

Мне надо заснуть обязательно, заснуть быстрее, чтобы убежать от досады на неудовлетворённость желаний, и я пытаюсь это сделать, закрыв глаза, но сон снова не идёт, и я опять смотрю на отблески уличного фонаря на потолке кухни.

Не знаю, сколько я так лежу, но дверь кухни неожиданно медленно от-

крывается и в полумраке на пороге появляется женская фигурка в ночной рубашке.

— Т-сс, — шёпотом говорит Аврора. — Давай постараемся не шуметь. Мама вряд ли спит и может услышать. Подвинься...

Она легко скользит ко мне под одеяло, — хорошо, что маленькая и худенькая, но всё равно такая тёплая и женственная. Я знаю, два самых мелких мужика на одной раскладушке никогда не уместятся, но с женщиной можно спать даже на узкой лавке.

— Я знала, что ты тоже не спишь, что ты мучаешься, что ты хочешь меня — обнимая, горячо шепчет мне в ухо Аврора.

— Мама твоя не придёт? — для чего-то спрашиваю я, находя губами её маленький рот.

— Нет, нет... — беззвучно выдыхает она. — Иди ко мне...

Всё продолжается совсем недолго. Минут через двадцать она поднимается и снова спрашивает шёпотом:

— Ты можешь завтра уйти часов в семь утра?

— Даже в шесть, если в этом есть нужда.

— Ты меня прости, но я не хотела бы, чтобы тебя видела Роза.

— Сестрёнка?

— Да.

— Я такой страшный?

— Мне будет неуютно перед ней. Если тебя это не затруднит...

— Да брось, Аврора, без проблем...

— Тогда я поставлю будильник на шесть... Мне было очень хорошо...

Она быстро нагибается, целует меня и выскальзывает из кухни. «Мне тоже было хорошо...», — хочу сказать я, чувствуя, как уже оттаиваю душой, но не успеваю и потому молчу.

Но засыпаю я теперь почти мгновенно, даже не уступив желанию ещё раз покурить в форточку.

Глава девятая **УЛЬТИМАТУМ**

1

Наконец он нашёл развилку. Вернее — нашёл два ряда невысоких бетонных столбиков, которые обозначили покаты́й склон уходящей к светящимся огонькам, занесённой снегом, дороги.

Он присел на один из столбиков передохнуть и снова стал рассматривать темнеющую на белом снегу фигуру девушки. Он уже совершенно не думал о том, зачем и куда он тащит её — мысли выстыли, выветрились, запорошились холодным снегом, — и, наверное, сейчас только самые простые инстинкты руководили его действиями — инстинкты выживания, — они двигали его к спасению: к теплу, свету, людям.

Он долго смотрел на девушку, потом снова взялся за рукава куртки.

Неожиданно он почувствовал облегчение. И не только физическое. Дорога

тут пошла под уклон, она находилась с наветренной стороны, потому снега на ней было не очень много, передвигать девушку по ней стало легче, но он понимал, что облегчение это ему давало что-то другое, — оно как бы впряглось в его самодельные салазки и непонятным образом наполняло силами его самого, уже несколько часов бредущего от небольшого хутора к большому городу сквозь метель и ветер. Он словно бы вошёл в обратный отрезок времени, и теперь его движение стало не расходом физических сил, а его накоплением, — с каждым новым шагом он всё явственнее ощущал это.

— Тьфу, ты! — сплюнув в снег, громко выругался он. — Совсем достали галюники! Уже и на энергетическом уровне...

Он скорее почувствовал, чем увидел, как, отозвавшись на его громкую ругань, снова открылись глаза девушки. Он бросил рукава куртки и наклонился над ней. Глаза девушки по-прежнему смотрели сквозь него. Но что-то изменилось в них. Кажется, у провальной пустоты каким-то образом прорисовалось дно. Неровно ощущая текущую между лопатками жуть, он снял шерстяную перчатку и медленно стал просовывать пальцы ей под капюшон, к шее, его рука двигалась с такой осторожностью, словно направлялась к пасти крокодила. Наконец пальцы его раздвинули волосы и прикоснулись к шее. Подвигав их по молодой, гладкой, но холодной коже, он остановил их, как ему казалось, на том месте, где должна была быть сонная артерия.

Он долго держал пальцы на шее девушки и ничего не чувствовал. Ничего. Ни малейшего толчка под кожей, ни даже намёка на него.

Тело было холодным. Но вот заочеченелой стылости его он не ощутил. Возможно, это его замершие пальцы уже ничего не чувствовали. Но он был уверен, что кожа её была мягкой и податливой. И тогда он резко выдернул руку и ударил её по щеке. Половина ладони приложилась к меховому капюшону, но всё равно, он был уверен, шлепок получился довольно сильным — глаза девушки мгновенно захлопнулись, и он не понял толком от чего. Но сейчас уже можно было вполне считать, что тело её отозвалось на его шлепок.

Он выпрямился и снова взялся за рукава куртки. И в это время он услышал всё тот же странный звук — только усилием воли можно было заключить, что это был стон. Стон мёртвой девушки...

На секунду он замер в нерешительности, а потом, всё также, ощущая странный прилив сил, уже почти побежал вниз по заснеженной дороге.

Теперь ему нужно было как можно быстрее добраться до спасительного тепла.

Но чем ближе он подходил к маячившему впереди хутору, тем бледнее и расплывчатее становились его жёлтые огни, — они не гасли, не пропадали, они медленно исчезали в сереющей черноте ночи, словно кто-то невидимый не спеша переводил ручку гигантского реостата.

И тогда он стал понемногу понимать, почему столь недалёкий хутор совсем не приближается к нему. И тогда он впервые по-настоящему испугался...

хонной двери, и я тут же проснулся. Аврора снова приложила палец к губам и, избегая моей протянутой руки, проскользнула к плите, поставила на огонь чайник и прошептала:

— У тебя на всё про всё тридцать минут.

И снова исчезла за дверью.

Я собрался за десять минут. Когда Аврора вернулась на кухню, раскладушка стояла у стены, постель была сложена на стуле, а сам я одетый и слегка умытый, стоял у окна, за которым была разлита вся та же тёмно-серая, ночная зимняя муть, и курил в форточку.

Аврора потянулась к шкафу на стене, достала чайную чашку, поставила на стол.

— Не надо, — сказал я, притягивая её к себе. — Я выпью кофе в гостинице, а сейчас не хочется. А тебе спасибо за всё...

Она улыбалась, прогнувшись от меня в моих руках, но смотрела как-то печально, задумчиво.

— Чего ты? — спросил я.

— Да так, ничего...

— Когда ты будешь на работе?

— В десять.

— Ты как насчёт того, что я опять приду к тебе к концу дня?

Аврора непонятно посмотрела на меня и промолчала. А может, я просто ещё не научился понимать эти узкие, но такие прекрасные азиатские глаза.

— Ну? — ещё раз спросил я.

— Приходи, — сказала она и перестала изгибаться. Я осторожно и нежно поцеловал её в губы.

Но пора было уходить. Я вышел из подъезда и посмотрел на часы: тридцать пять минут седьмого. Кажется, я уложился.

На улице всё ещё продолжалась ночь, но машин стало больше. Я не захотел ловить такси, а добросовестно дождался автобуса и на нём доехал до «Интуриста», отсюда я тоже автобусом добрался до гостиницы «Спутник». Не знаю почему, но, возможно, я решил таким образом плотнее познакомиться с городом.

С первыми мазками рассвета я стоял у наполовину застеклённой двери маленькой гостиницы «Спутник», которая в этот час оказалась запертой, — за заиндевевшими стёклами виднелся пустой, слабо освещённый холл. Пришлось звонить.

Минут через пять неясный силуэт подошёл изнутри к двери и громко что-то спросил по-казахски:

— Откройте! — тоже громко попросил я, явно намекая, что не понимаю языка спрашивающего.

— Кто там? — перешла на русский фигура, и я уже понял, что голос женский.

— Постоялец ваш из тридцать второго номера...

— Фамилия?

— Сергеев, — ответил я и стал дожидаться, что же проявится далее: со-вдепия или частное предпринимательство?

Дверь открылась, и я увидел всё ту же женщину-администратора-хозяйку,

— она стояла на входе и внимательно изучала меня, очевидно, собираясь что-то сказать.

— Доброе утро! — наверное, весьма ехидно сказал я и прошёл мимо к лестнице, не дожидаясь ответного приветствия.

В номере я достал из тумбочки начатую бутылку коньяка, сделал из горлышка два больших глотка, затем пошёл в ванную покурить, потому что не люблю, когда в номере накурено. Здесь, усевшись на крышку унитаза и закурив, я отчётливо почувствовал, что всё-таки слаб ещё и до моего обычного состояния мне далековато. Поспать до встречи с Николаем было просто необходимо.

3

В половине пятого я, одетый в полушубок, сидел в мягком кресле четырёхста двадцатого номера гостиницы «Интурист». «Макаров» лежал у меня на колене под полой полушубка, а ТТ я воткнул во внутренний боковой карман. Кресло я поставил так, чтобы распахнутое дверное полотно закрывало его от входящего. Коля, хоть и помогал мне, но был ментом, а от мента можно ждать всё, что угодно, тем более, что его интерес ко мне уже заканчивался, и потому даже каких-то две-три секунды могли дать мне многое.

Николай пришёл ровно в пять.

В дверь негромко постучали, и я, положив ладонь на рукоять пистолета, сказал:

— Входите, открыто...

Дверь открылась и на секунду в номере установилась тишина. Я напряжённо замер. Потом дверь медленно закрылась, оставляя в номере Николая, который удивленно посмотрел на меня и спросил:

— Уже приготовился?

— А как же?! Я всегда готов, — медленно убирая руку с пистолета, сказал я. — Как юный пионер. Присаживайся.

Он сел на стул у письменного стола, достал из кармана бумажный конверт, положил на стол.

— Паспорт, — сказал он.

Я взял конверт, достал из него паспорт, развернул. Паспорт вроде бы похож на настоящий: фото есть, печать — тоже, что-то написано по-казахски на печатных строчках, но что, хрен его знает, и тут я понял, что в этом и есть мой прокол, — надо было, хоть и фальшивый, но российский.

— Настоящий?

— Сам документ настоящий, но если покопаться в архивах, можно найти кой-какие неточности.

— Фамилия-то какая?

— Сергей Иванович Овчинников, был когда-то такой кент по картотеке.

— Был?

— Да, был, — сказал он задумчиво. — А может, и сейчас есть.

— Ладно, сойдёт, — сказал я, пряча паспорт в карман. — Я тебе ничего не должен?

— В расчёте. — Он встал. — Только я тебе на прощанье вот что скажу. Я

не знаю, почему ты сдёрнул из России, что ты там натворил и куда ты дел свои документы, хотя, как говорится, по долгу службы обязан всё это проверить, а я взялся тебе помогать. Так вот, гостиница твоя оплачена за трое суток, значит, ты можешь здесь жить ещё завтра, но уже послезавтра моя помощь тебе прекращается, и я снова для тебя становлюсь ментом, исполняющим свои обязанности, а это значит, что я буду тебя искать, а мне это, как понимаешь, гораздо легче, чем всем остальным ментам...

Я молчал, но пальцы мои самопроизвольно тянулись к пистолету...

— ...Я не знаю, куда ты там собрался, но очень не рекомендую оставаться в нашем городе, сам понимаешь, — чтобы не быть бревном в глазу. Я просто тебе советую не задерживаться в Казахстане, а быстро передвигаться в сторону Гурьева и дальше — в Азербайджан или в Туркмению, — куда душа поведёт. Там, правда, будет ещё труднее, но это уже твои проблемы...

Он, не прощаясь и не закрыв за собой дверь, быстро вышел из номера, и я слышал его приглушённые ковровой дорожкой шаги, стук и шум лифта. Первым порывом у меня было стремление вскочить, бросить всё и ехать в аэропорт, чтобы сесть на самый дальний рейс. Но я не мог уехать, не повидав ещё раз Аврору. Я понимал, это глупо, это даже опасно, но ничего поделать не мог и потому сидел, не двигаясь с места.

Посмотрел на часы: половина шестого вечера. Рановато, но можно уже потихоньку двигать в сторону универсама.

Я вышел из номера, сдал ключ администратору и сказал, что, наверное, сегодня уеду. Она удивилась, но ничего не сказала, лишь проводила меня длинным, внимательным взглядом. Я только усмехнулся и вышел на улицу.

Уже совсем стемнело, и я облегченно глотнул морозного воздуха...

4

Аврора стоит в дверном проёме и с удивлением смотрит на меня.

— Что так рано? — спрашивает она.

— Мне надо уезжать, — говорю я, проходя мимо неё внутрь бутика.

— Уже? — как-то отрешённо удивляется она.

— Уже, — говорю я. — Меня культурно попросили побыстрее убраться из города.

— Попросили? Кто?

— Кто может меня здесь попросить? Конечно же, представители власти...

— И куда ты надумал?

— Не знаю. Тут прямо какой-то тупик посередине голой и бескрайней степи. Можно бежать на все четыре стороны и в тоже время бежать совершенно некуда.

Она проходит за свой столик, медленно опускается на стул и спрашивает:

— Ты зашёл попрощаться?

— Что-то вроде этого... — Я смотрю в её грустные глаза, и мне становится совсем плохо. Ну почему мне всегда приходится бежать от тех женщин, к которым меня тянет, и я всегда долго не могу отвязаться от тех, от которых хочу убежать.

Я беру её за тонкое запястье руки и тихо говорю:

— Но я не хочу оставлять тебя. Мне дали только один день, это — завтра, потом обещали неприятности.

— Они тебе совершенно ни к чему, — серьёзно и как-то печально говорит Аврора. — Жаль...

— Мне тоже. Потому я и пришёл раньше, пришёл, чтобы провести с тобой хотя бы ещё несколько часов, и хочу забрать тебя отсюда, Аврора. Ты можешь сейчас уйти?

— Ты посиди немного здесь, если кто зайдёт, говори: закрыто. А я схожу в администрацию, позвоню хозяину.

— Хорошо, — невесело улыбаюсь я.

В этом городе магазинов уже явно больше, чем покупателей. Аврора отсутствует минут десять, и за это время никто в бутик не заглядывает. Она приходит возбуждённая и торопливо произносит:

— Всё, разрешил, паскуда. Еле уговорила. Только с вычетом из моей зарплаты за потерянное время. Всего-то осталось около двух часов.

Я смотрю на неё благодарными глазами. Наверное, они светятся нежностью, потому что Аврора смущается и торопливо произносит:

— Ты иди, подожди у входа в универмаг, пока я закрою... Не положено при посторонних.

— Хорошо...

Я быстро надеваю куртку и выхожу...

Как часто в жизни всё неожиданно и круто меняется на сто восемьдесят градусов...

Глава десятая **ПОЛУКАЗАХ-ПОЛУКАЛМЫК**

1

На востоке над горизонтом появилась голубая полоса, и в это время огни хутора исчезли совсем. Пропала куда-то и дорога, растворившись в снежной равнине, и он уже засомневался: а была ли она вообще? Был ли на самом деле этот призывно светящийся в ночи хутор или что там ещё? Было ли вообще что-то реальное?

Но две реалии оставались с ним: лежащая на куртке девушка и этот непонятный прилив сил. Чувствовал он себя так, точно только что хорошо выспался и плотно пообедал, набрался тепла и был готов к выходу в зимнюю стужу.

Он остановился и стал осматриваться по сторонам. Ориентир оставался лишь один: голубая полоса, и в это время года она светилась на юго-востоке. Если идти на юг, обязательно выйдешь к Дону — к людям, — берега этой части реки плотно обжиты, и в этом была его надежда на спасение.

Его? Нет, их! Неожиданно он почувствовал: что-то случилось! Он нагнулся, машинально потянул куртку и посмотрел на девушку — она была на месте, но куртка, на которой она лежала, передвигалась по снегу очень легко. Неужели он так окреп, что вес этой девушки для него уже ничто?

Он протянул к ней руку, потрогал за плечо: сначала легонько, потом сильнее, ещё сильнее, потом ударил по плечу, ощущая мягкий меховой провал под кулаком, и отпрянул...

Девушки не было... Была её одежда, полный комплект, и даже ботинки на своём месте держались неизвестно как, но девушка отсутствовала. Словно он вытряхнул её по дороге или она растаяла и вытекла из одежды, как вода из формы.

Отскочив метра на два, он стоял и тупо смотрел на растущую на юго-востоке светлую полосу неба. Он просто не хотел шевелить мозгами, чтобы хоть что-нибудь понять, нет, он ничего не хотел понимать, потому что понимание таких вещей могло обернуться полным идиотизмом, а в нём ещё теплились остатки рассудка.

2

Это был он.

Я его узнал, несмотря ни на что. Ни его то ли казахское, то ли калмыцкое лицо, ни полумрак салона моей вишневой «девятки», ни слабое ночное освещение славного города Волгограда, ни снежная зима казахстанского города Уральска не помешали мне узнать его. Это был он, после встречи с которым вся моя жизнь пошла кувырком. И сколько бы я не удивлялся, столкнувшись с ним здесь, в прикаспийской глуши, всё равно это был он.

Он вышел из универмага с двумя молодыми казахами, похожими в моих глазах друг на друга, как две капли воды, — я бы мог различать их только по одежде, но и та была словно для близнецов: дутые куртки из плащёвки, джинсы и шапки-пидорки. Все трое остановились на секунду на широких ступенях, прикуривая и о чём-то громко разговаривая по-казахски, потом медленно пошли к остановке автобуса.

Я попал в совершенно дурацкое положение. Пока я дождусь Аврору, эти трое уедут. Я стоял, нервничал — ну где же Аврора! — и молил Бога, чтобы автобуса не было подольше, хотя они могли уехать и на такси.

Я не хотел терять вечер с Авророй, но и упускать невероятный случай, может быть, единственный шанс из миллиона встретить на огромной территории юго-восточной России и западного Казахстана человека, который сыграл столь важную роль в моей судьбе, и встречу с которым трудно было даже представить, я тоже не мог. Вот и растягивался в две стороны: чувства мои влекли меня в универмаг, к девушке, а мысли просто тащили к автобусной остановке.

Аврора из дверей магазина выскользнула вместе с появившимся на улице автобусом.

— Бежим! — крикнул я и, схватив её за руку, потащил к автобусной остановке. Мне просто необходимо было успеть. Ничего не понимая, Аврора вынуждена была мчаться следом за мной.

К остановке мы подбежали одновременно с автобусом. Заскрипели на морозе двери, и несколько человек впереди нас забрались вовнутрь. Мы с Авророй вошли последними. И я потянул её к задней стенке автобуса.

Это была старая жёлтая машина, чудовищное дитя Ликинского автобусного

завода с автоматической коробкой передач. Основными его параметрами были беспредельная расхлябанность кузова и постоянные угрозы опрокинуться на поворотах из-за больших кренов. И тем не менее, последние лет двадцать эти автобусы каждый день, набиваясь в часы пик пассажирами, как бочки селёдкой, доставляли на работу и обратно добрую половину населения Советского Союза.

Пассажиров в автобусе, кроме нас с Авророй, было человек двенадцать. Заднего ряда сидений автобус не имел, там была просторная площадка, и она позволяла мне незаметно следить за этой троицей, которая сразу же прошла в середину автобуса и расселась по свободным сиденьям.

— Аврора, у тебя есть дома телефон? — наклонившись, зашептал я ей прямо в ухо.

— Нет, — поведя плечом от моего шёпота, ответила она.

— Тогда скажи быстрее адрес.

— Зачем? — удивилась она.

— Аврора, говори быстрее, потом всё тебе объясню...

— Улица Кулиева, 18, квартира 15... — растерянно и слегка обиженно произнесла она.

— Аврора, дорогая, не сердись, — снова зашептал я. — Я тебе всё-всё расскажу. А сейчас будет остановка, ты выйдешь на ней, поймашь тачку, — я сунул ей несколько долларовых купюр, — поедешь домой и будешь меня там ждать. Мне очень надо ненадолго отлучиться, но я обязательно приеду. Давай, иди, иди... — Я уже подталкивал её к выходу.

Автобус подкатил к остановке, двери распахнулись, и она выпорхнула на улицу, потом резко обернулась, и я увидел в створках двери на фоне темноты ночи её освещённое жёлтым автобусным светом, испуганное лицо.

Автобус дёрнулся и, виляя задом на скользкой дороге, задребезжал дальше.

Мои подопечные, развалиясь на сиденьях, о чём-то весело трепались и частенько ржали на весь полупустой салон. Судя по всему, они были хорошо поддатыми. Потому держались совершенно раскованно. Единственное, что чуток смущало меня, — это тот факт, что полукалмык-полуказах ехал на автобусе, а должен был ехать на машине. Впрочем, в жизни всякое бывает...

3

Они ехали так остановок пять. Потом один из них пожал своим корешам руки и выпрыгнул из автобуса. Мой казах поехал дальше.

Теперь я уже точно знал, что он казах. И зовут его Аман. И был уверен, что он, наверняка, в цепочке наркоты от Таджикистана до России. А может даже, от Афганистана. Только я тут при чём оказался?

Наконец автобус развернулся по кругу и остановился. Конечная, догадался я. Люди стали выходить и быстро растекаться в разные стороны.

Это была какая-то окраина. Как всегда в новостройках: просторно и пустынно, плохие дороги и ночью мало света. Однако мои подопечные пошли не к новостройке, они направились совсем в другую сторону.

Я достал из бокового кармана куртки «Макаров», дослал патрон в патрон-

ник, потом засунул пистолет за пояс джинсов и двинулся за ними, благо, что шагали они вразвалочку и совсем не торопились.

Я рассмотрел впереди редкие огни. Там было какое-то жильё, это, наверняка, была самая настоящая окраина самой окраины, — по заснеженным сторонам узкой и кривой балки тянулась убогая частная застройка с редкими уличными фонарями и тусклым светом в маленьких окнах, которую никак нельзя было назвать элитной. Однако тёмные силуэты парней на белом фоне впереди меня шагали уверенно — видимо, дорога для них была знакомой и привычной.

Неожиданно силуэты впереди остановились и повернули огоньки своих сигарет в мою сторону. Они засекли меня, и им уже что-то от меня было нужно. Я напрягся, но продолжал идти — пока как случайный прохожий.

Они стояли по обеим сторонам узкой дороги, как бы предлагая мне пройти между ними. Это было очень невыгодное для меня направление и очень опасное. Я медленно приближался к ним и лихорадочно соображал, как мне поступить дальше. Посёлок только начинался, и они, наверняка, не зря выбрали это место для встречи со мной.

Всё для меня здесь становилось невыгодным, и я метрах в десяти от них не выдержал, расстегнул куртку и опустил правую кисть на рукоятку пистолета. Даже если бы у меня за поясом ничего не было, положение моей руки должно было откровенно говорить им кое о чём, и я на это надеялся, хотя, проходя мимо двух противников, надо иметь глаза хамелеона, чтобы разом заметить малейшее движение с обеих сторон. Как всегда в последнее время, для меня ситуация не предоставляла выбора, и я решился. Нет, я не вспоминал сейчас тёплые, азиатские глаза Авроры, я не опускался в другие сладостные воспоминания, и ни о чём не жалел, я просто сжался в комок и шагнул в пропасть...

Я шёл медленно, и жест мой всё же что-то сказал им, потому «пропасть» не оказалась глубокой. Наверное, они были не вооружены, возможно, у них не было с собой даже ножей, которые были бы сейчас очень удобными, для того, чтобы быстро и бесшумно ширнуть прохожего в бок. Я уже прошёл мимо них, когда услышал только одно слово, прилетевшее из какого-то рта: «Мент». «Слава Богу! — усмехнулся про себя я. — Что это слово стало международным, а то бы я понял сейчас, что он там сказал».

И вдруг я услышал за собой тишину. Снег скрипел только под моими шагами. Я резко обернулся, и на фоне белеющего снега увидел удаляющуюся в сторону города одинокую мужскую фигуру. Вторая фигура исчезла, канула в темноту, растворилась в придорожном нагромождении теней. И кто из них был мой казах, теперь мне оставалось только гадать. Но выбора снова не было, и я бросился обратно...

4

Он уходит быстро, и, чтобы приблизиться к нему хотя бы на полсотни шагов, я, стараясь не топать, бегу. Однако он слышит меня и тоже прибавляет ходу. Расстояние между нами медленно сокращается, но слишком медленно, чтобы успеть догнать его до автобусной остановки. И тут я снова срываюсь и ору:

— Стой! Стрелять буду.

Он словно спотыкается, потом неохотно останавливается на краю темени посёлка и света нового микрорайона, — от этого края до пустынной остановки метров сто, — медленно поворачивается ко мне. В глазах его даже в слабом свете блестит страх.

С пистолетом в руках я подхожу вплотную. С минуту мы стоим молча и в упор смотрим друг на друга. Не зря всё-таки говорят, если повезёт раз, то повезёт и ещё. Это он, мой казах, с помощью которого я вляпался в неприятности, которые преследуют меня уже почти три года моей жизни.

— Аман? — наконец, спрашиваю я на всякий случай.

— А что? — зло и заносчиво, видно, с отчаянья, переспрашивает он.

— Аман, — утвердительно произношу я, засовывая пистолет за пояс. — Не узнаешь меня?

— Нет! — так же зло отвечает он.

— Ты в городе Волгограде никогда не был?

Мне кажется, он вздрагивает, но отвечает уверенно:

— Нет.

Я снова достаю пистолет.

— Лучше будет, если ты напряжёшь память, — говорю я, помахивая перед ним «Макаровым». — Улицу Ростовскую в Волгограде не помнишь? Два с половиной года назад? Двадцать три часа ночи, вишнёвая «девятка», пакет с героином, сумка с восьмьюдесятью лимонами рублей. Как, не помнить, а?

— Не помню...

— Зря ты заставляешь меня задавать наводящие вопросы... — Я приставляю «Макарова» к его лбу. — В таких случаях я очень психованный...

Он смотрит по сторонам, словно ищет подкрепления, потом спрашивает охрипшим голосом:

— Что ты хочешь?

— Как ты уже, наверное, догадался, я тот парень из Ростова, которому ты продал наркоту и которого крупно подставил. Мало того, что я потерял на этом двести лимонов, я ещё испортил отношения со всеми, с кем их только можно испортить, хотя портить их мне было совершенно ни к чему. Так вот, я от тебя хочу только одного: сейчас ты мне скажешь, кто тебя послал, насколько сам был в этом деле завязан и как сумел уйти от ментов.

— Клянусь тебе, что я ничего не знал, — горячо говорит он. — Это была обычная работа. Не ты первый, не ты последний.

Я опять угрожающе поднимаю пистолет.

— Пойми, я курьер в цепочке, и моё дело отдать товар и получить деньги. Потом отдать деньги и получить товар. И снова отдать товар и взять деньги. Где и кому — скажут. За это мне платят. Ни о каких подставах или ментах я ничего не знал и не знаю...

Похоже, он говорит правду. Но эта правда только разжигает мой интерес. Кто же всё-таки конкретно организовал мне такое изъятие денег, от впечатлений которого я никак не могу избавиться? У кого спросить? Мой город отсюда не так далеко, но сколько между мной и им возникает серьёзных препятствий, которые только предстоит преодолеть...

— Всё у тебя просто, — говорю я. — Взял — отдал, отдал — взял. Со-

всем просто. Прямо не человек, а почтовый ящик. И никаких проблем. А вот у меня от этого проблемы и большие. С твоей помощью меня накололи на двести лимонов, если не считать испорченную жизнь. И мне наплевать, насколько ты здесь замешан, мне важен результат, мой результат, и за него ты мне ответишь...

Я подношу ствол пистолета прямо к его носу, узкие глаза округляются, выпуская оба зрачка на кончик ствола, и я чувствую, как он дрожит всем телом.

— Ответишь, понял? — продолжаю я, вдавливая ему в ноздрию отверстие ствола, точно пытаюсь соорудить сплошной трубопровод и заставить моего собеседника вынюхать всё ружейное масло. — Ответишь. Ты выведешь меня на того, кто тебя послал ко мне, потому что у него есть связи с теми, кто меня подставил...

— Я-а не знаю, — лепечет он, — не знаю... Я взял...

— Хорошо, — перебиваю я его. — Скажешь, у кого взял, а главное, кто тебе дал наводку на меня в Волгограде... Говори, сука!

— Алтынбек, он давал, он посылал, деньги он забирал...

— О! Золотой начальник! — демонстрирую я ему знание восточных терминов. — Он здесь, в Уральске?

— Да, должен быть.

— Сведёшь меня с ним.

— Как сведёшь, если не захочет?

— Ты жить захочешь, найдёшь способ. У тебя мобильник есть?

— Да.

Я лезу к нему в карман куртки и достаю телефон.

— Номер свой, надеюсь, знаешь? — спрашиваю я, пряча аппарат в карман.

— Да.

— Позвонишь, как договоришься. Сроку тебе два дня. А потом уже я тебя найду, — я выговариваю это с максимальной уверенностью в голосе, хотя понимаю: ой как я блефую! Ой как... Но что поделаешь...

— Я договорюсь, обязательно, — произносит он ожившим голосом, и этот голос меня как-то успокаивает, расслабляет.

— Ладно, я тебе верю, пока... — говорю я и снова прячу пистолет за пояс брюк, застёгиваю куртку на молнию. — Можешь догонять своего братка.

— Мне надо в город, — угрюмо произносит он и идёт вслед за мной к пустынной остановке.

Я не дожидаясь автобуса, ловлю какого-то частника и еду на улицу Кулиева 18, где меня ждет Аврора.

Не знаю, что даёт мне это ночное преследование и в общем-то бесполезный разговор, но маленькое чувство удовлетворения от того, что в этом деле я делаю ещё один шаг к цели, я чувствую и потому доволен...

Глава одиннадцатая
ГОСТИНИЦА «СПУТНИК»

1

Он прошёл с десятков шагов и снова остановился. Дорога исчезла сосем в бескрайней белизне степи и только одежда девушки ещё темнела неясным пятном недалеко от него, оставаясь единственной связью его с утерянной дорогой.

Неожиданно он почувствовал дуновение, притихшего было совсем, ветра, — жарким холодом он облизал ему лицо, как бы напоминая о недавней метели и о её способности вновь вернуться. Чувство тоски и безысходности обуяло его и он, с трудом шевеля смёрзшимися мыслями, уже начал жалеть обо всём. О том, что было с ним, о том, что будет... И, наверное, даже о том, чего не будет никогда... Если он не сможет выбраться отсюда.

Он постоял немного и, уже понимая, что совершенно заблудился в пространстве зимы, что идти через степь напрямую, ориентируясь только на медленный восход солнца, затея бессмысленная и опасная — на этой, сильно пересечённой оврагами и буераками, местности возможность провалиться куда-нибудь в снег с головой и потом не выбраться, была вполне реальной.

С трудом задрав рукав куртки, он посмотрел на часы. В неясном свете с трудом различил стрелки. Они показывали шесть тридцать утра. В это время здесь светает примерно в восемь часов. Значит, до рассвета не так уж много — полтора часа, и он вполне способен продержаться до начала дня, который принёс бы ему всё необходимое сейчас: ориентиры, дорогу к людям, тепло и помощь. Только как? Стоять столбом посредине степи? Сесть в сугроб? Или идти наугад? Все эти варианты были совершенно неприемлемы, они основательно угрожали одним и тем же — смертью, и он понял, что нужно не думать об этом, а попытаться просто всё перетерпеть.

Он снова посмотрел на небо — светлая полоса не увеличилась ничуть, хотя, как он считал, прошло уже много времени с тех пор, как он смотрел на неё в последний раз. «А-а, показалось...» — почти машинально подумал он и бессознательно вернулся к куртке девушки. Уже припорошённая снегом, она лежала на прежнем месте.

Он посмотрел в разрез капюшона, и вопль ужаса вырвался из него, после чего он на секунду ошелбенел. Спокойное лицо девушки белело в разрезе капюшона, как бы глядя на него с укоризной закрытыми глазами.

Придя в себя, он нагнулся и стал ощупывать девушку. Да, вот её тело, плотное сквозь одежду, реальное. Он потянул за куртку — и такое же тяжёлое.

— Кажется, у меня совсем крыша поехала... — прошептал он, выпрямляясь. Он осмотрелся по сторонам и тут с удивлением заметил, что в снова наступившем абсолютном безветрии опять вполне чётко прорисовалась дорога, заблестели впереди недалёкие фонари.

Он постоял немного, ощущая в голове полное отсутствие мыслей, потом снова взялся за куртку и медленно двинулся по дороге. К фонарям.

Дорога шла с небольшим спуском, тащить здесь девушку было не очень тяжело — это всё, о чём он мог думать в эти минуты. Всё остальное уже мало

его интересовало. Будь, что будет — неосознанно, совершенно внутренне уже решил он...

2

Возле дома Авроры я рассчитался с водителем и попросил его подождать минут десять, обещая щедро оплатить обратную поездку, после чего быстро вбежал по лестнице на второй этаж.

Казалось, она стояла за дверью, — едва я нажал на кнопку звонка, как на пороге появилась Аврора — бледная и взволнованная.

— Ты? — с облегчением произнесла она.

— Быстро одевайся и выходи, — прошептал я. — Я жду внизу в машине.

— Давай останемся у нас, — робко предложила она. — Уже поздно.

Это, конечно, хорошее предложение, только не о нём я мечтал, — оно вполне могло стать большим препятствием моим мечтам.

— Аврора, — вложил я в голос как можно больше нежности, — я хочу провести эту ночь только с тобой, пойми. Поэтому поторопись. Дома скажи, что ночевать не придёшь.

— Как я это скажу? — испугалась она.

— Ну, придумай что-нибудь...

Я уже бежал вниз по лестнице.

У подъезда я закурил, чтобы как-то успокоиться, и помахал рукой водителю. В ответ он мигнул светом фар.

Аврора собралась очень быстро. Она выпорхнула из подъезда в короткой шубке, я подхватил её под руку и буквально втиснул на заднее сиденье «Жигулей», прыгнул следом сам и сказал водителю:

— Давай в гостиницу «Спутник».

— А где это? — то ли в шутку, то ли всерьёз, полуобернувшись к нам, спросил молодой казах-водитель.

Аврора назвала улицу, водитель кивнул, и мы поехали.

В гостинице хозяйка смотрела на меня, как на без вести пропавшего, но вдруг вновь объявившегося, на Аврору же — с плохо скрываемой злостью и ревнивой, чисто женской антипатией: она не могла понять, проститутка ли это, которую можно было не пустить в номер, или приличная постоянная подруга, не пустить которую было нельзя..

— Т-с-с, — приложив палец к губам, длинно прошипел я навстречу не родившемуся вопросу хозяйки и повел Аврору в свой номер. Всё произошло так быстро, что женщина не успела выразить мне свои умственные расклады. Она только что-то тоже прошипела нам вслед, но по-казахски, и, наверняка, это шипение предназначалось только для ушей Авроры. Но та сделала вид, что не слышит.

Однако, рыночная экономика есть рыночная экономика, а демократия даже в Казахстане хочет казаться демократией, — привычное по старой памяти возмущение нашими поступками быстро переросло в доброжелательную улыбку в ответ на мою надежду, что она нас больше в этот вечер не станет беспокоить.

С порога номера, едва прикрыв за собой дверь, я бросился к Авроре и, целуя в шею, начал раздевать.

— Подожди, — сказала она. — Я после работы, дома не успела помыться и сейчас с улицы, — дай я хоть душ приму...

— Не надо душ! — зарычал я, подталкивая её кровати. — Не надо вымывать из себя природное, женское, менять его на хлорированную воду и мыло...

Я поднял её на руки и понёс к кровати, оставляя по пути её одежду, бережно опустил на мягкий матрас и бросился следом. Но Аврора каким-то образом вывернулась, перекатилась на противоположную сторону и вскочила.

— Нет, я всё-таки помоюсь, — сказала она. — Куда ты торопишься, — у нас вся ночь впереди...

Ну, как можно было объяснить ей, что моё нетерпение совершенно не связано с понятием спешки, что ночь впереди — это не так уж много, что в моём положении всегда нужно помнить о мудрой русской пословице и никогда не откладывать на потом то, что можно сделать сейчас, немедленно. Но тут вступали в жизнь какие-то свои, женские расклады, о которых мне, конечно, не расскажут, и мне оставалось только развести руками.

Аврора ушла в ванную, а я откинулся на подушки и достал сигареты. Всё-таки, мне действительно нужно было остыть, успокоиться после такого долгого дневного бега.

Я докурил сигарету, загасил окурочек в пепельнице, после чего встал и, собрав с пола разбросанные вещи, повесил их в шкаф, затем медленно разделся и лёг в постель.

Аврора выскользнула из ванной, плотно обтянутая большим синим махровым полотенцем, отчего её фигурка с пропорциональными формами казалась выточенной из куска какого-то синего камня или стекла, с белыми добавлениями головы, плеч и ног. Вообще, вот такое махровое полотенце, в которые плотно заворачиваются женщины после купания: верх — над грудью, низ — едва скрывая ягодицы, мне всегда казалось самой сексуальной и возбуждающей мужчину женской одеждой, — это и предельно открывающий плечи и шею сарафан и мини-мини-юбка, говорящая вам: «Полюбуйтесь-ка на мои ножки!». Но самое главное всё равно ещё скрыто, хотя вот оно рядом, зовёт: под полотенцем нет больше одежды, протяни руку, сдёрни маленький узелок на груди и ты... Дальше уже возможны любые варианты.

Аврора сама сдёрнула узелок и через секунду была под одеялом...

3

— У тебя какие-то неприятности? — Ласково спросила Аврора и погладила своей маленькой ладошкой мою стриженую голову.

Мы сидели за журнальным столиком в номере и пытались как-то перекусить. Аврора накинула гостиничный халат и устроилась на торцевом краю кровати без спинки в ногах, я, придвинув столик ближе к Авроре, расположился на единственном деревянном стуле прямо в трусах. Мы выпили по рюмке коньяка, и теперь ели белый батон с кусочками варёной колбасы и какого-то мягкого, местного сыра из верблюжьего или овечьего молока.

И в это время в кармане моей куртки затрещал мобильник. Аврора с недоумением посмотрела на меня.

— Сегодня приобрёл, — сказал я, доставая телефон. — Слушаю...

— Алтынбек ждёт тебя завтра в семь вечера в развлекательном центре «Арал», ты знаешь где это, — голосом Амана отозвался мобильник.

— Как мне него там найти?

— На входе скажешь охраннику, что ты к Адтынбеку по договорённости, и тебя к нему проводят...

— Буду, — ответил я, понимая, что охота на меня уже началась. Развлекательный центр «Арал» — это как раз то заведение, где царствовал Назарбай. Вот она тесная современная смычка бизнеса и криминала — все «трудятся» рука об руку.

Я выключил мобильник и вернулся к столу.

— Ты какой-то не такой, — неожиданно объявила Аврора.

— Да? А какой же? — попытался пошутить я, сам уже сознавая ненормальность своего состояния. Сидя за столиком, я вдруг понял, что, вероятно, крепко влип. Но как это объяснить Авроре.

— Кажется, я сотворил небольшую глупость, — ответил я.

— Что так? — поинтересовалась она.

— Да парни тут есть одни, — хозяйева местной жизни. Я с дури решил с ними познакомиться.

— Почему с дури?

— Потому что не спросил: хотят ли они со мной знакомиться?

— Ну и что? — простодушно спросила Аврора. — Не захотят, не познакомишься. Так уж это важно?

Я-то понимал, в чём заключалась моя глупость, но вот Аврора? Мои страсти всегда преобладают над разумом...

— Они моё желание не пропустят мимо своего внимания.

— Ну, вот и хорошо, — Аврора положила свою ладошку на мою руку, легонько погладила. — Тогда чего переживать.

— По этому поводу я не переживаю, — спокойно сказал я, разливая коньяк. — Только вот совершенно не знаю, нужно ли мне это на самом деле или нет? Вся проблема в том, что они здесь местные и знают, кто я. А я понятия не имею ни о них, ни об их делах, их раскладах в вашем городе.

— Познакомишься, узнаешь... — её глаза светились какой-то радостной уверенностью.

— Слушай, счастье ты моё, давай лучше выпьем. Не будем говорить о том, чего не знаем. — Я поднял рюмку. Ну, как ей объяснить, что теперь они в любом случае обязательно найдут меня, и им совсем не нужно будет со мной знакомиться. — За тебя, моя богиня!

Аврора выпила коньяк мелкими глотками и посмотрела на меня. Немой вопрос из её глаз не исчез.

— Пойми, не хотят они видеть меня в вашем городе.

— Ты так им насолил?

— Было дело... Сам напросился... Открылся прежде времени... Это и есть та самая глупость. Теперь, наверняка, придётся смываться отсюда.

— Ясно, — сказала Аврора как-то замедленно. — И куда же ты собрался?

— Пока не знаю. Но что-нибудь придумаю. Времени у меня на это ещё сутки...

Она замолчала, медленно прожёвывая бутерброд и глядя на меня. Её азиатские глаза светились какой-то томной нежностью, и я не выдержал, попросил:

— Не смотри на меня так...

— Не смотрю... — кивнула она и продолжала смотреть.

— Аврора! — сказал я и неожиданно понял, — её нежность здесь, но мысли — далеко.

— Давай выпьем ещё по рюмочке, — предложил я и разлил коньяк. — Аврора...

— Давай, — очнулась она и широко улыбнулась, протянула мне руку с рюмкой, предлагая звякнуть по ней своей.

— За тебя, Аврора, — сказал я, позвонив хрусталём. — Пока на земле есть такие женщины, как ты, любовь никогда не умрёт...

— Я не хочу, чтобы ты уезжал, — сказала Аврора с откровенной грустью в голосе.

— Я тоже, — ответил я.

Аврора ещё с минуту помолчала и вдруг предложила:

— А давай я тебя спрячу!

— Куда? — удивился, не поверил я.

— У меня тут родственники живут на хуторе, — вдруг торопливо заговорила она. — Дедушка мой! Тут недалеко, тридцать километров от города. Хутор маленький, разбросан по степи, но он казачий, там много русских живёт, и ты будешь неприметным.

— На хуторах все знают друг друга не зависимо от ширины глаз.

— Мы спрячем тебя, дедушка спрячет! — горячо и уверенно проговорила она. — Он отвезёт тебя на стойбище... Давай, а? И я смогу к тебе приезжать по выходным...

Ну, что ей можно ответить? Она хочет продлить наши совершенно бесперспективные отношения, но что это даст? Или всё же попробовать, ну хотя бы до весны? Но придётся всё равно встретиться с этим Алтынбеком, раз сам напросился, а потом уже бегать...

— Хорошо, Аврора, — сказал я. — Сейчас ты меня спрячешь, а дальше что?

— Ну что ты, миленький, заглядываешь так далеко? — самым сладким голосом спросила она. — Поживёшь в степи, подышишь воздухом, попьёшь настоящего кумыса, окрепнешь, и шрамы твои затянутся, а там видно будет, что дальше...

Я засмеялся и притянул её к себе. Ну, женщины! Ну бабы! У всех народов они всё равно бабы. Ей очень хочется, и она делает так, словно делает всё только в моих интересах и ради моих желаний. За что мы только вас любим? Наверное, за то, что вы и есть бабы...

— Мы сможем быстро купить на твоё имя какую-нибудь старенькую машину? — спросил я.

— Я не умею водить, — удивилась она.

— Водить буду я, но на меня же не оформят документы. Пусть это будут подержанные и неприметные «Жигули», лишь бы были на ходу.

— Наверное, сможем, — сказала Аврора. — Только я никогда не покупала машин.

— Завтра с утра поедem на авторынок. Ты знаешь, где он?

— У нас город маленький... Только для чего тебе машина?

— Чтобы встречать тебя из города, — улыбнулся я.

— И это называется «спрятаться», — удивлённо произнесла Аврора. — Или ты уже передумал ехать с бабушкой в стойбище?

— Именно из-за этого я и хочу купить машину.

— Не нужна она, обойдёмся... Я сама доберусь...

— Хорошо, — сдался я. — Когда едем к бабушке?

— Автобус идет в девять сорок пять утра.

— Послезавтра. Завтра я ещё надеюсь побыть здесь. И не надо автобус. На такси поедem.

— На такси, так на такси...

— Вот и договорились.

— Хорошо, я тогда завтра попробую отпроситься с работы на пару дней, — сказала она. — Хозяин будет рычать, но отпустит...

Я схватил её на руки и снова понёс в постель. Она смеялась и брыкалась, пытаясь выскользнуть из моих рук.

4

Утро напускает на город туман и сырость, снег на глазах сереет, и оседают сугробы. Сразу веселей гомонят вороны у мусорных ящиков на заднем дворе гостиницы, куда выходит окно нашего номера.

В половине десятого Аврора уезжает на работу, а я от нечего делать включаю телевизор — смотрю новости.

Я не могу даже представить себе, что в этой глухомани за пределами России и на самой окраине Казахстана меня может кто-то разыскивать. И потому я сильно удивляюсь, когда в криминальной хронике телевидение показывает мой, сильно искажённый рукой плохого художника, рисованный карандашом портрет и называют моё прежнее имя, которое я уже успеваю забыть, потому что имя это тоже не настоящее.

«Василий, — думаю я о себе и кисло усмехаюсь. — Вот так Василий!»

Ситуация резко обостряется, и теперь мне нужно прятаться ото всех. Странного, на взгляд администратора гостиницы, жильца она же первая может сдать властям.

Чуть позже я соображаю, что слишком рано успокаиваюсь и веду себя вольно. Тот депутат из красного особняка имеет большое влияние на наше государство и уже принял меры. Я сбегáю в сопредельную область, и хотя это теперь граница, Уральские и оренбургские менты, наверняка, знакомы друг с другом ещё с советских времен, и уж точно, если надо, помогают друг другу. Потому и получают ориентировку. Так что предупреждение моего «друга» Николая и его пожелания оказываются вполне своевременными.

Я выключаю телевизор, потом прямо из горлышка допиваю остатки ко-

ньяка и прикуриваю сигарету. Ждать вечера становится совсем немого, — нет, я не паникую, меня угнетает бездействие.

— Кажется, выбора у тебя действительно нет, — говорю я сам себе вслух.

— Ну что ж, степь, так степь. — И пою на мотив известной песни:

*Степь да степь вокруг, лишь казах поёт.
Где ты слышал друг, что пустырь влечёт?..*

В половине седьмого вечера я уже одет и звоню Николаю. Думаю, что он уже дома.

— Привет! Это твой знакомый, которому ты дал двое суток на размышление. Мои вторые ещё не закончились...

— Олег? — перебивает он нетерпеливо.

— Да...

— Чего ты хочешь?

— Хочу попросить тебя ещё об одной услуге. Совсем малюсенькой...

— Не тяни волюнку, говори прямо.

— Меня тут вот пригласили на одну встречу... Алтынбек. Ты знаешь такого?

— С чего ты взял, что я могу его знать?

— Должен. Он из того же приюта, где обитает Назарбай...

Николай несколько секунд молчит, потом спрашивает:

— Тебе нужна эта встреча?

Я сам не знаю, я сильно сомневаюсь, но говорю уверенно:

— Ка-анечно нужна!

И он вдруг задаёт вопрос как бы не по теме:

— Телефончик знакомый. Ты где его взял?

— Одолжил у одного старого приятеля.

Николай снова молчит, посапывая в трубку, потом не то спрашивает, не то утверждает:

— И ты что-то от меня хочешь...

— Хочу, чтобы ты мне ещё раз помог.

— Мне это не нравится. — И я чувствую, что это уже не тот Николай, который помогал продавать мне машину.

— В последний раз. И я тут же исчезну. Навсегда. Кто же, как не русский поможет русскому в чужой стране.

— Г-м. Хорошо говоришь. Но учти, консультаций никаких я не даю, охрану тебе обеспечивать не собираюсь.

— Согласен. Мне нужно только, чтобы они были уверены в том, что ты знаешь, что я пошёл к ним. Проводи меня до входа...

— Наивный ты человек. Там входов и выходов — тьма. А до хозяина ещё десяток коридоров. Но ты мне нравишься, и я помогу тебе. Но при любом раскладе помни, завтра утром твоя «виза» кончается.

— Я всегда помню свои неприятности.

— Это хорошо. Когда и где?

— Ровно в семь у входа в «Арал».

— Годится... — и он выключил телефон.

Глава двенадцатая
СИНЯЯ ИНОМАРКА

1

Он шёл и шёл, а посёлок не приближался. По-прежнему бледные фонари маняще светили ему впереди и по-прежнему они были недостижимы. Он снова посмотрел на юго-восток — светлая полоса не увеличилась, и тогда он опять стал рассматривать циферблат своих наручных часов. Стрелки показывали шесть тридцать. «Стоят, что ли?» — молча спросил он у самого себя и напряжением зрения стал ловить движение секундной стрелки. Наконец рассмотрел. К его дикому удивлению секундная стрелка спокойно совершала свой круговорот, но... в обратную сторону...

— Ничего не понимаю... — прошептал он. — Ничего...

Он снова осмотрелся вокруг: серо-белая в предрассветной мгле пустыня скрывала в себе складки местности, любые строения или деревья, казалось, она заполняла собой всё трёхмерное пространство вокруг, так как земля под ногами ничем не отличалась от неба над головой. И только странным образом, не занесённая снегом, дорога перед ним белела твёрдым покрытием и словно приглашала его идти и идти вперёд — он понял, дорога не лежит перед ним, она ведёт его куда-то, настойчиво и непрерывно.

Он обернулся и посмотрел в ту сторону, откуда пришёл. Там всего в трёх-четырёх метрах от него, дорога пропадала в серо-белом пространстве, словно растворялась в предутренней темени, навсегда отрывая его от прошлого и отказывая ему в попытке вернуться назад.

Он снова взял в руку ворот куртки с девушкой и шагнул вперёд по дороге. Через десяток шагов он поднял голову и с содроганием увидел, что впереди тоже ничего нет — манящие, влекущие в бледно-розовый рассвет, фонари исчезли. Но дорога всё-таки ещё просматривалась впереди на десяток метров, и ему ничего не оставалось делать, как продолжать двигаться по ней. Он уже ничему не удивлялся, не ощущал себя сумасшедшим, как и не чувствовал себя в здравом уме, он двигался теперь инстинктом, с помощью условных рефлексов, которые говорили ему о том, что оставаться здесь опасно и надо двигаться вперёд.

Дорога неожиданно круто пошла вниз и он, постепенно ускоряя шаг, не в силах сдерживать его, скоро побежал. Груз его, да и он сам на этом спуске совсем потеряли вес, куртка с девушкой стремительно летела следом за ним и даже пыталась его обогнать, — человек крепко, но бессознательно сжимал её ворот рукой, уже не думая о том, есть в ней кто-нибудь или нет.

Найденная им девушка теперь его не интересовала. Единственным желанием у него было элание выбраться из этой тягучей, мутной, холодной смеси воздуха и снега, земли и неба, света и мрака — она давила на его психику, и он уже чувствовал крадущееся к нему отчаянье.

Дорога снова неожиданно вильнула вправо, — он не смог вписаться на

бегу в её поворот, поскользнулся, споткнулся, и не выпуская ворота куртки из руки, упал в рыхлый снег, уже на животе стал спускаться с крутого склона, нагребая лицом, плечами перед собой сугроб.

И вдруг перед ним выросло какое-то препятствие, сугроб уперся в него, и человек остановился.

— Забор... — удивленно прошептал он, чувствуя слабую радость от встречи с чем-то таким, чего до этого вокруг него не было и не предвиделось...

2

Без пятнадцати семь я уже нервно ходил у этого, в голубых тонах, но какого-то бесформенного современного здания «Развлекательного центра». Честно говоря, мне было совсем не до развлечений., — в любую минуту я ждал какого-нибудь подвоха, провокации, возможно, роковой, направленной против меня. Ждал от Алтынбека, моего старого знакомого, от «полуказаха» Амана, от Николая, наконец. Кругом сновали какие-то люди, очень подозрительные на мой взгляд, и любой из них мог членом банды Назарбая или ей подобной.

Я курил сигарету за сигаретой, медленно двигался вдоль фасада по скрипучему снегу от света к тени, от к тени к свету, ловил признаки опасности и тяжело думал: «Что я затеял? И что мне это даёт?» Я задавал себе вопросы и не мог на них ответить, я понимал, что это глупо, что надо быстрее смыться из этого города, но таким я был — здравый смысл у меня вытесняла моя натура, а она мне, как всегда, говорила, нет — твердила: «Прежде чем что-то делать дальше, ты должен убедиться...» И помалкивала, когда я пытался понять: нужно мне это или не нужно.

Николая я увидел у стеклянного главного входа ровно в семь, если верить большим электронным часам, красно светившимся на фасаде здания. Быстро подошёл.

— Привет, — сказал я, протягивая руку.

Он промолчал, но руку мне пожал.

— Мне надо подойти к охраннику главного входа, — сказал я, выбрасывая в снег сигарету. — И главное, тебя ему показать. Думаю, доложат.

— Идём...

За дверью большой холл, наполненным неярким синим светом — вечер уже в разгаре. Холл перегороден блестящим турникетом с вращающимися никелированными калитками, у стен — красные пластиковые стулья, на которых устроились несколько человек; за турникетами монументально возвышались, похожие на скифских каменных баб, но в национальных казахских мужских одеждах, четыре молчаливых охранника. Народ предъявлял им какие-то билеты и проходил внутрь.

Я придвинулся к одному из монументов.

— Мне к Алтынбеку нужно, — старательно, по-свойски произнёс я, — по договорённости.

Охранник что-то сказал по-казахски другому монументу. Тот, похожий на Чингис-хана (мне почему-то так казалось, хотя великого хана никогда не видел даже на картинках), протянул толстый палец в сторону калитки, кивнул.

Николай направился следом за мной

— Адын! — поднялся к потолку толстый палец. — Толко адын!

— Я тебя здесь подожду, — громко, явно — для охранника, сказал Николай и направился к пластиковым стульям.

За турникетом меня ждал небольшого роста, худой и явно не похожий на Чингиз-хана, казашонок лет сорока-сорока пяти; он махнул мне рукой — за мной, мол, и побежал по просторному холлу. Я — за ним.

Прошли несколько путанных коридоров и дверей, наконец, уткнулись в большую глухую дверь, — перед ней в просторной комнате с современной мебелью, с компьютером и телефонами (ну прямо приёмная министра или крупного чиновника) в креслах сидели мордовороты — не то быки, не то секретари.

— Москвич? — спросил один из них у казашонка.

Ага! Я, оказывается теперь, москвич! С чего бы это? Ах да! Номера и документы проданного джипа. Это хорошо, что я — москвич!

Казашонок кивнул.

— Прахады! — сказал бык-секретарь.

Дверь как бы сама собой распахнулась, и я вошёл в обычный рабочий кабинет, вполне приличный, хотя и без излишеств. В ярком свете хрустальной люстры за большим стеклянным письменным столом в глубоком кресле восседал Назарбай — он на секунду затормозил моё внимание, хотя увидеть его здесь было совсем не удивительно, за приставным, тоже стеклянным столом на металлическом стуле сидел какой-то русский. Перед каждым стоял фарфоровый чайник и тарелка с лепёшками.

Алтынбека не было.

Я в недоумении замер у двери, которая уже закрылась за мной...

3

Назарбай, прищурясь, смотрел на меня.

— Праходи, садис, — весьма учтиво сказал он, показывая рукой на стул напротив русского. Он щёлкнул пальцами и передо мной тоже появились чайник и тарелка с лепёшками. — Пей чай, угощайся...

— Я хотел бы видеть Алтынбека, — сказал я, чувствуя наплывающую на меня злость. Мне было не до чая.

— Увидэш, обязатэлно, — непонятно усмехнулся Назарбай. — Садис...

Я не понимал, что происходит. Почему Назарбай, почему этот русский? Может быть, быки в приёмной совсем не быки, может, сейчас ворвутся в кабинет и защёлкнут на мне наручники. Но эти вот явно хотят что-то сказать мне и потому придётся их выслушать.

Медленно подхожу к стулу, отодвигаю его и напряжённо присаживаюсь.

Они смотрят на меня оценивающе, снисходительно улыбаются.

— Алтынбек, — Назарбай протянул руку в сторону русского.

Я с недоумением смотрел на них, переводя взгляд с одного на другого. Смеются? Лохуют? А может, это кликуха? Или на самом деле? Ведь никуда не денешься.

— Я хотел поговорить с ним наедине...

— Ты тож нэ адын пришёл... — Назарбай неожиданно засмеялся, скорее — захихикал мелко и жалостливо, отчего совсем исчезли его узкие глаза на круглом лице. Я думал, такие никогда не смеются. — Говори... У меня от него сэкрет нэт...

— Чего ты от меня хочешь? — неожиданно спросил казах-русский на хорошем русском языке. На вид ему было лет пятьдесят. — Ради чего ты так свою башку подставляешь?

Я несколько секунд помолчал, потом сказал как можно дотошнее, — ведь от того, как он меня поймёт, зависело всё моё будущее:

— Года четыре назад у меня было всё: деньги, дело, положение, отличный друг, любимая женщина. Потом в одночасье я всё это потерял. Я понимаю все, так сказать, вихляния вашего бизнеса, но я хотел бы знать одну конкретную вещь: кто из наших меня направил к вашему курьеру, а потом сдал волгоградским ментам? Мне нужно его имя...

Алтынбек переглянулся с Назарбаем, потом сказал как-то странно растягивая слова:

— Того, кто тебя сдал ментам, ты ищи у себя, если тебе это нужно. Нам это неинтересно. Для организации встреч курьеров, которые часто меняются, есть определённые каналы, и нам тоже наплевать на то, кто явится за товаром, лишь бы потребитель гарантировал, что он кент надёжный, и исправно передавал через него бабло. Со своим курьером он рискует больше нас. Всё остальное нам — до одного места. Меньше знаешь, — он развёл руками, — дольше живёшь. Так что ничем, дорогой, помочь не могу. Ты сам где-то и как-то нажил себе врагов...

Я понимал, что он прав, но сдаваться не хотел.

— Вы же в своём бизнесе полагаетесь на партнёрство, на порядочность на честность...

Назарбай и Алтынбек дружно загрохотали смехом. Им было страшно весело.

— Мы полагаемся только на выгоду, — сказал, отсмеявшись, Алтынбек. — А держат всех в рамках порядочности только наши жестокие законы и страх потерять всё, в том числе и жизнь. Вот и все расклады.

— Но я-то никого не подводил, никому не устраивал кидалова.

— Значит, напачкал где-то в другом месте, и тебя просто поучили современной жизни. Но ты, вроде как, борец за справедливость! Отомстить обидчикам хочешь, да, хотя сам виноват!

— С чего это я виноват?

— А с того, что ты больше десяти лет прожил в этой стране и не понял, что это уже совсем другая страна, хотя название её вроде бы осталось прежнее. Это пенсионеры, привыкшие быть гражданами своей страны, никак не могут понять, почему у них пенсии такие маленькие, а лекарства и жильё — такие дорогие. Но ты-то, — молодой, шустрый! Мне неприятно, что приходится тебе объяснять. Но придётся объяснить. Когда бабло тебе

валило, тебе всё нравилось, когда потребовали делиться, ты взвыл, не стал прислушиваться к эпохе. Ты хотел ещё «просто бабла» и только для себя, и тебя подставили, — ты погнался за ним, хотя не знал, зачем тебе оно. Ты не понял, что живёшь уже не в советском тоталитарном режиме, где всё нельзя, а в свободной, демократической и рыночной стране, где всё можно, даже если запрещено законом. Что в этой стране справедливость у того, у кого много денег, что главная цель граждан этой новой страны: «Деньги ради власти, а власть ради денег», а главный девиз: «Деньги любой ценой». И в этом ряду все, кто хочет быть наверху: и чиновники, и прокуроры, и менты, и депутаты, и банкиры, и паханы. Всё делится между ними. А кто из этой делёжки выпадает, тот должен либо исчезнуть с лица земли, либо идти в услужение к тем, кто удержался наверху. Неудачники и неспособные драться этой стране не нужны. Ты был наверху, несмотря на то, что не пользовался партийными и комсомольскими связями, не имел среди «бывших» могучих корешей, — ты выпал по собственной глупости. Кто ж теперь виноват тому, что хотел загрести на чужом поле, по которому ты даже ходить не умеешь. Но самое главное, — ты не понял, что мстью своей ты ничего не изменишь, ничего не докажешь, даже собственную душу не облегчишь.

— Это твоё поле? — уже с досадой спросил я, сдерживая себя и боясь сорваться.

— Возможно, отчасти моё. Ты пей, пей чай, остынет, — сказал Алтынбек.

— За «твое поле» даже в демократических странах сажают и вешают.

— Не скажи, не скажи. Может быть, мелких насекомых, вроде тебя. Если бы вешали и сажали, его давно не было бы, а оно процветает.

— До поры, до времени.

— Для таких фраеров, как ты, да, но на самом деле это поле вечно. Знаешь почему? Потому что, если бы кто-то хотел его уничтожить, давно бы уничтожил. Сейчас со спутника номер машины читать можно, а уж поля мака, конопли — как на ладони. Самолёты есть, гербициды. Зашёл самолёт, побрызгал, и нету годового урожая. Но никто не брызгает. Рассказать тебе страшную тайну, которую скрывают от всех. Слушай, расскажу. Знаешь, за какое время в фашисткой Германии ликвидировали наркоторговлю. За два месяца. Сначала предложили всем наркоманам стать на учёт в аптеках по месту жительства, чтобы бесплатно получать наркоту, а потом всех зарегистрированных в одну ночь собрали и — в лагерь. И всё: нет спроса, предложение само сдохло. Но это же тоталитарный режим. А любой демократии при рыночных-то отношениях наркота ох как нужна! Это и деньги, это и власть. Очень большие дяди в этом мире своей политикой усиленно поддерживают спрос, опираясь на священное право человека «убивать самого себя» (а попутно — и кой-кого из других граждан), и лишать его этого права демократия «не вправе». Сильные мира сего имеют на нём колоссальные доходы, за которые покупают власть. На рынке-то как — спрос есть, обязательно будет предложение. А чтобы цена на это, в общем-то дешёвое, дерьмо не падала, организывают видимость борьбы с наркоторговлей. Со-

держат всякие государственные органы «по борьбе...», периодически кого-то арестовывают, изымают порой небольшие порции, сажают, а таких лохов, как ты, используют для расправ с конкурентами. Не дают рынку перенасытиться ради высокой цены. Потому поле это выгодно многим. А его плоды нужны и попсе, и разным фанатам, и спортсменам при неудачах, и особенно молодёжи в дворах и притонах-дискотеках, ночных клубах — везде, где либо много дурных бабок и где всегда готовы за это платить, либо там, где можно хоть на время убежать от счастливой свободной жизни. Потому поле это вечно. И бизнес это вечен, и нам, рядовым труженикам, и всем остальным, нужно только вовремя чувствовать край... Чтобы потом не искать виноватых...

— Со своей виной я сам разберусь. Ты всё же мне скажи, кто меня подставил? Конкретно кто?

— Да не знаю я. И никогда не интересовался. Товар тебе поставили нормальный, а уж что там дальше было, меня не касается. Тебя подставила система, которую ты не понял и не принял. Ты думал, что уже такой крутой, что всё вокруг тебе по барабану. А вышло наоборот. Так что, разбирайся сам... Только пустое это... лишний раз голову подставлять..

Я встал, он — тоже и вдруг спросил:

— Ты русский?

— Да.

— Не завидую я твоей участи в твоей стране.

Я длинно посмотрел на него. Ну что тебе ответить? Ещё посмотрим, мол? Но ответил, точно огрызнулся:

— Ты тоже русский.

— Я русский наполовину. И живу не в твоей стране. Правда, моя страна похожа на твою, но не совсем. В твоей уже вовсю правит американский бог, — он будет вас выживать. За ваши старые грехи, ха-ха! — коротко хохотнул он. — А мы пока ещё в своей хозяева... Будь здоров... Тебя проводят... В этот раз.

Не попрощавшись, я вышел из кабинета. Кто из нас прав — время покажет, но я уже не боялся выстрелов в спину, хотя и не был уверен в том, что их не будет...

Быки в приёмной молча проводили меня взглядами, казашонок повёл меня к выходу из центра.

4

Я гашу окурочку в пепельнице и начинаю медленно одеваться. Надо же хоть что-то делать, хоть как-то приблизить необходимое бегство.

И в это время слышен негромкий скрип ключа в дверном замке. Я вздрагиваю и оборачиваюсь.

Хватаю пистолет со стола и скрываюсь в ванной комнате, оставив в дверном проёме узкую щель.

На пороге стоят молоденькая казашка и подозрительно лупает узкими глазами. Больше никого нет.

Всё равно дым от курева ещё не рассеялся, и я выхожу из своего укрытия.

— Чего надо?

— Я хотела бы убрать, — говорит она негромко. — Если вы не против. Горничная. Теперь все они тут у меня на подозрении. Убрав руку с пистолета, я усмехаюсь и говорю:

— Сейчас некогда, уберёшь через час.

— Мне надо сейчас, — угрюмо повторяет она. — Я недолго.

— Я сказал: через час! — грубо отвечаю я и пытаюсь закрыть дверь.

— Ну, мужчина-а... — плаксивым голосом гнусавит она, и я вдруг начинаю кое-что понимать.

Я снова распахиваю дверь и, схватив её за руку, буквально вдёргиваю в номер вместе со щёткой и синим пластиковым ведром. Захлопнув ногой дверь, я приставляю к её лбу пистолет и шиплю скороговоркой:

— Ты кто? Кто тебя послал? Зачем? Говори! Иначе застрелю!

Она белеет лицом, дрожит и, трясущимися от страха губами, пытается что-то сказать:

— Я... Я... Я ничего, я убрать...

— Кто тебя прислал? — наседаю на неё я.

— Хозяйка, — наконец, почти внятно произносит она.

— Зачем?

— Убирать...

— Опять — двадцать пять! Почему именно сейчас, когда гость в номере?

— Не знаю, — растерянно говорит она и вдруг начинает всхлипывать.

Я отпускаю её, прячу пистолет. То, что мне срочно нужно смываться, становится совершенно ясно.

— У меня тут девушка ночевала, казашка, утром она ушла, ты видела её?

— Да. Я как раз в холле убирала.

— Ты не видела, куда она пошла?

— Её на улице забрала машина. Она стояла у тротуара. Из неё выскочил мужчина в дубленке, схватил её за руку и посадил в машину. Потом они уехали...

— Что за машина?

— Легковая. Иностранная. Синего цвета...

— Ты успокойся, успокойся, — говорю я почти нежно. — Дальше что?

— Не знаю...

— Ну, напрягись, пошевели мозгами... — уже кричу я, хватая её за руку.

Но она превращается в перепуганный и немой столб. Нужно быть самому спокойнее, хотя новость поражает меня своей неожиданностью. В придачу ко всему хорошему теперь ещё нужно разыскивать Аврору...

Ну что ж, хоть какая-то информация, но есть. Но все-таки, что-то не так...

— А чего это ты так настойчиво ломишься в мой номер, даже не стеснясь меня?

Она насупленно опускает глаза к полу.

— Ну? — Я беру её за подбородок, поднимаю голову и смотрю прямо в глаза. Они тоже молодые, красивые, но у Авроры лучше...

— Хозяйка сказала, если я не уберу за час в вашем номере, — она меня уволит...

И это тоже странно...

Я отпускаю горничную и бросаюсь собирать вещи. Я хватаю всё, что попадаете под руку и заталкиваю в сумку. Я понимаю, что времени у меня в обрез. Ну, красавица, ну богиня утренней зари, тёплая ты и ласковая женщина, где мне тебя найти? За обыкновенными продавщицами иномарок не посылают! Значит, она важная птица. Только для кого? Меня пока не трогают, но это ничего не значит. Наверняка, за мной уже следят, а я, лох, хожу и ничего не замечаю. Упиваюсь свободой, которая вполне может оказаться весьма временной. Следят и, наверное, уже допрашивают её. Но для кого все это? Я же не шпион иностранного государства, у меня нет связей, явок, чтобы за мной следить? Да, я здесь нелегально, у меня есть деньги, и Коля об этом знает. Тогда почему не применяют обычный ментовский приём: задерживают на сутки, шмонают и отбирают всё, а потом или пускают по этапу, если есть розыск, или просто выгоняют на улицу. Или Коля проявляет благородство? Ха-ха! Дождёшься! Тут что-то не то... А, может, и не менты это? Может это?..

Но как ни крути, двое суток, отпущенных мне на «визу» в этом городе, истекли, и потому может быть всё, что угодно.

Я на секунду замираю. Горничная, сжимая в руках щётку, всё ещё продолжает молча стоять и также нервно лупить на меня глазами. Я почему-то подмигиваю ей, хотя видно, что нам обоим уже не до веселья.

Назарбай! Тоже вариант. Думаю, что имею дело с азиатскими джентльменами, а ему просто надо вернуть свои деньги за машину. Назарбай — это хуже, чем все менты вместе взятые, потому что любой прохожий на улице может оказаться его посланником.

Я застёгиваю молнию на сумке, потом надеваю куртку и шапку, спрашиваю:

— Хозяйка где?

— Там, — она неопределённо мотает головой.

— А-а, — понимаю я. — Желаю удачно прибраться.

И, подхватив сумку, выхожу из номера...

Улица встречает меня сильной оттепелью. Серое низкое небо выплёвывает крупные, но одинокие капли дождя, редкие машины на проезжей части широко раскидывают по сторонам жидкий снег. В природе сыро, неуютно и тоскливо. Так же тоскливо и неуютно было у меня на душе...

(Продолжение следует)

Галина Студеникина

ГЕН ЛЮБВИ

ОСНОВА

Женщина

Такая милость и покой
в чертах прикрытого лица!..
Как будто ангелов сердца
стучат за каждой чертой.
Такая тайна!..
Словно ключ
от общей тайны (и твоей)
висит в «гостиничном фойе»
за пеленой ресничных куц.

Такая лёгкость! Как... укор
тяжёлым выдохам веков.
Что должен быть и ты готов
от суесловья – будто вор,
взалкавший не своё добро –
отречься, не грустя о том!
Чтоб осветить смогла твой дом
сама любовь,
воссев на трон
душою Женщины – как Бога.

Студеникина Галина Валерьевна, член Союза писателей России, поэт, автор восьми поэтических сборников, главный редактор журнала «ДОН_новый», председатель секции поэзии Ростовского регионального отделения СП России.

Стихи поэтессы переведены на болгарский язык и опубликованы в сборнике «Побратимени светове».

Живёт и работает в Новочеркасске Ростовской области.

Мужчина

К Её ногам – любовь, цветы,
аплодисменты... дифирамбы...
Она – светла сияньем рампы –
бросает блики на холсты,
на них бессмертья ставя знак
и цен, которым нет предела...
Мир для Неё был переделан
под пьедестал (и так, и сяк...)
е г о
заботливой рукой
и несмолкающими «браво!»
И только подвигом
во славу
любви земной и неземной
всегда себя
венчал Мужчина.

Альянс

Снег лепестками белых роз
усыпал двор, как в час венчанья.
Он благородного молчанья
взамен лишь унцию унёс,
шурша о воздух серебром
и закипая, в треньё, пеной...
В такую ночь
Творец Вселенной
точил Адамово ребро,
охлаживая сенью рук
и заворóженностью взгляда...
– Селена?.. Ева?
Здравствуй, лада!..
Храни Снегурочку, супруг.

Хрупка обточенная кость,
ведь совершенство – как снежинка.
Да для неё ль законы «ринга»,
Адам?.. Претензии отбрось,
прими божественный альянс –
ему и жертвуются рёбра!
Чтоб наших душ нектар был собран,
чтоб опьянял любовью нас.
Чтоб возносил
к основе жизни.

Дитя

Ладонь ложится на ладонь...
Глазурью солнечною Лето
тягуче каплет на планету
с небесных пальцев.
Чуть затронь,
и – обволакивает зной,
пульсирующий меж ладоней...
Меж двух страстей, как двух агоний,
я между небом и землёй –
уже иная,
третья страсть!
Мной, перемножив с тайной подвиг,
сердечным зноем принят постриг
той жизни, что сама клялась,
во мне основу обрета,
служить –
как тайны откровенью,
как подвига самозабвенью –
любви похмелью и цветенью!
Тому, что есть
 любви Дитя.

СЧАСТЬЕ

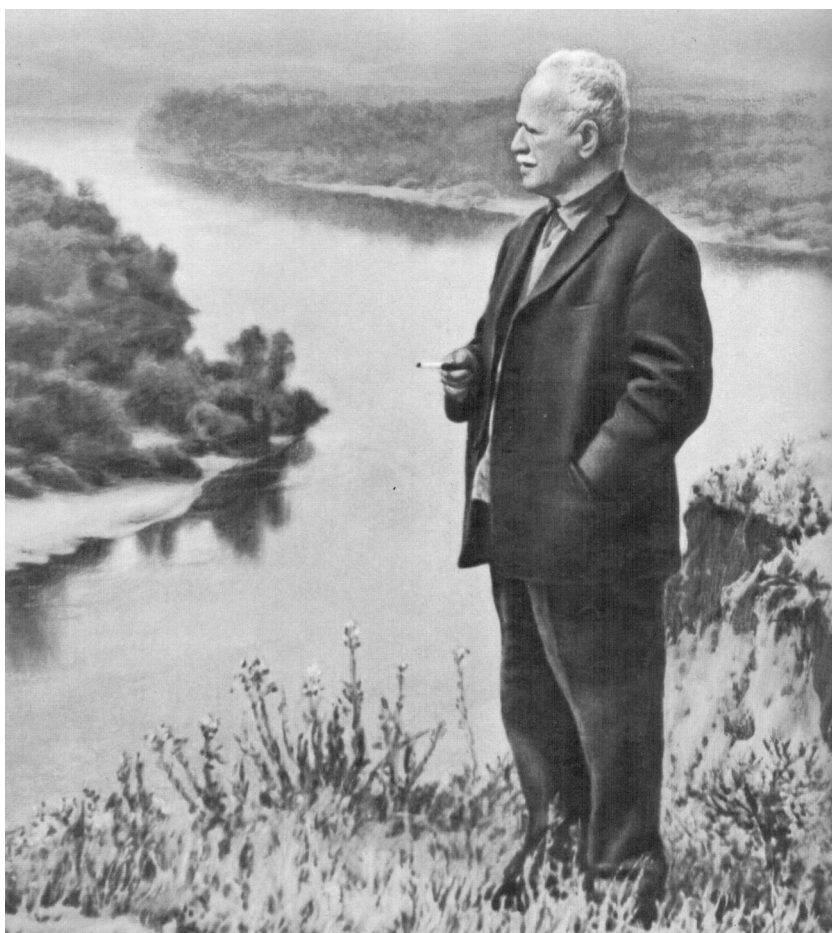
Внёс в меня вселенский импульс
ген любви – трёхзначный код:
напрямую в сердце ход
пробуравил божий «вирус»!

В искушение, в знание счастья,
из периметра тяну
всё, что импульса волну
умножает соучастьем. –

Что любовью обернётся,
в руки всё само плывёт
на-при-ман-ку:
счастья код
из меня сигналит солнцем!

Крутояр

*Раздел посвящён Донскому краю
и донским писателям, деятелям
искусств, его прославлявшим*

«КРУТОЯР» — любимое место на Дону Михаила Александровича Шолохова.

Михаил Шолохов

ФЕДОТКА

Из романа «Поднятая целина»

Двадцать седьмого Давыдов решил съездить на поле первой бригады, чтобы проверить, действительно ли бригада — вопреки его указаниям — боронует вдоль борозды. Об этом сообщил ему кузнец Ипполит Шалый, который ездил в поле чинить садилку и видел, как бороны шли не поперёк борозды, а вдоль. Он тотчас по возвращении в хутор явился в правление; пожимая руку Давыдову, сурово сказал:

— Первая бригада вдоль борозды бороны гоняет. Такая волочба ни к черту не годится. Езжай-ка сам туда да прикажи им делать как следует. Я им указал на это, а Ушаков — раскосый черт — говорит: «Твое дело по ковадлу стукать да мех дуть, сюда не суй носяку, а то мы его зараз плугом оттяпаем!» Я ему на это отвечаю: «Допрежь, чем ехать мех дуть, я бы тебя, косоного, вздул!» Ну, и за малым не подрались.

Давыдов позвал деда Щукаря:

— Запрягай!

Не вытерпел, сам выскочил помочь поскорее запрячь. Выехали. Пасмурный день и влажный ветерок с юго-запада сулили дождь. Первая бригада работала на самом дальнем участке серопесчаной земли. От хутора был он километрах в десяти за перевалом, возле Лютого пруда. Бригада пахала, готовя землю для сева колосовых, пахоту крайне необходимо было тщательно пробороныть, чтобы дождевая влага задержалась на ровно разработанном участке, а не сошла по бороздам в низину.

— Торопи, торопи, дед! — просил Давыдов, поглядывая на густую гряду кучевых облаков.

— И то тороплю. Вон с Серого уж мыло наружу просится.

На бугре, неподалеку от летней дороги, цепью шли школьники, предводительствуемые своим старым учителем Шпынем. За ними двигались четыре подводы, вёзшие бочки с водой.

— Мелкота на сусликов вышла, — Щукарь указал кнутом.

Давыдов смотрел на ребят со сдержанной улыбкой. Когда дрожки поравнялись

с ребятами, он попросил Щукаря: «Останови» — и, прицелившись взглядом, выбрал парнишку лет семи, босого, белоголового:

— Подойди-ка сюда.

— А чего идтить-то? — независимо спросил тот, сдвигая на затылок отцовскую фуражку с красным околышем, с выцветшим следом кокарды над козырьком.

— Сколько сусликов ты убил?

— Четырнадцать.

— Ты чей мальчик?

— Федот Демидыч Ушаков.

— Ну, садись со мной, Федот Демидыч, прокачу. И ты садись, — Давыдов указал пальцем на покрытую платком девочку. Усадив малышей» приказал: — Трогай! — И к мальчику: — Ты в какой группе?

— В первой.

— В первой? Так надо сопли выбивать, факт.

— Их не выбьешь. Я простуженный.

— Ну, как это не выбьешь? Давай сюда нос! — Давыдов тщательно вытер пальцы о штаны, вздохнул. — Как-нибудь зайти в правление колхоза, я тебе конфету дам, шоколадную. Едал ты когда-нибудь шоколад?

— Не-е-ет...

— Вот приходи в правление, в гости ко мне, угощу.

— А я в ней, в конфетке-то, и не нуждаюсь!

— Вот как! Это почему же, Федор Демидыч?

— Зубы у меня крошатся, а нижние выпали, вот погляди-ка! — Парнишка открыл румяный рот: двух нижних зубов действительно не было.

— Так ты, Федотка Демидыч, выходит дело, щербатый?

— Ты сам щербатый!

— Гм... Ишь ты... Доглядел!

— У меня-то вырастут, а у тебя, небось, нет? Ага!..

— Ну, это шалишь, брат! И у меня вырастут, факт.

— Ловко брешь! У больших они не вырастают. А я и верхними могу уку-
сить, ей-богу!

— Куда уж тебе там!

— Дай-кося палец! Не веришь?

Давыдов, улыбаясь, протянул указательный палец и, охнув, отдернул его: на верхнем суставе вылегли синие пятнышки укуса.

— Ну, теперь, Федотка, давай я твой палец укушу, — предложил он, но Федотка, помедлив, вдруг прыгнул на ходу с дрожек, как большой серый кузнечик; чикиля на одной ноге, прокричал:

— Любил ба ты кусаться! Нет, зараз не укусишь!..

Давыдов захохотал, ссадил девочку с дрожек и ещё долго оглядывался на красневший над дорогой околыш Федоткиной фуражки; улыбаясь, ощущая редкостную теплоту на сердце и влагу на глазах. «Хорошую жизнь им построим, факт! Бегают сейчас Федотка в отцовском картузе казачьего фасона, а лет через двадцать будет электроплугом наворачивать вот эту землю... Ему-то уж, наверно, не придётся так, как мне пришлось после смерти матери: и бельё се-
стрёнкам стирать, и штопать, и обед готовить, и на завод бегать... Счастливые будут Федотки, факт!» — думал Давыдов, обводя глазами бескрайнюю, нежно зазеленевшую степь. На минуту он прислушался к певучим высвистам жаворонков, посмотрел, как вдали, согбённый над плугом, ходит плугатарь, а рядом с быками, спотыкаясь, идёт по борозде погонич, — и вздохнул полной грудью:

«Машина будет всё тяжёлое работать за человека... Тогдашние люди позабудут, наверное, запах пота... Дожить бы, чёрт его подери!.. Хотя посмотреть бы! А то издохнешь, и никакой Федотка о тебе не вспомнит. А издохнешь ты, братишка Давыдов, как пить дать! И вместо потомства от тебя останется гремяченский колхоз. Из колхоза станет коммуна и — смотри ещё — назовут её впоследствии имени путиловского слесарька Сёмки Давыдова...» — Давыдов улыбнулся шутливому обороту своих мыслей,

С грехом пополам выпроводив деда Щукаря, Давыдов решил пойти в школу и на месте определить, что ещё можно сделать, чтобы школьное помещение к воскресенью приняло праздничный вид. А кроме того, ему хотелось поговорить с заведующим и вместе с ним прикинуть, сколько и каких строительных материалов потребуется на ремонт школы и когда приступить к нему, чтобы без особой спешки и возможно добротнее отремонтировать здание к началу учебного года.

Только в последние дни Давыдов ощутимо почувствовал, что настанет самая напряжённая рабочая пора за всё время его пребывания в Гремячем Логу: ещё не управились с покосом травы, а уже подходила уборка хлеба, на глазах начинала смуглеть озимая рожь; почти одновременно с ней вызревал ячмень; бурно зарастали сорняки, и молчаливо требовали прополки невиданно огромные, по сравнению с единоличными полосами, колхозные деляны подсолнечника и кукурузы, и уже не за горами был покос пшеницы.

До начала уборки хлебов многое надо было сделать; перевезти в хутор возможно больше сена, подготовить тока для обмолота, закончить переноску в одно место амбаров, ранее принадлежавших кулакам, наладить единственную в колхозе паровую молотилку. Да и помимо этого изрядное число больших и малых забот легло на плечи Давыдова, и каждое дело настойчиво требовало к себе постоянного и неусыпного внимания.

По старым, скрипучим ступенькам Давыдов поднялся на просторное крыльцо школы. У дверей босая и плотная, как сбитень, девочка лет десяти посторонилась, пропуская его.

— Ты ученица, милая? — ласково спросил Давыдов.

— Да, — тихо ответила девочка и смело снизу вверх взглянула на Давыдова.

— Где тут живёт ваш заведующий?

— Его нет дома, они с женой за речкой, на огороде капусту поливают.

— Экая незадача... А в школе кто-нибудь есть?

— Наша учительница, Людмила Сергеевна.

— Что же она тут делает?

Девочка улыбнулась:

— Она с остающимися ребятами занимается. Она каждый день с ними занимается после обеда.

— Значит, подтягивает их?

Девочка молча кивнула головой.

— Порядок! — одобрительно сказал Давыдов и вошёл в полутёмные, сени.

Откуда-то из глубины длинного коридора доносились детские голоса. Неторопливо обходя и по-хозяйски осматривая пустые классы, Давыдов через приоткрытую дверь в последней комнате увидел с десятков маленьких ребятшек, просторно разместившихся в переднем ряду сдвинутых парт, и около них — молоденькую учительницу. Невысокого роста, худенькая и узкоплечая, с коротко подстриженными белёсыми и кудрявыми волосами, она походила скорее на девочку-подростка, нежели на учительницу.

Давненько уже не переступал Давыдов порога школы, и теперь странное чув-

ство испытывал он, стоя возле двери класса, сжимая в левой руке выгоревшую на солнце кепку. Что-то от давнего уважения к школе, некое сладостное волнение, навеянное мгновенным воспоминанием о далеких годах детства, пробудилось в его душе в эти минуты...

Он несмело открыл дверь и, покашливая вовсе не оттого, что першило в горле, негромко обратился к учительнице:

— Разрешите войти?

— Войдите, — прозвучал в ответ тонкий девичий голос.

Учительница повернулась лицом к Давыдову, удивлённо приподняла брови, но, узнав его, смущенно сказала:

— Входите, пожалуйста.

Давыдов неловко поклонился.

— Здравствуйте. Вы извините, что помешал, но я на одну минутку... Мне бы осмотреть вот этот последний класс, я — насчёт ремонта школы. Я могу обождать.

Дети встали, нестройно ответили на приветствие, и Давыдов, взглянув на девушку, тотчас подумал: «Я — как прежний попечитель школы из строгих толстосумов... Вот и учителька испугалась, краснеет. Надо же было мне заявиться в этот час!»

Девушка подошла к Давыдову.

— Проходите, пожалуйста, товарищ Давыдов! Через несколько минут я закончу урок. Присядьте, пожалуйста. Может быть, позвать Ивана Николаевича?

— А кто это?

— Наш заведующий школой — Иван Николаевич Шпынь. Разве вы его не знаете?

— Знаю. Не беспокойтесь, я обожду. Можно мне побыть здесь, пока вы занимаетесь?

— Ну, конечно! Садитесь, товарищ Давыдов.

Девушка смотрела на Давыдова, говорила с ним, но всё ещё никак не могла оправиться от смущения; она мучительно краснела, даже ключицы у неё порозовели, а уши стали пунцовыми.

Вот чего не переносил Давыдов! Не переносил уже по одному тому, что, глядя на какую-нибудь краснеющую женщину, он почему-то и сам начинал краснеть, и от этого всегда испытывал ещё большее чувство смущения и неудобства.

Он сел на предложенный ему стул около небольшого столика, а девушка, отойдя к окну, стала отдельно диктовать ученикам:

— Ма-ма го-то-вит... Написали, дети? Го-то-вит нам о-бед. После слова «обед» поставьте точку. Повторяю...

Вторично написав предложение, ребяташки с любопытством уставились на Давыдова. Он с нарочитой важностью провёл пальцами по верхней губе, делая вид, будто разглаживает усы, и дружески подмигнул ребятам. Те заулыбались; добрые отношения начали будто бы налаживаться, но учительница снова стала диктовать какую-то фразу, привычно разбивая слова на слоги, и ребяташки склонились над тетрадами.

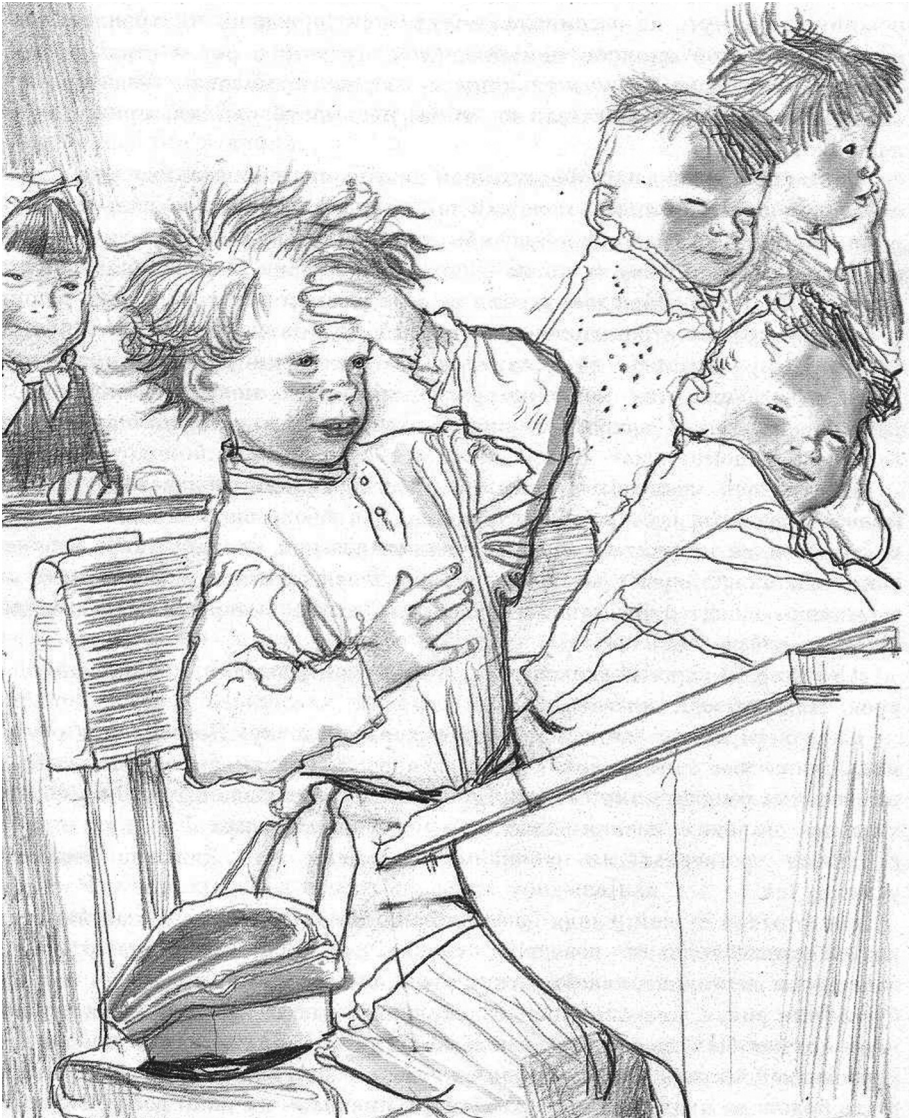
В классе пахло солнцем и пылью, застойным воздухом редко проветриваемого помещения. Теснившиеся у самых окон кусты сирени и акации не давали прохлады. Ветер шевелил листья, и по выщербленному полу скользили солнечные зайчики.

Сосредоточенно сдвинув брови, Давыдов занялся подсчётом: «Надо не меньше двух кубометров сосновых досок — заменить кое-где половицы. Рамы в окнах хорошие, а двойные — в каком виде и есть ли они, надо узнать. Купить

ящик стекла. Наверное, нет в запасе ни одного листа, а чтобы ребята не коло-
тили стекла — это же невозможное дело, факт! Хорошо бы добыть свинцовых
белил, а вот сколько этого добра пойдёт на покраску потолков, наличников, рам
и дверей? Уточнить у плотников. Крыльцо заново настелить. Можно из своих
досок: распилил две вербы — и готово. Ремонт нам влезет в копеечку... Дрова-
ной сараишко заново покрыть соломой. Да тут до чёрта делов, факт! Закончим
с амбарами — и сразу же переброшу сюда всю плотницкую бригаду. Крышу бы
на школе заново покрасить... А где деньги? Разобьюсь в доску, но для школы
добуду! Факт! Да оно и разбиваться ни к чему: продадим пару выбракованных
быков — вот и деньги. Придётся из-за этих быков с райисполкомом бой выдер-
жать, иначе ничего не выйдет... А худо мне будет, если продать их тайком... Но
всё равно рискну. Неужели Нестеренко не поддержит?»

Давыдов достал записную книжку, написал: «Школа. Доски, гвозди, стекло
— ящик. Парижская зелень на крышу. Белила. Олифа...»

Хмурясь, дописывал он последнее слово и в это время пущенный из трубки
маленький влажный шарик разжёванной бумаги мягко щелкнул его по лбу, прилип

к коже. Давыдов вздрогнул от неожиданности, и тотчас же кто-то из ребятишек прыснул в кулак. Над партами прошелестел тихий смешок.

— Что там такое? — строго спросила учительница.

Сдержанное молчание было ей ответом.

Отлепив шарик со лба, улыбаясь, Давыдов бегло осмотрел ребят: белёдые, русые, чёрные головки низко склонились над партами, но ни одна загорелая ручонка не выводила букв...

— Закончили, дети? Теперь пишите следующее предложение...

Давыдов терпеливо ждал, не сводя смеющихся глаз со склонённых головок. И вот один из мальчиков медленно, воровато приподнял голову, и Давыдов прямо перед собою увидел старого знакомого: не кто иной, как сам Федотка Ушаков, которого он однажды весною встретил в поле, смотрел на него узенькими щёлками глаз, а румяный рот его расплзался в широчайшей, неудержимой улыбке. Давыдов глянул на плутовскую рожицу и сам чуть не рассмеялся вслух, но, сдержавшись, торопливо вырвал из записной книжки чистый лист, сунул его в рот и стал жевать, быстро взглядывая на учительницу и озорно подмигивая Федотке. Тот смотрел на него во все глаза, но, чтобы не выдать улыбку, прикрыл рот ладошкой.

Давыдов, наслаждаясь Федоткиным нетерпением, тщательно и не спеша скатал бумажный мякиш, положил его на ноготь большого пальца левой руки, зажмурил левый глаз, будто бы прицеливаясь. Федотка надул щеки, опасливо вобрал голову в плечи, — как-никак шарик был не маленький и увесистый... Когда Давыдов, улучив момент, лёгким щелчком послал шарик в Федотку, тот так стремительно нагнул голову, что гулко стукнулся лбом о парту. Выпрямившись, он уставился на учительницу, испуганно вытаращил глазенки, стал медленно растирать рукою покрасневший лоб, а Давыдов, беззвучно трясясь от смеха, отвернулся и по привычке закрыл ладонями лицо.

Разумеется, поступок его был непростительным ребячеством и надо было соображать, где он находится. Овладев собою, он с виноватой улыбкой покосился на учительницу, но увидел, что она, отвернувшись к окну, также пыталась скрыть смех. Худенькие плечи её вздрагивали, а рука со скомканным платочком тянулась к глазам, чтобы вытереть выступившие от смеха слёзы.

«Вот тебе и строгий попечитель... — подумал Давыдов. — Нарушил весь урок. Надо отсюда смываться».

Сделав серьёзное лицо, он взглянул на Федотку. Живой, как ртуть, мальчишка уже нетерпеливо ёрзал за партой, показывая пальцем себе в рот, а потом раздвинул губы: там, где некогда у него была щербатина, — торчали два широких, иссиня-белых зуба, ещё не выросших в полную меру и с такими трогательными зубчиками по краям, что Давыдов невольно усмехнулся.

Он отдыхал душой, глядя на детские лица, на склонённые над партами разномастные головки, невольно отмечая про себя, что когда-то, очень давно, и он вот так же, как Федоткин сосед по парте, имел привычку, выводя буквы или рисуя, низко клонить голову и высовывать язык, каждым движением его как бы помогая себе в нелёгком труде. И опять, как и весною при первом знакомстве с Федоткой, он со вздохом подумал: «Легче вам, птахи, жить будет, да и сейчас легче живётся, а иначе за что же я воевал? Уж не за то ли, чтобы и вы хлебали горе лаптем, как мне в детстве пришлось?»

Из мечтательного настроения его вывел всё тот же Федотка: словно на шарнирах вертясь за партой, он привлёк внимание Давыдова, знаками настойчиво прося показать, как у того обстоит дело с зубом. Давыдов улучил момент, когда учительница отвернулась и, огорчённо разводя руками, обнажил зубы. Увидев знакомую щербатину во рту Давыдова, Федотка прыснул в ладошки, а потом с

величайшим самодовольством заулыбался. Весь его торжествующий вид красноречивее всяких слов говорил: «Вот как я тебя обставил, дядя! У меня-то зубы выросли, а у тебя — нет!»

Но через минуту произошло такое, о чем Давыдов и долгое время спустя не мог вспоминать без внутреннего содрогания. Расшалившийся Федотка, снова желая привлечь к себе внимание Давыдова, тихонько постучал о парту, а когда Давыдов рассеянно взглянул на него, — Федотка, важно откинувшись, полез правой рукой в карман штанишек, вытащил и опять быстро сунул в карман ручную гранату-«лимонку». Все это произошло так мгновенно, что Давыдов в первый момент только ошалело заморгал, а бледнеть начал уже после...

«Откуда у него?! А если капсюль вставлен?! Стукнет по сиденью, и тогда... О, черт тебя, что же делать?!» — с жарким ужасом думал он, закрыв глаза и не чувствуя, как пот прохладной испариной выступил у него на лбу, на подбородке, на шее.

Надо было что-то немедленно предпринять. Но что? Встать и попытаться силой отобрать гранату? А если мальчишка испугается, рванётся из рук и ещё, чего доброго, успеет швырнуть гранату, не зная, что за этим последует его и чужая смерть... Нет, так делать не годится. Давыдов решительно отверг этот вариант. Всё ещё не открывая глаз, он мучительно искал выхода, торопил мысль, а воображение помимо его воли услужливо рисовало жёлтую вспышку взрыва, дикий короткий вскрик, изуродованные детские тела...

Только теперь он ощутил, как медленно стекают со лба капельки пота, скользят по бокам переносицы, щекочут глазницы. Он хотел достать носовой платок и нащупал в кармане перочинный нож — давнишний подарок одного старого друга. Давыдова осенило: правой рукой он вытащил нож, рукавом левой — вытер обильный пот на лбу и с таким подчёркнутым вниманием стал вертеть и разглядывать нож, как будто видел его впервые в жизни. А сам искоса посматривал на Федотку.

Нож был старенький, сточенный, но зато боковые перламутровые пластинки его тускло сияли на солнце, а кроме двух лезвий, отвёртки и штопора, в нём имелись ещё и великолепные маленькие ножницы. Давыдов последовательно открывал все эти богатства, изредка и коротко взглядывая на Федотку. Тот не сводил с ножа зачарованных глаз. Это был не просто нож, а чистое сокровище! Ничего равного по красоте он ещё не видел. Но когда Давыдов вырвал из записной книжки чистый листок и тут же, быстро орудуя ножничками, вырезал лошадиную голову, — восторгу Федоткиному не было конца!

Вскоре урок окончился. Давыдов подошёл к Федотке, шёпотом спросил:

— Видал ножичек?

Федотка проглотил слюну, молча кивнул головой.

Наклонившись, Давыдов шепнул:

— Меняться будем?

— А кого на кого менять? — ещё тише прошептал Федотка.

— Нож на железку, какая у тебя в кармане.

Федотка с такой отчаянной решимостью согласия закивал головой, что Давыдов должен был попридержать его за подбородок. Он сунул в руку Федотки нож, бережно принял на ладонь гранату. Капсюля в ней не оказалось, и Давыдов, часто дыша от волнения, выпрямился.

— У вас тут какие-то секреты, — улынулась, проходя мимо, учительница.

— Мы с ним старые знакомые, а виделись давно... Вы нас извините, Людмила Сергеевна, — почтительно сказал Давыдов.

— Я рада, что вы побывали у меня на уроке, — краснея, проговорила девушка.

Не замечая её смущения, Давыдов попросил:

— Передайте товарищу Шпыню: пусть сегодня вечером зайдёт ко мне в правление, а перед этим пусть прикинет, какой ремонт будем делать школе, и пусть подумает о смете. Ладно?

— Хорошо, я всё передам ему. Вы к нам больше не зайдёте?

— Как-нибудь в свободную минуту загляну непременно, факт! — заверил Давыдов и сейчас же, без видимой связи с предшествовавшим разговором, спросил: — Вы у кого на квартире находитесь?

— У бабушки Агафьи Гавриловны. Знаете такую?

— Знаю. А какая у вас семья?

— Мама и двое братишек в Новочеркасске. Но почему вы обо всём этом спрашиваете?

— Надо мне хоть что-нибудь о вас знать, я же ваших девичьих секретов не касаюсь? — отшутился Давыдов.

Возле крыльца толпа ребятишек плотным кольцом окружила Федотку, рассматривая нож. Давыдов отозвал счастливого владельца в сторону, спросил:

— Где ты нашёл свою игрушку, Федот Демидович? В каком месте?

— Показать, дяденька?

— Обязательно!

— Пойдём. Пойдём зараз же, а то мне после некогда будет, — деловито предложил Федотка.

Он сжал в руке указательный палец Давыдова и, явно гордясь тем, что ведёт не просто дядю, а самого председателя колхоза, изредка оглядываясь на товарищей, вразвалочку зашагал по улице.

Так они и шли, не особенно торопясь, лишь время от времени обмениваясь короткими фразами.

— Ты размениваться не надумаешь? — спросил Федотка, слегка забегая вперед и встревоженно заглядывая в глаза Давыдову.

— Ну что ты! Дело у нас с тобой решённое, — успокоил его Давыдов.

Минут пять они шагали, как и подобает мужчинам, в солидном молчании, а потом Федотка не выдержал — не выпуская из руки пальца Давыдова, снова забежал вперёд, глядя снизу вверх, сочувственно спросил:

— А тебе не жалко ножа? Не горюешь, что променялся?

— Ни капельки! — решительно ответил Давыдов.

И снова шли молча. Но, видно, какой-то червячок сосал маленькое сердце Федотки, видно, считал Федотка обмен явно невыгодным для Давыдова, потому после длительного молчания и сказал:

— А хочешь, я тебе в додачу свою пращу отдам? Хочешь?

С непонятным для Федотки беспечным великодушием Давыдов отказался:

— Нет, зачем же! Пусть пращ у тебя остается. Ведь менялись-то баш на баш? Факт!

— Как это «баш на баш»?

— Ну, ухо на ухо, понятно?

Нет, вовсе не всё было понятно для Федотки. Такое легкомыслие при мене, которое проявил взрослый дядя, крайне удивило Федотку и даже как-то насто-рожило его... Роскошный, блестящий на солнце нож и ни к чему не пригодная круглая железка, — нет, тут что-то не так! Спустя немного практичный Федотка на ходу внёс ещё одно предложение:

— Ну, ежели пращу не хочешь, может, тебе бабки отдать? В додачу, а? Они у меня знаешь какие? Почти новые, вот какие!

— И бабки твои мне не нужны, — вздыхая и усмехаясь, отказался Давыдов.

— Вот если бы этак лет двадцать с гаком назад — я бы, братец ты мой, от бабок не отказался. Я бы с тебя их содрал как с миленького, а сейчас не беспокойся, Федот Демидович! О чём ты волнуешься? Нож — твой на веки вечные, факт!

И опять молчание. И опять через несколько минут вопрос:

— Дяденька, а этот кругляш, какой я тебе отдал, он от кого? От веялки?

— А ты где его нашёл?

— В сарае, куда идём, под веялкой. Старая-престарая веялка там такая, на боку лежит, вся разбитая, и он под ней был. Мы в покулючки играли, я полез хорониться, а кругляш там лежит. Я его и взял.

— Значит, это от веялки часть. А палочки железной, небольшой возле него не видел?

— Нет, там больше ничего не было.

«Ну, и слава богу, что не было, а то мы мне ещё учинил бы такое, что и на том свете не разобрались бы», — подумал Давыдов.

— А эта часть от веялки тебе дюже нужна? — поинтересовался Федотка.

— Очень даже.

— В хозяйстве нужна? На другую веялку?

— Ну, факт!

После недолгого молчания Федотка сказал басом:

— Раз в хозяйстве эта часть нужна — значит, не горюй, ты поменялся со мной правильно, а нож ты себе новый купишь.

Так умоzakлючил рассудительный не по годам Федотка и успокоенно улыбнулся. Душа у него, как видно, стала на место.

Вот, собственно, и весь разговор, который они вели по дороге, но этот разговор был как бы завершением их сделки по обмену ценностями...

Теперь Давыдов уже безошибочно знал, куда ведёт его Федотка, и когда по переулку слева завиднелись постройки, некогда принадлежавшие отцу Тимофея Рваного, спросил, указывая на крытый камышом сарай:

— Там нашёл?

— Как ты здорово угадываешь, дяденька! — восхищённо воскликнул Федотка и выпустил из руки палец Давыдова. — Теперь ты и без меня дойдёшь, а я побегу, мне дюже некогда!

Как взрослому пожимая на прощанье маленькую ручонку, Давыдов сказал:

— Спасибо тебе, Федот Демидович, за то, что привёл меня куда надо. Ты заходи ко мне, проводывай, а то я скучать по тебе буду. Я ведь одинокий живу...

— Ладно, как-нибудь зайду, — снисходительно пообещал Федотка.

Повернувшись на одной ноге, он свистнул по-разбойничьи, в два пальца, очевидно созывая друзей, и дал такого стрекача, что в облачке пыли только чёрные пятки замелькали.

Не заходя на подворье Дамасковых, Давыдов пошёл в правление колхоза. В полутёмной комнате, где обычно происходили заседания правления, Яков Лукич и кладовщик играли в шашки. Давыдов присел к столу, написал на листке из записной книжки: «Завхозу Островнову Я.Л. Отпустите за счёт моих трудодней учительнице Л.С.Егоровой муки пшеничной, размольной 32 кг, пшени 8 кг, сала свиного 5 кг». Расписавшись, Давыдов подпёр кулаком крутой подбородок, задумчиво помолчал, потом спросил у Островнова:

— Как живёт эта девчонка, учительница наша, Егорова Людмила?

— С хлеба на квас, — передвинув шашку, коротко отозвался Островнов.

— Был я сейчас в школе, насчёт ремонта интересовался, посмотрел и на учительку... Худая, прозрачная какая-то, сквозит как осенний лист, значит — недоедает! Чтобы сегодня же отправили её хозяйке всё, о чём тут написано, факт! Завтра проверю, Слышишь?!

Оставив на столе распоряжение, Давыдов напрямик пошёл к Шалому.

Давыдов прошёл по поперечной балке несколько шагов, легко спрыгнул на мягкую, перегнойную землю.

— Откуда начнём, Сидорович?

— Хорошие плясуны танцуют всегда от печки, а нам с тобой начинать поиск надо от стенки, — пробасил старый кузнец.

Вооружившись наскоро сделанными в кузнице шупами — толстыми желез-

ными прутьями с заострёнными концами, — они пошли рядом вдоль стены, с силой опуская щупы в землю, медленно продвигаясь к веялке, лежавшей у противоположной стены. За несколько шагов до веялки щуп Давыдова почти по самую рукоятку мягко вошёл в землю, глухо звякнул, коснувшись металла.

— Вот и нашли твой клад, — усмехнулся Шалый, берясь за лопату.

Но Давыдов потянул лопату к себе.

— Дай-ка я начну, Сидорович, я помоложе.

На метровой глубине он обрыл кругом массивный свёрток. В промасленный брезент был тщательно завернут станковый пулемёт «максим». Из ямы вытаскивали его вдвоём, молча развернули брезент, так же молча переглянулись и молча закурили.

После двух затяжек Шалый сказал:

— Всурьёз собирались Рваные щупать Советскую власть...

— А ты смотри, как по-хозяйски сохранили «максима»: ни ржавчины, ни пятнышка, хоть сейчас заправляй ленту! А ну, дай-ка я поищу в яме, может, ещё что нащупаем...

Через полчаса Давыдов бережно разложил возле ямы четыре цинки с пулемётными лентами, винтовку, початый ящик винтовочных патронов и восемь ручных гранат с капсюлями, завернутыми в полусопревший кусок клеёнки. В яме, уходившей под каменную стену, валялся и пустой самодельный чехол. Судя по длине его, в нём когда-то хранилась винтовка.

До заката солнца Давыдов и Шалый разобрали в кузнице пулемёт, тщательно прочистили, смазали. А в сумерках, в предвечерней ласковой тишине за Гремячим Логом пулемет зарокотал — воинственно и грозно. Одна длинная очередь, две коротких, ещё одна длинная, и опять — тишина над хутором, над отдыхающей после дневного жара степью, прямо пахнувшей увядшими травами, нагретым чернозёмом.

Давыдов поднялся с земли, тихо сказал:

— Хорошая машинка! Машинка хоть куда!

В ответ ему гневно забасил Шалый:

— Зараз же пойдём к Островнову, возьмём щупы и весь его баз и все за-базья излазим! И в доме у него учиним поголовный обыск, хватит в зубы ему заглядывать.

— Ты с ума спятил, старик! — холодно отозвался Давыдов. — Кто же это нам разрешит производить самочинные обыски и будоражить весь хутор? Нет, ты просто спятил с ума, факт!

— Ежели у Рваного мы пулемёт нашли, то у Островнова где-нибудь на гумне трехдюймовка зарыта! И не я с ума сошёл, а ты оказываешься умным дураком, вот что я тебе скажу начистоту! Погоди, придёт время, откопает Лукич свою пушку да как шарахнет по твоей квартире прямой наводкой, тогда будет тебе факт!

Давыдов расхохотался, хотел обнять старика, но тот круто повернулся, плюнул с великим ожесточением и, не прощаясь, бормоча ругательства, зашагал к хутору.

Иллюстрации А.Г. Слепкова

Григорий Рычнев «СЕРЬЁЗНОМУ ИССЛЕДОВАТЕЛЮ — СЕРЬЁЗНЫЙ И УМНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!»

Интервью со Светланой Михайловной Шолоховой

Зачином встречи со Светланой Михайловной, старшей дочерью Михаила Александровича Шолохова, была публикация Роя Медведева в восьмом номере журнала «Вопросы литературы» за 1989 год.

Автор статьи, скорее всего, рассчитывал на зарубежного читателя, — что вот, мол, Михаил Шолохов воспитывался вне казачьей среды, вне традиций... Только не могло быть так: Михаил Александрович писал о том народе, среди которого жил, который его воспитал!

...В станицу Букановскую проинспектор Шолохов не сам поехал, а туда его направил окрпродком, и не для «выполнения продразвёрстки», — с марта 1921 года в стране был введён продналог.

...Кто был в усадьбе М. А. Шолохова при его жизни, тот знает, что у писателя пешеходные дорожки не были асфальтированы, что многих своих гостей он угощал овощами и фруктами со своего участка, что у него никогда не работал наёмный садовник.

Что-то не заладилось у Роя Медведева и с арифметикой. — Он писал, что 19-летний Шолохов женится на 25-летней казачке Марии Петровне Громославской. А всем известно, что М.А. Шолохов родился в мае 1905 года, а Мария Петровна — в феврале 1902 года. Свадьба состоялась 11 января 1924 года, венчались в Букановской церкви...

...По утверждению Р. Медведева, Шолохов — комсомолец! Так он им никогда не был...

И ещё много других несоответствий реалиям — что вызывало вопросы и читателей, и у работников культуры и образования — было обнаружено в «статье» вышеуказанного автора, в связи с чем и возникла необходимость нам, работникам музея М.А. Шолохова, обратиться за помощью в разъяснении к Светлане Михайловне. По некоторым этическим соображениям интервью (1989) не было опубликовано в своё время, но оно, и спустя много лет, не потеряло своей актуальности.

Накануне празднования 110-летия со дня рождения М.А. Шолохова я вновь встретился со Светланой Михайловной и получил от неё «добро» на публикацию этого интервью с некоторыми поправками и дополнениями.

Шолохова Светлана Михайловна — старшая дочь М.А. Шолохова.

Рычнев Григорий Фёдорович, член Союза писателей России, прозаик, публицист, исследователь творчества М.А. Шолохова, автор нескольких книг прозы и публицистики.

Живёт и работает в станице Вёшенской Ростовской области.

Григорий Рычнев «Серьёзному исследователю — серьёзный и умный читатель»

Григорий Рычнев: *Светлана Михайловна, расскажите, пожалуйста, о вашем дедушке Петре Яковлевиче Громославском.*

Светлана Михайловна: Родился он в 1870 году в станице Букановской. Из шести детей в семье Пётр Яковлевич был единственным сыном. Мама не помнит точно, какая была фамилия у прапрадеда, или прадеда: то ли Поповы, то ли Долговы... У прадеда был громовой бас (все они происходили из духовенства) и, когда в Букановскую приехал Новочеркасский митрополит и услышал пение прадеда, то сказал: «Какой же ты Попов-Долгов, — ты Громославский!» И с тех пор они стали Громославскими... Вот такое существует у нас семейное предание.

Г.Р.: *Где был Пётр Яковлевич в 1919 году, сидел ли он в Новочеркасской тюрьме?*

С.М.: Да, он сидел в Новочеркасской тюрьме в 1921 году семь месяцев за невыполнение масло-яичного налога. Сотрудником «Донских вестей» он быть не мог, Крюкова никогда в глаза не видел и в отступление с белоказаками не уходил. С приходом и организацией Советской власти работал в Совете. Ни на один месяц не покидал Букановскую, кроме как — в тюрьму.

В Совете работала и мама, и дядя Иван Петрович, который вовсе не имел университетского образования (он родился в 1900 году и всю жизнь, безвыездно, прожил в этих местах), впоследствии трудился простым учителем начальной школы в хуторе Черновском и не имел никаких склонностей к литературному творчеству.

Г.Р.: *Был ли знаком Михаил Александрович с творчеством Крюкова?*

С.М.: С творчеством Крюкова мой отец — ни по его собственным словам, ни по свидетельствованиям тех, кто близко знал его, — не был знаком. Его увлекала классика, читал философию... В 12-13 лет спорил с отцом, моим дедом, по вопросам философии, и тот в шутку называл его Спинозой.

...Когда с лёгкой руки Солженицына на Западе началась новая возня вокруг «Тихого Дона», Солженицын, якобы, сказал: «Я ему устрою подарок к семидесятилетию...» Это было в 1975 году. Хотя у меня сохранилось письмо Солженицына ещё из Рязани, где он пишет о том, что они впервые встретились с Михаилом Александровичем у Хрущёва. Солженицын пишет: «Глубокоуважаемый Михаил Александрович, я не имел возможности подойти к вам на приёме у Никиты Сергеевича Хрущёва, чтобы выразить своё восхищение талантом — Вам, автору «Тихого Дона». — Но почему-то, когда он уехал за границу, резко изменил своё мнение и даже постарался сделать всё, чтобы вызвать сомнения в авторстве М.А. Шолохова...

Г.Р.: *Что вы думаете о публикации материалов в журнале «Огонёк» по делу Синявского и Даниэля?*

С.М.: Очевидно, я могу ответить словами самого Даниэля: «Самое главное для писателя — оставаться самим собой»... Отец и в этом выступлении остался самим собой. Можно соглашаться с этим, можно не соглашаться, но для отца было невозможно не возмущаться, когда писатели, не успев скрыться за «бугор», начинали хаять свою Родину.

Отец устанавливал Советскую власть на Верхнем Дону, был продработником, и он всегда оставался верным своим идеалам, — они были им выстраданы, и отречься от них для него было невыносимо.

Говорят, Шолохов не подписал заявление в поддержку писателей Синявского и Даниэля? Да к нему никто не обращался, а если бы и обратился, так он его наверняка бы и не подписал.

Отец был убеждённым приверженцем коммунистической идеи, и когда я начинала критиковать какие-то положения, явления, он меня останавливал и говорил: *«Не путай одно с другим: партия — одно, руководитель — другое, и не всегда руководитель достоин партии»*.

Как человек, отец был жизнелюб, никаких комплексов у него не было, он никогда ни перед кем не чувствовал себя виноватым, не оправдывался. — В чём? В том, что именно он написал «Тихий Дон» — вопреки всем измышлениям и «гипотезам»?

К сожалению, Лидия Корнеевна Чуковская попыталась представить выступление отца на съезде призывом к расправе над Синявским и Даниэлем. Он не призывал ни к чему, он лишь дал свою оценку случившемуся.

Г.Р.: Каковы были взаимоотношения Михаила Александровича со Сталиным?

С.М.: Отец к Сталину относился неоднозначно... По-моему, это было в 1934 году, но никак не в 43-м, как об этом пишет Шкерин. — Мы остановились в московской гостинице «Националь». У папы был день рождения, он заказал ужин, пригласил своего лучшего друга Василия Кудашёва. И вот звонит Поскрёбышев и передаёт трубку Сталину: «Вы сможете ко мне подъехать?» — Отец уехал, а мы сидели и ждали его до 12 часов ночи, волновались... Потом Кудашёв ушёл, а мы всё стояли у окна и ждали отца. И только на рассвете видим: идёт он бодрым шагом от мавзолея Ленина к гостинице, прямо через пустую в этот предрассветный час площадь, несёт свёртки. Это Сталин, в качестве компенсации, прислал к нашему столу медвежьей колбасы, конфет, вина...

Встречались они по известным делам и в 37-38 годах (дела П.Лугового, Т.Логачёва и других).

Позже отца поразило высказывание Сталина о «Тихом Доне», которое появилось в собрании сочинений главы государства. Отец позвонил Поскрёбышеву, просил встречи со Сталиным, но тот тянул и тянул... Отец написал Сталину письмо, но Иосиф Виссарионович не ответил. И больше Сталин до конца своей жизни ни разу даже не позвонил отцу...

Известен вот ещё какой эпизод об отношениях отца со Сталиным: было это после XXVIII съезда компартии. Отец тогда был у него по его приглашению, в разговоре сказал: «Иосиф Виссарионович, вам не надоело и не противно читать каждый день о себе славословия?» Сталин ответил: «Человеку нужен Божка. Пусть это будет Сталин». А вот за достоверность его высказываний «Был культ, но была и личность», — я не ручаюсь. Не слышала, и мне отец об этом не рассказывал.

Г.Р.: Кому из писателей помогал Михаил Александрович?

С.М.: Всем, кто обращался к нему. Трогательно отец относился к Платонову. Он ему регулярно оказывал материальную помощь. Когда бывал в Москве и когда у самого были деньги, шёл к нему.

Отец помог и Евгению Евтушенко. Когда тому отказали в поездке за рубеж, он приезжал в Вёшенскую. — Отец принял его со вниманием; звонил потом в ЦК, говорил с Шауро: «Он молодой, пусть ездит, набирается впечатлений; как же можно заставить молодого человека сидеть на одном месте?..» А потом Евтушенко писал, что отец его якобы не принял... Это неправда.

Г.Р.: Какова судьба романа «Они сражались за родину»?

С.М.: Роман не был завершён полностью, поскольку был задуман как трилогия, и начиналась первая книга событиями в Испании. Это было прологом, потому что без понимания событий того периода была бы непонятна судьба генерала Стрельцова и многих других наших военачальников, которые в 1937 году были репрессированы.

Вторая книга должна была отражать предвоенный период 1937-1940 годы, третья — Великую Отечественную войну от её начала до конца. Но написать о предвоенных событиях, как вы сами понимаете, в 50-е годы было невозможно. Отец относился к той категории писателей, которые никогда не писали «в стол». Для него важно было говорить со своим читателем самому, и сказать всё, что он хочет, но самому. То есть он хотел быть свидетелем судьбы своих книг. Поэтому завершить роман до 60-х годов ему практически было невозможно.

В качестве иллюстрации приведу такой пример. Редактор «Правды» позвонил отцу и попросил отрывок из романа «Они сражались за Родину» к 7 ноября, годовщине Октябрьской Революции. Отец выбрал главу и послал. Это была как раз та глава, где речь идёт о приезде к Стрельцову его брата-генерала, освобождённого после ареста, и где он рассказывал, что пережил в лагерях, в тюрьмах при допросах... И Зимянин сказал, что в таком виде, в каком существует отрывок, он не может быть опубликован, потому что об этих событиях ещё не время говорить (а это было уже при Брежневе).

Разговор Михаила Александровича с редактором «Правды» был резким и примерно такого содержания: *«Ты сидишь на таком месте, где до тебя сидели Мария Ильинична Ульянова и другие, которые имели своё мнение и могли сами решать, что печатать. Зачем же ты сидишь в этом кресле, если не можешь сам ничего решить?»* Зимянин отвечал: *«Я покажу этот отрывок Демичеву (министру культуры на тот момент)»* — *«...Я категорически возражаю, править я ничего не буду»*. — *«Ну, я пошлю это Брежневу»*. Отец сказал: *«Что Брежнев может? Что, я менее партийный, чем Брежнев, или я не знаю, что можно сказать моему народу, а что нельзя? Я такой же член партии и по стажу, наверное, тебя постарше»*.

Тем не менее, отрывок был направлен Леониду Ильичу, и пролежал он у него три или четыре месяца. Отец написал Брежневу резкое письмо и попросил вернуть рукопись. Отрывок был возвращён, и, без согласия отца, в

отредактированном виде напечатан в «Правде». Когда я посмотрела рукопись, то нашла все острые места вычеркнутыми. Либо стояло на полях: «Смягчить», «убрать»...

Г.Р.: Светлана Михайловна, чтобы Вы ещё могли сказать о статье Роя Медведева в «Вопросах литературы»?

С.М.: Рой Медведев сам себя признаёт не литературоведом, не лингвистом, но пытается доказывать, что Шолохов не автор «Тихого Дона». Интересно, что пока был жив писатель, Медведев не удосужился побывать в Вёшенской и выяснить все «40 загадок» Шолохова, и поэтому, мягко выражаясь, написал рунду. — С ним можно спорить построчно.

Кроме досужих вымыслов в статье содержатся просто лживые утверждения вроде того, что «и сейчас недоступно изучение биографии писателя на местах, где он жил». Почему? Кому недоступно? Только тому, кому это и не нужно.

Как может серьёзный исследователь, к каковым себя причислял Медведев, так легкомысленно манипулировать фактами и вымыслом, писать обо всём на свете: о Сталине, Берии, Молотове, Шолохове; трясти грязное бельё Галины Брежневой... Можно подумать, что он близко знал всех этих людей и, сидя под столом, слышал, что Сталин сказал Берии, и что тот ответил Сталину и т.д...

Справедливости ради добавлю: Рой Медведев, всё же, незадолго до своей кончины, признал свои заблуждения, лживость своих высказываний об отце. — Это очень важный момент!

И всем, кто «заблуждается», я бы напомнила: исследователь должен серьёзно отбирать материал, использовать только достоверные, проверенные факты (ведь он отнюдь не художественные произведения пишет, а документальные!) Не стоит размениваться и писать в расчёте на падкого до сенсаций и очень нетребовательного читателя!

Серьёзному исследователю — серьёзный и умный читатель!

.....

От редколлегии журнала «ДОН_новый»:

В феврале 2016 года Светлане Михайловне Шолоховой исполняется 90 лет. Редколлегия журнала «ДОН_новый», писатели Ростовского регионального отделения Союза писателей России поздравляют юбиляра, желают ей здоровья и ещё раз здоровья, и ещё большего долголетия!

Всех благ Вам, дорогая Светлана Михайловна!

СТАНЕТ ЛИ ФЕСТИВАЛЬ ТРАДИЦИОННЫМ?

*Интервью главного редактора журнала «ДОН_новый»
Галины Студеникиной с председателем Оргкомитета
Первого Общедонского молодёжного литературного
шолоховского фестиваля «ЗОЛОТОЕ ПЕРО ДОНА»
Алексеем Береговым*

Галина Студеникина: *Алексей Григорьевич, этим летом в рамках Года литературы Ростовское региональное отделение Союза писателей России провело Вседонской молодёжный литературный шолоховский фестиваль «Золотое перо Дона», посвящённый 110-летию со дня рождения нашего великого земляка М.А. Шолохова. Чья была инициатива создания и реализация этого важного для сохранения и развития современной культуры проекта?*

Алексей Береговой: Инициатива проведения фестиваля исходила от членов правления отделения и осуществилась с помощью правительства Ростовской области, которое выделило деньги на реализацию проекта.

Хочется отметить, что 2015 год значимо и творчески был очень насыщенным для Ростовского отделения СП России. Это был не только Год литературы, но и год 155-летия А.П. Чехова, 110-летия М.А. Шолохова, 70-летия Победы в Великой Отечественной Войне; в честь двух последних дат Ростовским отделением были проведены три областных литературных конкурса, один из которых — Молодёжный конкурс, посвящённый 70-летию Победы, проводился совместно с Комитетом по молодёжной политике Законодательного собрания РО (председатель Тутова Л.Н.) и комитетом по молодёжной политике Общественной палаты РО (председатель Шафиров Л.А.). Этот, успешно проведённый конкурс, и стал предтечей молодёжного фестиваля.

Г.С.: *Каким образом и кем разрабатывалась оригинальная символика фестиваля?*

А.Б.: Символика фестиваля обсуждалась Оркомитетом, а разрабатывалась по нашим предложением дизайнером типографии «Альтаир», с которой мы давно и плодотворно сотрудничаем, Ириной Сиренко.

Г.С.: *Как откликнулась литературная молодёжь на идею проведения фестиваля?*

А.Б.: Участие в фестивале было ограниченным. Оргкомитетом были приглашены 35 молодых литераторов в возрасте от 15-ти до 35-ти лет, уже проявивших себя в литературе — это были молодые члены и кандидаты в члены Союза писателей России, слушатели семинаров ЛитСтудии при РРО СП России, победители и призёры молодёжного конкурса в честь 70-летия Победы.

Ядро участников составила всё же молодёжь до 25 лет. Молодые таланты очень охотно откликнулись на наше приглашение. На мой взгляд, сначала оно вызвало некоторое удивление, небольшой шок, потом — огромную радость

и желание победить в конкурсе, сосредоточенность в работе. По-другому и не могло быть. Ведь на их творчество обратили внимание ведущие донские писатели, секретариат Союза писателей России и Правительство Ростовской области. А это, согласитесь, ко многому обязывает.

Жаль только, что не все приглашённые литераторы сумели принять участие в фестивале — время было не совсем подходящее: выпускные и вступительные экзамены в школах и в ВУЗах, но большинство приглашённых участие приняли, что позволило успешно провести фестиваль.

Г.С.: *Какие цели и задачи были у фестиваля?*

А.Б.: Конечно же, выявление молодых талантов и, самое главное, введение их в литературное пространство, наблюдение за их дальнейшими творческими судьбами, при необходимости — помощь и поддержка отделения.

Г.С.: *Роль писателей отделения в проведении фестиваля?*

А.Б.: В фестивале непосредственно приняли участие 32 писателя Ростовского отделения, а также — гости из Москвы и Краснодарского края. Все они были либо преподавателями фестивального литературного семинара, либо членами жюри литературного конкурса фестиваля, работали в Оргкомитете фестиваля. Праздных гостей не было. Все писатели оказали огромную моральную и деловую поддержку организаторам фестиваля, и за это мы им очень благодарны.

Г.С.: *Какие впечатления оставил фестиваль у его участников и гостей?*

А.Б.: Судя по устным высказываниям и выступлениям в газете — самые благоприятные. Особенно у молодёжи. Как говорится: впечатлений — на всю

Участники фестиваля в хуторе Кружилинском.

Галина Студеникина «Станет ли Фестиваль традиционным?»

жизнь. Ведь многие участники, писатели и литераторы, впервые участвовали в подобном фестивале, впервые побывали на родине М.А. Шолохова, познакомились с музеями, с красивейшей природой Верхнего Дона.

Г.С.: Довольны ли вы результатами литературного конкурса в частности и самим фестивалем в целом?

А.Б.: Да, конечно. Хотя для членов Оргкомитета и для меня лично фестиваль был не развлечением, а довольно тяжёлой работой — и ёмкой, и чрезвычайно ответственной. Но положительные его результаты покрывают все трудности и проблемы с лихвой.

Г.А.: Станет ли фестиваль ежегодным и традиционным? Насколько мне известно, этот вопрос весьма интересует и участников фестиваля, и тех же гостей — которые, видимо, остались действительно переполненными положительными эмоциями и впечатлениями от фестиваля!..

А.Б.: Если Правительство Ростовской области снова нас поддержит, мы готовы провести и второй фестиваль, и третий, и так далее. И можно было бы расширить круг участников, выйти на российский уровень, создать более объёмную программу. Мы очень надеемся на поддержку Правительства РО. Сплав творческого и административного ресурсов обязательно даст высокие результаты. Хорошее начинание должно продолжаться...

Г.С.: Спасибо за беседу. Редакция журнала желает вам удачи в осуществлении будущих подобных проектов и других литературных мероприятий, проводимых Ростовским региональным отделением Союза писателей России!

А.Б.: Вам спасибо за внимание к нам...

Третий день фестиваля закончился. Над Вёшками прятная июльская ночь...

Первый Вседонской молодёжный литературный шолоховский фестиваль «ЗОЛОТОЕ ПЕРО ДОНА»

**Литературный конкурс:
Номинация «ПРОЗА»:**

**Диплом I степени
Анастасия Кривохижина
Ростов-на-Дону**

САМОЕ СЛОЖНОЕ

Рассказ

*Самое сложное — это, уходя,
не захлопнуть случайно дверь.*

Она резко села на кровати. Сипло втянула воздух и замерла. Это помогало. Обычно. Замереть на несколько секунд. Но сегодня... Сегодня от этого сердце стало биться только сильнее и чаще. Надрывнее. Мир пульсировал в глазах. «Остановись», — что-то тихо прошептало внутри. «Остановись», — повторил голос. «Выдыхай медленно. Потихоньку.» Она не реагировала. Мир пульсировал всё сильнее. То включая, то выключая свет. «Остановись!» — закричало что-то внутри, и она выдохнула.

Капли воды стекали по лицу, падали в раковину и разбивались на мелкие осколки. Она смотрела в глаза своему отражению. Отражение молчало. Смотрело на неё безумно и зло. Это её вполне устраивало. Главное не жалость. Устроит всё, кроме жалости. Она оторвалась от раковины, повернула кран душа, и в ванну полились дождевые струи. Устроившись максимально удобно около ванны и протянув раскрытую ладонь под струи, она, не отрывая взгляда, смотрела как капли бьются о её кожу.

— Я скачаю, — прошептала она. — Мне адски не хватает дождей.

Кривохижина Анастасия Васильевна, 1985 г.р., По итогам фестиваля принята в члены Союза писателей России. Автор книги прозы «Опережая дождь». Стипендиат министерства культуры РФ за 2015 год. Победитель и призёр нескольких областных литературных конкурсов.

Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

Она прикрыла глаза, представляя, что это и правда дождь. Её воображение никогда не подводило её. Она услышала шелест листьев и шумный стук капель по асфальту. По глазам резанул яркий свет фар. И, вздрогнув, она открыла их.

— Чёрт! — больно стукнувшись локтем о край ванны, девушка встала.

Привычным движением завернула вентиль, «выключая» дождь, и покинула ванную.

Выглянула в окно. По яркому синему небу плыли прекрасные кучевые облака. С золотыми, подсвеченными солнцем, боками. Она фыркнула и задёрнула плотные шторы. Легла на пол. Дотянулась рукой до выключателя настольной лампы. Щёлкнула им, включила свет. Через несколько секунд выключила. Вдохнула, снова включила. Лампа валялась на полу, и включаясь, каждый раз подсвечивала пространство под кроватью. Там в пыли валялись три тапочка, несколько книг, скомканный носок и погрызенный ярко-зелёный теннисный мяч. Она смотрела как свет достигает стены по ту сторону кровати, выставляя на показ ножки стула и дырку в обоях. И снова выключила свет. Вдохнула и включила свет. «Привет!» — раздался голос, и она увидела по ту сторону знакомое лицо. Резко села, перелетела кровать и приземлилась на пустой пол. Её руки освещала яркая лампа. Она смотрела на ладони, будто держала свет в руках.

— Я всё так же странно и глупо, возможно, по-детски, люблю дождь, — заплакала она, уткнувшись в ладони. — Прости меня.

Она сидела в ванне. Обняв ноги, уткнувшись лбом в колени. На макушку ей лился холодный «дождь». Одежда промокла и прилипла к телу. Она дрожала, но не замечала этого. Напевая себе под нос, девушка раскачивалась в такт песне:

*И ты позвони-и-и-ишь,
Как обычно, в дождь,
И ска-а-а-ажешь...*

Раздался пронзительный звонок. Она выскочила из ванной и заметалась по квартире в поисках сотового телефона. Поскальзываясь и чуть не падая, оставляя за собой вереницу лужиц. Когда телефон был найден она поняла, что звонит вовсе не он. Засунув его обратно в карман кофты, она метнулась к входной двери, но за ней было пусто. Вбежала на кухню, нога скользнула на гладкой плитке, попытка ухватиться за столешницу лишь усугубила положение. Упав на пол и больно приложившись затылком, она увидела как на неё летят тарелки и вскинула руки, закрывая лицо. Телефон требовательно продолжал звонить. Она потянула за провод, и трубка упала ей в руку.

— Да?

— Ты почему так долго не подходила?! — раздался раздражённый, упрекающий голос в трубке.

— Если ты не собираешься мне ничего рассказывать, а будешь только задавать вопросы, я вешаю трубку, — сказала она и потянулась к аппарату, чтобы осуществить сказанное.

— Подожди! — закричали в трубке, и она вернула её к уху.

— Дождь, — человек на том конце провода тяжело вздохнул, будто набираясь решимости продолжить. — Дождь. Чёрт возьми. На улице начинается дождь.

Она бросила трубку прямо на пол. Вскочила и побежала в комнату, не замечая, не обращая внимания на то, что поцарапала об осколки ладони и стопы. В трубке закричали: «Подожди!» Но она уже не слышала. Она срывала с себя мокрую одежду. Подскочила к шторам и распахнула их. На небе висели тяжёлые свинцовые тучи, и на сколько хватало взгляда всё небо было заполнено ими. Она услышала раскат грома, вдали полыхнула молния. Девушка отступила на шаг назад. Замерла. Следующий разряд вернул ей способность дышать. Наспех натягивая на себя сухую одежду, она метнулась в коридор. Вылетая из квартиры,

она пыталась завязать шнурки на кроссовках. Не беспокоясь о распахнутой двери и даже не пытаясь дождаться лифта, она побежала вниз по лестнице. Громко хлопнув дверью подъезда, испугала стоящих рядом людей.

— Сумасшедшая! — крикнули ей в спину, но она этого не услышала.

Дождь падал редкими каплями, оставляя на асфальте крупные кляксы, которые успевали высохнуть прежде, чем рядом появлялись новые. На город медленно опускался вечер. Но из-за тяжёлых туч было уже достаточно темно. Девушка бежала вперёд. Как будто она опаздывала на встречу. На так давно ожидаемую встречу. Дождь усиливался. Капли всё чаще и чаще разбивались об асфальт. Воздух наполнялся запахом озона. Люди открывали зонтики или вовсе прятались, опасаясь ливня. А она его предвкушала, желала, мечтала о нём.

Девушка бежала вперёд. Быстро, стремительно, ловко огибая прохожих. Чтобы никто не смог помешать, остановить, замедлить её бег. Она точно знала, куда ей нужно. Она точно знала, что ей нужно быть там. Сегодня. Сейчас. Скорее. Главное, успеть. Чтобы ливень она встретила там. Чтобы с ливнем она встретилась именно там.

Дождь то слабел, то усиливался, будто издеваясь над ней. Внутренне опасаясь, что дождь лишь дразнит её, она всё равно не сбавляла скорость. Если ливень не пойдёт, ей придётся материализовать его. И точка. Сегодня будет ливень!

До цели оставалось меньше сотни метров, когда на землю гулко приземлились последние капли и дождь замер. Девушка резко остановилась и лишь в этот момент поняла, что в ней ни осталось ни сил, ни эмоций, — ничего. Она стояла и смотрела на дорогу перед собой. Мир пульсировал. Сердце билось гулко, надрывно. Девушка пошатнулась. Шаг. Ещё один. Нужно идти. Стоп. Остановилась. Дождя нет. Ливня нет. Ей показалось, что она преодолела оставшееся расстояние одним нечеловеческим прыжком. Она на месте. Вот оно. «Отбрось страхи», — прошептал знакомый голос.

Мир замер. Ей показалось, что даже листики на деревьях застыли. Прохожих не было. В сгустившихся сумерках было темно и тихо. Фонари ещё не успели зажечься. На дороге было пусто. Неимоверно ярко вспыхнув, молния осветила всё вокруг, и город вдруг до самого основания сотряс оглушительный гром. Ливень начался свалился мгновенно. Сплошной стеной. За которой ничего не было видно. Девушка стояла запрокинув голову.

— Прости, но я всё ещё люблю дождь, — шептала она неизвестно кому. — Ты позвонишь, как обычно, в дождь, и скажешь: «За моим окном идёт дождь, ты же любишь дождь. Поэтому я звоню тебе».

В кармане настойчиво вибрировало. Долгое время она пыталась это игнорировать, но в итоге достала телефон. Дождь заливал не светящийся экран. Она включила его. Сквозь капли дождя на неё смотрел улыбающийся парень, обнимающий пса. Пёс держал в зубах теннисный мяч. Пропущенных звонков не было.

— Я всегда буду любить вас, — сказала она, вытирая рукавом с лица дождь и слёзы.

Проехавшая мимо машина разрезала яркими фарами ливень, словно масло. И в этом свете она увидела жавшегося к её ногам, насквозь промокшего щенка.

— И я пойду, — сказала она, наклоняясь и беря щенка на руки, — туда, где мне уже никогда не будет страшно или одиноко.

На месте, где девушка стояла несколько секунд назад, моргнул и погас экран телефона.

Улыбаясь новому другу, девушка шла домой. Дождь слабел с каждым её шагом. Щенок внимательными чёрными глазами смотрел на человека. Подался вперёд, обнюхивая её лицо, лизнул подбородок.

— Я иду вперёд, — сказала она щенку, делая ещё один шаг.

29.06.2015 г.

Диплом II степени

Вадим Селин

Ростов-на-Дону

ТАМ, ГДЕ ЖИВЁТ МЕЧТА

Отрывок из повести

Я стояла в растерянности посреди улицы и не знала, что мне теперь делать. Только что всё было прекрасно: между нами с Сашей исчез барьер, разговор лился ручьём, мы собирались ко мне в гости и я чувствовала себя счастливой, а сейчас всё перевернулось. Перевернулось так резко, что я просто ничего не могу понять.

Зачем только Вика встретила нас на пути и рассорила нас?

Звякнул телефон. От кого-то пришло сообщение.

«Это Саша! — судорожно копаясь в сумке, думала я. От волнения не могла нащупать трубку среди всяких мелочей. — Это точно он!»

Наконец, выловила телефон и увидела на дисплее... «Вика».

Плечи опустились.

Я открыла сообщение и в очередной раз обомлела.

«В этом туре я снова выиграла! А ты проиграла!»

Я несколько раз перечитала сообщение.

«В этом туре я снова выиграла! А ты проиграла!»

Не понимаю, какой ещё «тур»? О чём она говорит? У нас что, соревнования, чтобы один проигрывал, а другой побеждал? О чём она вообще говорит? Я уже запуталась! Голова кругом идёт! Ничего не понимаю! Почему она так себя ведёт?!

И вдруг до меня дошло. Дошло так, будто прогремел гром среди ясного неба. В этот момент я поняла причину странного поведения Королёвой.

До этой секунды я была в недоумении и не могла взять в толк, что с ней

Селин Вадим Владимирович, член Союза писателей России, прозаик, автор нескольких книг прозы для подростков. Стипендиат министерства культуры РФ за 2015 год.

Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

творится, почему она так изменилась, но сейчас всё стало ясно. Непонятные фрагменты слились воедино, и всё прояснилось.

Она просто мне завидует. И именно в этом дело.

Я понимаю, это звучит смешно — как красавица Вика может завидовать мне, Шуре, у которой дома живёт корова и которую все дразнят Дояркой, но судя по всему, это так и есть.

Из зависти Вика украла мои конкурсные работы и выдала за свои. Она похитила их для того, чтобы исключить возможность моего выигрыша. А сегодня она влетела в ателье, увидела меня за швейной машиной и просто позеленела от зависти. Она не могла взять в толк, как это я, деревенская девчонка, могу работать в ателье?

В голове прогремели жуткие Викины слова:

«Я встречалась с ним только лишь для того, чтобы сделать тебе больно! Думаешь, я не видела, как ты смотрела на него на физре? Видела! Поэтому и стала с ним дружить! Чтобы тебя обставить!»

Какой ужас...

А ведь так всё и есть...

В памяти всплыли воспоминания. Когда в самый первый день Саша показал фотоальбом, вокруг него столпился весь класс, а я стояла с краю и подпрыгивала, чтобы увидеть фотографии. Это заметил Саша и попросил дать мне альбом. Получается, что из всех он выделил именно меня. На меня смотрели все. Но из этих взглядов я в особенности запомнила взгляд Вики. Взгляд, полный гнева и непонимания, — как он мог дать альбом мне?! Поэтому сразу же после уроков она помчалась за ним, как пиявка в него вцепилась и начала дружить только лишь для того, чтобы досадить мне. Он стал просто разменной монетой в её игре.

А это страшное сообщение «В этом туре я снова выиграла! А ты проиграла!» — всему подтверждение. Она не хочет, чтобы я в чём-то выигрывала. Ни в дизайне, ни в дружбе с Сашей.

«Но почему она мне завидует? Чего такого я ей сделала, что объектом для зависти она выбрала меня? Зачем нужна ей я, самая неприметная девчонка? Почему она так на меня взъелась?» — недоуменно думала я, и тут неожиданно грянул ещё один гром непонимания ситуации.

Я вспомнила Викину фразу, которую она сказала возле мастерской. «Это ей должно быть стыдно! Это она мне всё испортила!»

Тогда я искренне не поняла — что ей испортила? — но сейчас вспомнила, как два года назад на домоводстве объявили конкурс полезных изобретений для хозяек. На победу были две претендентки — Вика с удобной причёской, и я с удобным фартуком, но одноклассницы выбрали меня, я получила в четверти «пять», а Вика проиграла.

Вот тогда-то она и стала меняться, хотя мне искренне казалось, что одноклассница уже и думать забыла про тот ничтожный случай. Именно проигрыш и послужил толчком для всего того, что происходит сейчас.

Вот и сложились все непонятные фрагменты нашей истории. Теперь понятно, в чём главный корень Викиного сегодняшнего поведения.

Я отошла от тротуара к дереву, чтобы не мешать прохожим, и стала прокручивать в голове события последних двух лет.

Вскоре после случая на домоводстве в класс пришли из Досугового Центра. Я записалась в кружок дизайна и шитья. Это услышала Королёва и молниеносно попросилась на этот же самый кружок, а ещё объявила во всеуслышание, что обязательно откроет свой Дом Мод и станет знаменитой.

Это удивительно, но у меня складывается такое впечатление, что из-за проигрыша на домоводстве она решила во всём со мной соперничать и по любому поводу утирать мне нос.

Теперь, когда стало ясно, из-за чего конкретно Вика на меня взелась, стало вспоминаться множество событий, на которые прежде я не обращала внимания, но которые, как оказалось, были очень важными.

Мне вспомнился один момент, которому до этой секунды я не придавала значения, но теперь понимаю, что это было очень серьёзно. Раньше, до того переломного в наших отношениях дня, когда Вика проиграла с идеей удобной причёски, она постоянно приходила в школу с шикарными укладками, которые мастерила своими руками. Ей очень нравилось парикмахерское искусство, она всю себя посвящала причёскам, которыми она просто жила, но после проигрыша резко прекратила ими заниматься и переключила себя на дизайн, который был интересен мне. И только теперь я понимаю, в чём дело. Неудача на конкурсе резко обрубилась у неё тягу к своему увлечению, и она стала жить не своими настоящими интересами, а моими. Она начала заниматься тем делом, которым занимаюсь я, и из великолепного парикмахера превратилась в банального дизайнера.

Всем людям, в том числе и самой Вике, было заметно, что она занимается дизайном с большим напряжением, как будто через силу — рисует пресно, без изюминки, обычно... А всё потому, что это дело не её. Поэтому и делает она его с каким-то скрипом и без гармонии. А вот когда она занималась причёсками, то всё было совершенно по-другому — парикмахерским искусством Вика просто дышала, оно лилось из неё ярким нескончаемым потоком. Потоком, который она резко перекрыла после своего проигрыша на домоводстве.

Когда человек занимается своим делом, то в его жизни всё идёт как-то плавно, органично, естественно, но когда он делает что-то не то, всё получается криво, не так, как должно идти, человек теряет спокойствие и душевную гармонию...

Кажется, именно это и произошло у Вики. Тогда, когда она бросила своё настоящее призвание.

Получается, что её настолько поразила неудача с причёской и одновременно зависть к моему выигрышу, что она начала заниматься дизайном от злости и из зависти ко мне. А когда Ирина Леонидовна объявила конкурс эскизов, Вика испугалась, что я снова могу победить, но она не могла этого допустить и украла мои идеи. И выиграла. Выиграла у меня с помощью моих же идей!

Помню, когда после конкурса мы выясняли отношения на улице возле Досугового Центра, Вика язвительно мне сказала: «Умей проигрывать!» И теперь я понимаю, что именно этого не умела она сама.

«Зачем она так себя ведёт? Зачем? — с жалостью к ней думала я. — Неужели она не понимает, что «пятёрка» по домоводству это настолько ничтожная

мелочь, что про неё даже думать не надо? Ну проиграла, и проиграла! Ну и что тут такого? Мы все когда-то в чём-то проигрываем! Но нельзя опускать руки! Нельзя расстраиваться! Нужно упорно продолжать заниматься своим делом! Трудности должны нас закалять! А Вика из-за малюсенькой трудности сломалась! Она делала изумительные причёски и должна заниматься своим делом и добиваться успехом в своём деле, а не в чужом!»

Вика — действительно очень талантливый парикмахер. Когда она читала журналы про причёски, её глаза горели огромным интересом, она чувствовала себя как рыба в воде, но после поражения на домоводстве я ни разу не видела её с такими журналами...

Теперь, после понимания главной причины, глубокого корня произошедшего, мне стали ясны все её слова и поступки.

Зависть ко мне и страх, что я снова могу выиграть, настолько захватили Вику, что она стала действовать масштабно и атаковала меня со всех сторон. Сначала украла идеи на конкурсе, а затем взяла и украла Сашу... Самое неприятное и неправильное то, что пострадавшим в этой ситуации стал ни в чём не повинный Саша. Вика сама сказала, что общалась с ним только лишь для того, чтобы мне досадить. Значит, она хотела в чём-то меня обскакать, в чём-то меня обставить — и решила опередить в отношениях со спортсменом...

Какой кошмар... Викина зависть на домоводстве вспыхнула как искорка и постепенно разгорелась до уровня уничтожающего пожара, который стал просто выжигать её изнутри. Из нормальной девчонки она превратилась в бесчувственную, ехидную, и одержимую идеей любым способом стать «успешной» — даже путём воровства и предательства друзей.

Вика хоть и была с виду прежней — красивой и статной девчонкой, но внутри она погибала. Зависть полностью её изменила. Она предала и себя, и свои интересы, и окружающих тоже предала.

Я взглянула на пакет с бутылкой молока, который до сих пор держала в руке, и печально побрела домой, к Зорьке. Одна.

Дом-усадьба Шолоховых в Вёшенской.

Диплом III степени Ксения Баштовая

Ростов-наДону

ТАНЦУЙ!

Рассказ

— ...И будет тебе, яхонтовый, путь-дорога гладкая, ковылём степным вы-
стланная. Да войдёшь ты, аметистовый, в казённый дом со славою!..

Клиент, худой зелёнокожий гоблин, был просто счастлив, услышав пред-
сказание. Так счастлив, что не обратил никакого внимания на плутовскую
улыбку, скользнувшую по губам молодой красавицы-орчанки.

Ташена подбросила на ладони серебряную монету. Ну... Совсем не плохо!
Полчаса назад приехать в город и уже заработать сребренник.

Конечно, предсказания, рассказанные орчанкой, были ложью от перво-
го до последнего слова, но... кого это сейчас волнует? Истинные видения
приходят редко, но уж когда приходят... Их не спутаешь ни с чем! Линии,
бегущие по ладоням, расплываются туманным пятном, и сквозь них просту-
пает будущее... Картины и видения. Смех и слёзы. Всё видно там. Но после
таких предсказаний, появляющихся очень редко, спонтанно, всегда так болит
голова... Уж лучше бы они не приходили вовсе!

Нелан, шестилетний сын барона, увязавшийся за девушкой, когда та,
оставив на время прибывший в Алронд табор, отправилась на прогулку по
солнечным улицам, нетерпеливо дернул девушку за руку:

— Таше, пойдём! Ты обещала купить мне леденец!

Рассмеявшись, орчанка шагнула вслед за ребёнком в людской водоворот,
затопивший улицы столицы...

Баштовая Ксения Николаевна, 1985 г.р., член Союза писателей России, прозаик. Автор
свыше десятка книг прозы. Неоднократный победитель и призёр различных литературных
конкурсов. Стипендиат министерства культуры РФ за 2015 год. Секретарь правления РРО
СП России.

Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

Гомон толпы... Чей-то смех, чьи-то слёзы, крики торговцев, неспешный говор купцов, визги пикси, затеявших драку и повисших на высоте нескольких футов над землёй. Жизнь большого города.

Купив ребёнку петушка на палочке, девушка остановилась подле огромного фонтана на одной из площадей города. Серебряные струи, неспешно журча, стекали из пастей огромных каменных рыб, ставших на хвосты, бежали из кувшина перевернутого мраморным мальчишкой, будто живым замершим в испуге.

Интересно, он придёт сегодня или нет? Знает же, что сегодня табор Ташены должен приехать...

— Красавица, погадай на руке?

Ташена вздрогнула, вскинула глаза и улыбнулась... Пришёл... Не забыл... Совсем не изменился за прошедший год. Усталый взгляд серых глаз. Волосы цвета свежего пепла. Ну и что, что он тролль, а она орчанка? Сердцу не прикажешь... И пусть встречаются они так редко, но...

Покосившись на Нела, беззаботно грызущего леденец и болтающего ногами в прозрачной воде фонтана, девушка медленно повела пальцем по широкой ладони тролля: тот лишь поёжился от щекотки:

— А ждёт тебя, — начала она, чуть насмешливо косясь на него, — путь-дорога до дома казённого со ступенями высокими...

И она, и он понимали, что всё предсказание — шутка, не больше... Но... Таков ритуал встречи! Так впервые узнали друг друга, так познакомились, а, значит, и продолжать так стоит...

— ...И звёзды тебе, яхонтовый, озарят путь-дорогу, и солнце улыбнётся, глядя на тебя...

— Таше, я завтра женюсь.

Тонкий палец замер на линии жизни, ноготь царапнул кожу.

А чего ждала? На что надеялась?! Думала, он откажется от своей судьбы ради тебя?! Фортуна изменчива: плеснёт цветастой юбкой, да звякнет монетами, и всё! Поминай как звали!

Плеснули языки пламени. Детский крик. И тролль с короной в пепельных волосах падает под ударами мечей. Распорот рукав, рассечена бровь, по груди расплзлось пятно крови... А он вновь и вновь пытается встать, чтобы защититить ту, что вжалась в стену за его спиной...

Видение ушло, развеявшись туманным маревом. Исчезло как ночной кошмар, оставив лишь после себя лишь горькое послевкусие слёз да острые иглы боли в висках.

— Я женюсь, Таше, — повторил он, словно решив, что она не услышала.

Нельзя сейчас ничего говорить. Каждое слово, даже если сказать правду, будет расценено как мелкая ложь брошенной женщины. Нельзя говорить ничего...

Нужно лишь вскинуть взгляд и выдавить улыбку:

— Будь счастлив, — провести кончиками пальцев по его щеке, запоминая... Привстав на цыпочки, осторожно, на миг, прикоснуться губами к его губам... И резко бросить: — Нелан, пошли.

И кружится толпа в безумном хороводе, отрывая его от неё. И нельзя оглядываться, нельзя смотреть назад... Можно лишь уйти с высоко поднятой головой.

Орчанка сжалась в комок на косматой кошме в уголке кибитки:

— Я не буду танцевать!

Барон, седой орк с огромным шрамом на лице, смерил её долгим взглядом и тихо начал:

— Таше, послушай меня. Ты должна. Я не хочу приказывать тебе, но ты лучшая танцовщица в таборе. Ты должна танцевать завтра на главной площади города. Это подарок мэра города принцу. Раз мы приехали в столицу... Это наша плата за вход в город, ты понимаешь?! Сегодня ты откажешься, а завтра... Завтра нашему табору будет заказан путь в Алронд! Я могу, конечно, сказать, чтоб танцевали Вира, Иста, Ликшана, но ведь ты — лучшая танцовщица!

Ташена сглотнула комок, вскинула глаза:

— Хорошо.

Взлетели в небо стаи белых голубей, алые ленты взметнулись в воздух, затрубили трубы, когда Констарен Лазандер'эт Дораниел, герцог Паринтайский, наследник престола Гьертской империи вывел под руку Алехандру Риит из-под сводов Семиглавого собора. Всего несколько минут назад священник закончил обряд венчания...

Запели гитары и скрипки, несмело звякнул бубен... Этот танец был достойным подарком, ведь танцуя Ташена отдавала душу... В какой-то миг её и его глаза встретились... Его лицо оставалось спокойным, на её — светилась улыбка... Но тоска в его глазах была лишь отражением её печали...

Кабинет М.А. Шолохова.

Номинация «ПОЭЗИЯ»:

**Диплом I степени
Елена Морозова
г. Волгодонск Ростовской области**

«ЗВЁЗДОПАД НАД ДОНБАССОМ»

Прошу – смотри!.. Прислушайся: сверчки.
Они поют ночную серенаду.
От наслажденья ширятся зрачки, –
Ночь дарит серенаду и прохладу...

Смотри. – По небу катится звезда:
Подставь ладони – вымоли желанье!
Ещё звезда, гляди... ещё одна...
От восхищенья замерло дыханье.

Но небо хмурит брови. – Грянул гром,
Посыпал град расплавлено-горячий –
И место, называемое ДОМ,
Низверглось в ад, захлёбываясь плачем...

Прошу – не закрывай свои глаза!
Не уходи, смотри на это небо! –
Скажи, что жив! – не звёзды пусть, – гроза...
Но ты молчишь, уйдя в пустую небыль.

Диплом II степени
Анастасия Кнутова
г. Ростов-на-Дону

ПРЕЛЮДИЯ СНЕГА

Почтальон под названием ветер
по квартирам прохладу разносит, –
не хватает глинтвейна и пледа.
Чересчур пунктуальная осень
в нашем городе – выгнала лето,
променяв на холодную россыпь
мелких капель на окнах, в куплеты
горсть минорных аккордов подбросив...
Кошке нос перекрыв баррикадой
тёплых лап... Остужая ладони...
Подарив всем деревьям «помаду»,
ненавидя цвет листьев зелёный.
Облака превратив безвозвратно
в горы туч! – Их над городом гонит,
предвещая печаль и прохладу,
небеса покрывая бетоном...

Осень стоит не временем года
называть, а прелюдией снега!
Осень – это не свойство погоды,
осень – это внутри человека.

По итогам фестиваля Анастасия Кнутова принята в кандидаты в члены Союза писателей России.

Осень – это не верить уходу
и по прежнему мыть две тарелки...
Осень – это не ветер холодный,
осень – это бегущие стрелки
и – витки из колючей обмотки

на заборе, что встал между нами.
Осень – это квартира в высотке,
что до боли сжимает тисками...
Осень – это спастись на лодке
от внезапного всплеска цунами...
Осень – это
до горечи в глотке
о тебе вспоминать вечерами.

Участники фестиваля в литературном музее им. М.А. Шолохова в станице Вёшенской.

Диплом III степени
Полина Колпакова
г. Таганрог Ростовской области

«БЕСКРЫЛЫЙ»

Бредит дорога пыльная
дымом осенним, ливнями –
под ноги мягко катится
вылинявшим ковром...
...Господи, был ли я?
...Как же я так истратился?
Крылья свои чудесные
продал, перо за пером. –
С крыльями было тесно мне
в клетке своей сидеть.
...Что я наделал, Господи!
...Больше мне не взлететь.
Тихо. И ветер затих.
Города панорама –
окна унылые в ряд...
А на спине моей шрамы
уже не болят. –
Может, и не было вовсе
крыльев бесценных моих?..

Плыть бы мне по течению! –
Сердце не жаждет странствий.
Слабым моим свечением

не осветить пространства,
Ноги не грезят тропами...
Джинсы мои истрёпаны...

В жизни моей нет места мне.
Господи, дай мне ответ:
крылья мои небесные –
были они
или нет?!..

У Отрога.

Крутояр

окончание

Плевен. Драматический театр «Иван Радоев».

«Побратимени Светове – 2015» «Побратимы Мира – 2015»

Ростов-на-Дону и Плевен — города-побратимы с полувековой историей. И поныне в Ростове есть площадь Плевена, большой кинотеатр «Плевен», каждое лето по-прежнему благоухает тысяча прекрасных кустов на Бульваре Роз, саженцы которых — подарок города-побратима. Есть в Плевене огромная гостиница «Ростов-на-Дону», другие памятные объекты. Столь же долгой была и дружба писателей Ростова и Плевена: существовал договор о дружбе и сотрудничестве между писательскими организациями городов, происходил обмен делегациями, постоянными были творческие встречи писателей, переводы и публикации новинок донской и болгарской литератур.

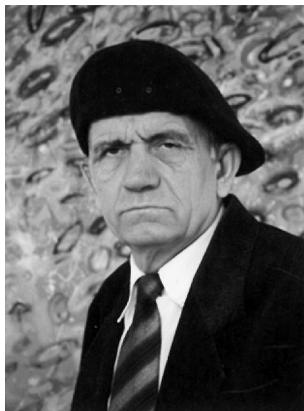
Потом всё это было утрачено. Но вот в начале 2015 года ростовчане получили приглашение от коллег из Плевена посетить их прекрасный город, в котором проводилась десятая международная встреча писателей славянских стран и Греции.

С помощью мэра Ростова-на-Дону Неярохиной З.В. (за что мы все ей очень благодарны) в мае 2015 года делегация ростовских писателей посетила г. Плевен и приняла участие в писательском форуме.

У каждого доброго дела должно быть продолжение. И как начало этого продолжения мы сегодня в журнале знакомим российского читателя с творчеством наших болгарских друзей, публикуя их произведения.

Редколлегия

Атанас Славчев г. Плевен, Болгария

СОН

Почти чёрная импрессия

Возле чёрного Памятника всё черно — чёрный мрамор, чёрные камни, чёрный крест. И земля вокруг чёрная. Невиданная странность? — Существует такой памятник. Вокруг него — смерть, смерть, смерть. Похоронены там пятьдесят... сто?... или двести человек?... или больше?... Поэтому-то имя этого памятника — Чёрный.

И начинает мальчик сны видеть: снится ему — бой, бой, бой... В бою русские, белорусы, украинцы, румыны, финны, молдоване, поляки — против турок. Снится, снится... снится: окопы заполняются и заполняются... Так что — много чёрных памятников. За Плевен. За жителей Плевена, за их свободу — всем погибшим русским, белорусам, украинцам, румынам, финам, молдованам, полякам.

Целую неделю снятся мальчику война и смерть, — окопы заполняются, заполняются... И на Востоке — чёрный платок на чёрном платке: чёрные платки сестёр, матерей, жён. На каждого жителя Плевена — семь чёрных платков. — И ради него тоже, ради жизни этого мальчика!.. Снится горе людское маленькому человеку... говорит он во сне, говорит... Чёрные платки ему снятся. И из этого ночного кошмара вдруг возникает дерзкая мечта: воскресить погибших! — Детская мечта. Смелая.

И вот однажды — не снятся чёрные платки, только чёрная земля снится. Мальчик копает и видит кости — русских, белорусов, украинцев, румын, финнов, молдаван, поляков; он бесстрашно собирает их кости и складывает в чудо-машину, им сконструированную чудо-машину детской любви — машину, которой нет нигде на свете. Она из этих высохших, полуистлевших костей восстанавливает тела погибших освободителей и оживляет их — и они, ожившие герои войны, моментально исчезают на Востоке, там, где чёрным платкам нет счёта... Мальчик собирает и складывает кости в чудо-машину, и погибшие — оживают, и оживают, и оживают!..

Снится мальчику выдуманная им волшебная машина...

Столько лет...

...А чёрный памятник всё там же: ещё не сконструирована эта машина воскресения. И сам мечтатель понимает, что сон его не может исполниться. И всё-таки иногда вспоминает мальчик... уже — старый человек... старик, о своей придуманной, но так и не созданной никем чудо-машине, которая воскресила бы героев, павших за свободу Плевена — и ему больно, больно, больно... Больно старику.

«Побратимени Светове»

Лалка Павлова

ПОЭТ НАМ ВОЗВРАЩАЕТ СОЛНЦЕ

НЕРАЗДЕЛЁННАЯ ЛЮБОВЬ

Она не носит панцирь, что душу защитит,
Лишь риза чистых грёз слепит вас белизною.
В её руке в день будний порой бокал блестит –
Чтоб горечь резких слов залить хмельной водою!

Но вечером пустынным златой закатный луч
Прогонит облака темнеющей печали.
И опьянит звон струнный, неслышанно певуч,
Случайный взгляд закружит в бальном зале!

На колкие насмешки всегда обречена,
Не ожидая отзвука на сдавленный свой зов,
Живым и страшным жаром костёр хранит она –
Она – неразделённая любовь!

Там где-то одиноко предо мной
стволом иссохшим дерево темнеет –
его не холит ветер в летний зной,
и солнце его больше не согреет.

Павлова Лалка родилась в 1949 году. Член Союза болгарских писателей, руководитель Содружества писателей Плевена, член редколлегии литературного альманаха «Мизия». Автор 10 книг — поэзии, литературной критики, публицистики.

Отмечена Почётным знаком «Неофит Рилски», Почётным знаком Союза болгарских писателей, медалью имени Елены Слободянюк, (г. Воскресенск, Россия), медалью ЮНЕСКО по Греции, грамотами РОТАРИ-КЛУБ, Центрум-Плевен и др. Произведения Л. Павловой переведены на русский, румынский, греческий, македонский, албанский и испанский языки.

Живёт и работает в г. Плевене, Болгария. В журнале «ДОН_новый» публикуется впервые.

Наверно, суховей ночной порой
подкрался, древу корни иссушая, –
и потому пугает чернотой
Теперь оно, источник сил теряя.

А я, одна, без зова твоего,
как в бурю дом, стихиям злым покорна.
Ведь, в сущности, любовь – главней всего,
и без неё мы – дерево без корня.

(Перевод И. Сазоновой)

НАДЕЖДА

Мои года размашистые птицы,
Пронизанные бурями в полёте.
Им невозможно больше возвратиться...
Мне невозможно взвиться без заботы.
Я вспоминаю нежные улыбки
И замечаю след любви – как прежде.
Времён лихих исправлены ошибки,
И появляются ростки надежды.
Надеюсь – на победу, на свободу
В конце моей мучительной дороги. –
Душа моя покончит с непогодой
И птицей вольной вознесётся к Богу!..

ПОЭТ

Склоняясь над бумагой по ночам,
Поэт снимает светскую одежду –
Душою обращается к словам,
Ища в них утешенье и надежду.
Но под крестом вдруг рухнет наповал:
Он в храме сердца глубоко растерян. –
Страдая, что сирот не целовал,
Что не донёс он до несчастных веры...

Он жаждет посадить зерно добра
Чтоб из него росток пророс всесильный, –
Любовь Поэта в новый день, с утра,
Чтоб хлынула сиянием умильным!..
Перо вонзая в глубь ночных чернил,
Поэт нам возвращает солнце снова.
...Его душа и на исходе сил
пожертвовать собой для всех готова.

(Авторский перевод под редакцией Г. Студеникиной)

«Побратимени Светове»

Албена Декова

ЖЕМЧУЖНЫЕ ВИДЕНИЯ

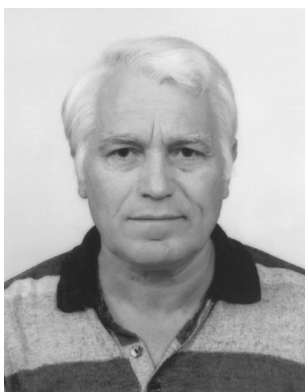
Вдохновлённая тобою,
лик твой выдохом рисую,
одинокства рукою
лью в бокал под вечер струи.
Я б хотела раствориться
навсегда в червонном ложе,
здесь, сейчас тобой напиться,
чтобы после приоткрыться
в песне жаворонка вольной. —
Мне и этого довольно.

Только нет тебя со мною...
Превращусь в буранный ветер,
что окрасит землю медью
и потом, укрощена,
растоплюсь в песке горячем —
заглушить сирены плачи.
В мидии окаменившись,
после твой украшу стол,
лишь бы ты, мной вдохновившись,
в ней жемчужину нашёл.

(Перевод И.Сазоновой)

Декова-Атанасова Албена родилась в Плевене 21 октября 1967. Член Правления «Ассоциации писателей Плевны». Окончила факультет журналистики Софийского университета «Св. Климент Охридский» и факультет психологии Велико-Тырновского университета. Автор двух поэтических сборников: «Солнечная книга» (2008) и «Душа без дома» (2013). В январе 2015 выпустила свою эпистолярную книгу «Цветущая тишина» — совместная работа с албанским писателем греческого происхождения Вангелисом Зафиратисом. Её стихи были включены в русский поэтический сборник «Плевенские мотивы» (2014). Публиковалась в болгарских, албанских, греческих и русских альманахах и журналах. Её произведения переведены на английский, греческий, албанский и русский языки. Она призёр национальных литературных конкурсов Болгарии. В журнале «ДОН_новый» публикуется впервые.

Люлин Занов

ПОМНИ

Сыну Любомиру

Я заклинаю, сын, прошу тебя:
Болгарию, как моду, не меняй.
Ты без неё, что голая стерня! –
Истоки там, где твой родимый край.

Пусть хлещет вновь тебя житейский ветер,
И полонит отчаянья сорняк,
И слёзы тайно подступают каждый вечер. –
Тревожит и пугает ночи мрак...

Цвет расцветёт – назло ночной примете –
В твоей светлейшей памяти тогда.
И вечер по-дунайски станет светел,
И свет родным увидится с утра!..

И всё ж, когда-нибудь спрошу тебя:
«А помнишь ли Болгарию и детство?..» –
Что мне ответишь ты?.. Тебя – любя,
В каких краях найду, в каком соседстве?..

(Перевод Г. Дриц, редактор Г. Студеникина)

Занов Люлин, член Ассоциации болгарских писателей, член Союза болгарских журналистов.

Живёт и работает в г. Плевен, Болгария.

В журнале «ДОН_новый» публикуется впервые.

«Побратимени Светове»

Христина Комаревска

ПРИДУМАВ ТЕБЯ, СГОРАЮ

ЛЮБОВЬ

Лишь со стихиею сравнимой,
её не спрятать ото всех. –
Лавиной мчась неукротимой,
любовь несёт смятение, грех...
Огонь мгновенный лишь от взгляда
зажжёт губительную страсть –
от малой искры, сквозь преграды,
по всей Вселенной разлетясь.
Тончайшей струйкой зарождаясь,
рекой широкою плывёт...
Любовь – и змий, и плод из рая,
в грязи и в небе прорастёт.
...Поэт! Любовь воспеть дерзни,
безбрежность чуда сохрани!
(Перевод И. Сазоновой, редактор Г. Студеникина)

ЛИХОРАДКА

Меня «поглотили» живые твои глаза...
Какой ты? Кто ты?.. Откуда? –

Комаревска Христина, член Союза писателей Болгарии, член Союза болгарских журналистов. Живёт и работает в г. Плевен, Болгария.

В журнале «ДОН_новый» публикуется впервые.

Торговец шелками?
Рыцарь,
Влюблённый в стихию стиха?..
С вышних земель, или из Атлантиды?..

И кто я сама – какая? –
И как ты меня распознал?
Как ты прошёл сквозь защиту?..
Молнией вспыхнул свет
Пред громом – от синего взгляда! –
Началом начал, отсчётом времён:
Где Я – это ты, и Ты – это я.
Придумав тебя, сгораю –
Как будто бы в лихорадке...
Я чувствую пульс твой
И голос я слышу твой хриплый –
Меня сотворяешь искусно...
Начало ль, конец сотворенья –
Это не важно, довольно сомнений! –
За собой вместо тени я вижу,
на мосту, букет орхидей...

(Авторский перевод под редакцией Г.Студеникиной)

Храм Света. Плевен, Болгария.

«Побратимени Светове»

Татяна Любянова

СПЕКТАКЛЬ

Я у окна сижу. –
Смотрю
Как вечереет над Рекой.
На липовой верхушке обнажённой
Единственный, ей самый верный друг,
Листочек золотой остался...

Туман –
Такой эфирный, лёгкий
Вниз опускается со скал...
Он – занавес как будто, за которым
День прячется –
Актёром одиноким,
Закончившим дневной спектакль.

А я сижу
У белого Окна. –
Оно – как око, будто бы, которым
смотрю я мира дивные картины!..

(Перевод Т. Любяновой, Г. Студеникиной)

Любянова Татьяна, поэт, член Ассоциации болгарских писателей.
Живёт и работает в г. Плевен, Болгария.
В журнале «ДОН_новый» публикуется впервые.

Венета Николова

ЧАСТЬ ВСЕЛЕННОЙ

из книги «Нашествие на охлювите»
(«Нашествие улиток»)

«Дрейфовать», как будто бабочка
весной,
в обрамленье золотых, как солнце,
кос,
предрассветной упиваться
тишиной
и не жаловать ни ветра и ни гроз, —
чтоб остаться с одиночеством
вдвоём
в безнадёжном диалоге
тет-а-тет,
чтоб под крышею его шли чередом
дни мои, которых всё же —
лучше нет.

ПУСТЫНЯ

Дни мои – бездушная пустыня,
мелкие зыбучие пески.
Вроде бы, вся жизнь – шаги простые,
но легко увязнуть от тоски.
Друг на друга дни мои похожи.
Утро, ночь – не ведают границ.
Завтра и вчера – одно и то же,
чередa бесчисленных зарниц.
Прячется в пустыне неизбежность
грустных дней и ледяных ночей.
Караваны вдаль уносят
нежность,
а песок без них – ничей...
Ничей.

Николова Венета. Родилась в с. Превала, обл. Монтана. Образование медицинское. Работала в областной стоматологической поликлинике медсестрой. Член плевенской писательской организации. Пишет о земле, людях труда, природе, птицах. Издала множество книг афоризмов и анекдотов. В журнале «ДОН новый» публикуется впервые.

* * *

Любить друг друга — очень поздно.
И ненавидеть... слишком
 поздно.
Есть просто средь путей
 других
одна дорога на двоих.
Есть просто рядом часть
 Вселенной,
огня бывшего злая тень,
что станет памятью
 нетленной
в какой-то неизбежный день...

Где-то потеряла я свой смех.
 Был он, да растаял, будто снег, —
 будто сон, какого нет
 чудесней,
 что звучит во мне
 последней песней.
 Вспышкой молниеносной он
 уносил, к вершинам
 устремлѐн,
 а теперь мои стремленья — это
 только внуки.
 Только внуки
 и немного лета...

Ветром гонимая, катится
жёлтой волной листва,
оставив в душе сумятицу
и голые деревья.
Оставив закаты ранние
в гомоне верениц,
гнёзда-воспоминания
для бесприютных птиц.
Ветры иллюзий растаяли. —
Пусто в моём саду...
Я, вслед за птичьими стаями,
нового лета жду.

108

Валерий Петров

Устав мечтать,
страдаю в тишине...

Так зябко, одиноко, —
не уснуть.
Хочу тебя обнять.
Желанно мне
в глазах твоих грустящих
утонуть,

погладить это золото
волос,
доцеловать отраву
этих губ...

К несчастью, я, родная,
однолюб, —
люблю тебя
безудержно, всерьёз!..

От долгого пути
давно устал,
но ласки ждать твоей
не перестал.

(Перевод К. Павленко)

Витка Витанова

СЕРДИТА НЕ БЫВАЕТ

стихотворения для детей из книги «Изворче на доброто»
(«Источник доброты»)

То растёт она, сильнееет,
то сжимается, слабеет...
То кругла, как будто сито,
то, как серп, она извита.
По ночам её фонарь
с небосвода льёт янтарь. –
Согревает нас она,
полуночица ... (луна)!

Кто в небе белеет –
пушист, как собака,
а чуть почернеет, –
и дождик заплакал?..
Эй, что вы так – робко,
да, это же ... (облако)!

Водяной храбрец –
богатырь-молодец:
пенист, говорлив,
ловок, смел, игрив!..
С высоты он падать рад,
потому что это ... (водопад)!

Знает сказок на сто лет,
добрый даст всегда совет.
Пироги печёт, стирает
и сердита – не бывает.
Знаешь ты, и знаю я
это ... (бабушка!) твоя.

(перевод К. Павленко)

Витанова Витка. Родилась в г. Плевен. Окончила Софийский университет по специальности «Русский язык и литература». Работала преподавателем в различных учебных заведениях Плевена.

Член плевенской писательской организации.

Автор многих методических статей в сборниках и книгах. Автор стихов для детей, юмористических рассказов.

В журнале «ДОН_новый» публикуется впервые.

Василий Воронов

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Роман

(Продолжение. Начало в № 1-2-2015 г.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Они шли со стороны Загрязска тремя стальными колоннами в густых шлейфах дорожной июльской пыли. Разномастная техника выглядела устрашающе нелепо на фоне крошечного хутора и горстки маленьких людей на бугру. Фигурки строчили из автоматов, бросали гранаты, поднимались во весь рост и яростно кричали:

— Ура-а-а!

Местные мальчишки героически встречали стройбаты нового хозяина хутора Гривенного.

Колонны самосвалов, экскаваторов, бульдозеров, будок, тележек, автобусов и пр. и пр. сошлись в пойме речки Серебрянки. Здесь по-военному разложили лагерь, огородили высоким забором. На входе поставили сторожевую будку со шлагбаумом. В пойме стало шумно, как в студенческом стройотряде. Хутор замер в ожидании.

Бывший голова, пенсионер Валентин Тарасович Брудастый рано утром постучал в крашенные ворота бывшего председателя колхоза, пенсионера Егора Михеевича Кайло. Хозяин спросонья долго открывал калитку. По сосредоточенному лицу и загадочной ухмылке гостя, Кайло догадался: голова пришёл с новостями.

Хуторяне удалились в летний флигель, хозяин заварил кофе. Молодые пенсионеры молча выпили по несколько чашек, поговорили о погоде, о ломоте в суставах, об украинских событиях.

Воронов Василий Афанасьевич, член Союза писателей СССР, России, известный донской прозаик, публицист. Автор ряда книг прозы и публицистики. Почётный председатель Ростовского регионального отделения СП России.

Живёт и работает в станице Старочеркасской Аксайского района Ростовской области.

— Ты сейчас упадёшь, Жора! — Брудастый вытер платком вспотевший лоб и сделал испуганные глаза. — Упадёшь и не встанешь! У нас в хуторе скоро будет казино и гольф-клуб! Моего кума внук Эдик работает в Москве у одного миллионера, который знает нашего нового хозяина Сергея Ивановича, сына Насти и Ивана Максимовича... Так вот он по секрету...

Кайло поморщился и даже плюнул себе под ноги.

— Я в курсе. И про казино, и про клуб. И про Сергея Ивановича.

— Э-э! Ничего не знаешь! Сергей Иванович прислал управляющего, знаешь кого? Попа-расстригу, нашего хуторского, Митюка. У него все вожжи!

Кайло икнул от неожиданности.

— Я не в курсе...

— Он теперь главный! Я ночь не спал, и вот что думаю. Жора, друг сердечный! Бери быка за рога! Кто такой Митюк? Сын наших колхозников Редкозубовых, плотника Степана и доярки Марии, твоих бывших подчинённых. Он бегал без штанов, получал подзатыльники и не думал, что станет батюшкой. Попы обычно не меняют профессию. Разве думал он, что зарежет живого человека и его предадут анафеме и отлучат от церкви, как писателя Толстого? Присниться не могло, что после этого Митюк станет управляющим, будет строить гольф-клуб и казино у себя на родине. Опыта никакого, чужие люди будут душить его на каждом шагу. Зачем же отдавать хорошего человека в чужие руки? Ночью мне приснился сон. Большие грибы, желтые и скользкие, как цуцки. Много грибов, целая поляна. Я рву, рву, а складывать некуда. Тут ты подходишь с плетёной корзиной, дело пошло. Рвём, рвём, а грибы не кончаются... Это к деньгам! К большим деньгам! Завтра же иди к управляющему!

Кайло вяло отнекивался, ссылаясь на возраст, здоровье, но слова Брудастого льстили и ласкали слух бывшему руководителю. В конце концов он осторожно поддакнул:

— Молодого нельзя оставлять без присмотра.

2

Сбылось горячее желание плотника Степана, чтобы его сын Митюк выучился на прораба. Дмитрий Степанович Редкозубов стал не прорабом, а сразу начальником большой стройки.

Степан сам пошёл поглядеть на масштаб и размах проекта в пойме на берегу обмелевшей речки Серебрянки. Дмитрий Степанович на минуту вышел из вагончика, окликнул парня в спецовке из курилки, приказал:

— Покажи бате объекты, он плотник, интересуется...

Парня звали Аркадием, он повел старика на экскурсию и охотно объяснял:

— Представь, дед, скоро ты будешь жить здесь в разврате и соблазнах. Тут будут сходить с ума, травиться, стреляться, купаться в шампанском и торговать барышнями. Здесь, где твои предки выращивали редьку и горох, мы построим вертеп для похотливых старичков.

— Каких стариков? — Робко спрашивал сбитый с толку плотник Степан.

— Ты играешь в карты, в рулетку?

— Ты это... Брось. — Степан обиженно сопел. — Бабе своей про карты расскажешь...

Аркадий шутливо отмахивался ладошкой.

— Дико извиняюсь, это не про тебя, дед. Я говорю про старичков, у которых

денег куры не клюют. Вот для них, лысых, облезлых, кривоногих мы построим здесь, на диком берегу, гольф-клуб, казино, бани, озеро с лебедями, гостиницу, ресторан... Представь, девчата в розовых пеньюарах выполняют танец живота, а старички сидят в ваннах с шампанским и кушают молодильные яблоки.

— Тьфу! Насмехаешься вроде...

Аркадий перекрестился.

— Чистую правду говорю! Так хочет хозяин, твой земляк. А по огородам, прямо перед вашими хатами пройдёт кремлёвская стена со Спасской башней. Фрагмент, метров пятьсот... Как бренд. Таков замысел и проект французского архитектора, которому хозяин отвалил гонорар, равный годовому бюджету вашего Загряжска.

Плотник Степан понимал, что Аркадий весёлый парень и любит пошутить, но дело, которое разворачивалось на глазах, было вовсе нешуточное. Разве его сын Митя может ради шутки строить казино в камышах и хлябях первобытного хутора, в котором доживают несколько десятков пенсионеров и чудаков? Непонятная тревога зашевелилась, тронула холодком в груди, Степан сердито высморкался.

— Тьфу! Я слышал, что всю пакость только в Сочи разрешают.

— Верно. Персонально разрешили и в хуторе Гривенном. Вашему хозяину, который похож на генералиссимуса, не отказывают ни в чём.

На прощание Аркадий неожиданно приобнял старика и доверительно шёпотом сказал на ухо:

— Твоему сынку пока не поздно нужно драпать отсюда...

Проект французского архитектора предусматривал насыпной грунт по всему периметру строительной площади. Как защита от весенних паводков и сильных осадков. Плато полагали поднять до двух метров от материнской почвы. Таким образом, законченное сооружение напоминало бы, по образному выражению архитектора, огромный торт «Наполеон» посреди цветущей флоры.

Гольф-клуб с десятком игровых полей занимал половинный сегмент в гигантском виртуальном торте.

Земляные работы начались в мае. Сотня оранжевых КАМАЗов живой извилистой цепью тянулась от карьера через хутор в пойму. День и ночь над хутором висела густая пыль, рёв моторов сверлил столетнюю тишину, воздух напитывался гарью солянки и масла.

В заросшем русле Серебрянки работали роторные экскаваторы. Они выгребали и выбрасывали мощными струями крошево донного грунта, кустарников, деревьев и камыша. По всему берегу протянулся вздыбленный земляной вал, оплывший к низу вязкой гончарной глиной вперемешку с ракушками и песком.

Бригада каменщиков выкладывала основание Спасской башни в центре хутора, в задах усадьбы Насти и Ивана Максимовича.

Начальник стройки Дмитрий Степанович жил в бытовом вагончике, наотрез отказавшись от просьбы стариков перейти в родительский дом.

Варвара Менестрель с Кузьмой Валерьяновичем написали несколько хитов о «цветущем уголке России», в котором скоро в унисон с Москвой зазвучат кремлёвские куранты. Варвара добилась аудиенции в бытовом вагончике и вручила Дмитрию Степановичу хиты для передачи в Москву самому Сергею Ивановичу Тримайло.

Утром он нашёл её мёртвой. Голубка лежала на траве с затынутыми лиловой плёнкой глазами. Он взял её в руки, сел на порожки и стал сипло напевать забытый мотив, который в молодости пела Офелия.

*Голуби вы мои милые, улетайте в солнечную высь.
Голуби вы сизокрылые, в небо голубое унеслись...*

Сеня закопал голубку во дворе, облегченно и даже весело сказал самому себе:

— Вот и все. Пора к Офелии.

Каждый день теперь Сеня находил во дворе мёртвых турманов. Каждый день молча рыл ямки и молча хоронил свою стаю.

Приходил Кузьма Валерьянович. Приходила Настя с Иваном Максимовичем. Сочувствовали, вздыхали. Пытались отвлечь от грустных мыслей. Иван Максимович привёл ветеринара Лошака. Тот залез на голубятню, осмотрел несколько особей. Поковырял палочкой помёт в домике. Взял пёрышко, повертел перед носом, подул на него и развёл руками.

— Вертячка! Результат стресса, как и у человека... Всё гудит и трясётся от этих... — Лошак погрозил кулаком в сторону поймы. — И Кайло, собака, стреляет ваших турманов на шулюм. Он теперь новым хозяевам прислуживает, работает у них. Вместе с Брудастым, два вора, два шакала. Колхоз и хутор пропили, теперь на московские миллионы зарятся!

Возмущению и протесту Лошака в немалой степени способствовало одно обстоятельство. Недавно он навестил своего бывшего начальника Кайло в стройгородке, на его новом рабочем месте. Кайло теперь состоял в замах по хозяйству у самого Дмитрия Степановича Редкозубова! Вагончик зама стоял рядом с вагончиком шефа. Бывший ветеринар робко переступил порог и осмелился попросить для себя должности на стройке. Кайло не мог забыть про публичный диагноз с аскаридозом. У него даже задёргалось веко при виде ветеринара. Он затопал ногами, выгнал бывшего коллегу из кабинета и приказал охране больше не пускать его на территорию. Лошак, конечно, затаил справедливую обиду, и не упускал случая прилюдно укусить обидчика.

Сеня закопал последнего турмана, позвал Кузьму Валерьяновича с Варварой и торжественно попросил выслушать его. Кузьма пытался что-то возразить, но Сеня решительно остановил.

— Подошёл час. Пора к Офелии. Прошу выслушать поэму о турманах.

Варвара изобразила возмущение.

— Не шутите так, дорогой Семён Семёнович! Мы ещё о-го-го!

У старика покраснели глаза, задрожал подбородок, Варвара прикусила язык.

— Офелия давно написала возвышенное сочинение о голубях, поэму, и оставила мне, как завещание. Теперь я вручаю её вам.

Сеня достал из кармана свёрнутую в трубочку ученическую тетрадь, сел на табуретку, деликатно покашлял в кулачок и отчётливо с нажимом стал читать:

«Голубиное слово (поэма Офелии)»

Они всегда с человеком. Бессловесно живут с нами, чтобы люди не сошли с ума. Как живой пример вечной красоты и разумности жизни.

Гляди, человеке, как любят друг друга голубь и голубка. Как они воркуют, целуются, как счастливы быть вдвоем!

Как легки и трепетны их крылья, как скользят они в вышине, купаются в воздухе, белой россыпью чертят слепящую эмаль поднебесья.

Ветер свистит, обтекая тугие поющие перья. Холодом горит грудь, крохотное сердце захватывается от восторга. Это голубиная песня, симфония. Она бесконечна, как солнце, прекрасна и свежа, как улыбка дитяти.

Гляди, человеке, как чисты и красивы вольные птицы. Они сидят у тебя на руке, на плече, пьют воду из твоих губ. Говорят, воркуют тебе в ухо о счастье и вечной гармонии. Возьми в руки голубку, послушай, как бьётся маленькое сердце. Посмотри, как пуглива, робка и доверчива её быстрая умная головка.

У голубя у сизого золотая голова...

Посмотри, человек, как нежны, заботливы родители. Как они любят своих желторотых и большеротых детей. В родительском гнезде царят ангельская кротость, терпение и жертвенность.

Птенцы повторяют своих родителей. Они проходят высшую голубиную школу достоинства, любви, постоянства и справедливости. Посмотри на царственную осанку, грациозность быстрой походки, на изящество и блеск оперения.

Посмотри, человек! Голубиная красота бережёт и спасает тебя. Когда утром ты встречаешь солнце с голубкой на плече — мир прекрасен!

Ты любишь жену, свое дитя, стариков родителей. Любишь речку и луг, солнце и майский гром, цветы и колосья. И Бог тебя видит под солнцем.

Голуби не оставляют людей в годину смуты. Они вместе с людьми на развалинах и пепелищах. Страдают от голода и холода и умирают от ран, как люди.

Голубиные стаи собираются ближе к церквам и погостам. Они творят бессловесную молитву о твоём спасении, человек! Голубиное слово звучит в пропахшем пороховой гарью воздухе.

Они первые несут весть о мире. Их выпускают из рук ангелы в белых одеждах.

Пусть всегда будет солнце!

Я счастлива, что живу в этом мире рядом с турманами. Слушаю голубиное слово. Когда-нибудь человек поймёт, зачем Господь послал ему голубя.

Говорю всем: когда трудно и душу одолевают сомнения, когда горло саднит обида и некуда пойти — возьмите в руки голубку, поддержите на груди, прислонитесь щекой к её тёплому трепетному тельцу. Замерьте и слушайте....

Иссушённая июльским зноем земля долго ждёт влажного дыхания, первых капель. Вот он, желанный миг! Из чёрной тучи обломилась белая стена ливня. Молнии и гром сотрясают камни и воду, очищают горячий воздух. Остро пахнет морозом и яблоками. Мутные потоки бурунами уходят в растрескавшуюся пашню. Земля пьёт, как человек....

Слышите, голубка на груди очищает вашу душу, как июльский дождь, как гроза. Поддержите, погладьте её по головке и подбросьте с ладоней вверх, в небо. Глядите, любуйтесь полётом голубки. Смело приподнимайтесь на носки, и — раз! Хутор уменьшается под вами, речка выгнулась серебряной подковой.

*Летят под вами бугры, лес, степные дороги... Ветер свистит в ушах, сердце
тает холодком, душа уходит в пятки...*

Попробуйте!

Хотя бы раз в жизни.

Люди, я люблю вас!»

4

Семён Семёнович Гривенный умер на третий день Пасхи. По народным поверьям, знак особой милости, награда за праведную жизнь. Апостол Пётр встретит его с улыбкой, поведет под руку в райские кущи, где обретаются чистые и почти безгрешные души. Офелия в белых одеждах выйдет навстречу, и они соединятся, чтобы жить вечно.

Господи помилуй! Отчего люди умирают безобразно, коряво и торопясь? Не каются при последнем издыхании, не просят прощения у ближних за корысти и обиды, за измены и камни за пазухой.

Смерть кладёт страшную печать на лик грешников, лежащих во гробе. И смерть же просветляет лицо человека, исповедовавшегося и принявшего причастие. Апостол Пётр раскрывает объятия новопреставленным праведникам и сурово отворачивается от грешников, вечные муки ждут несчастных, и нет им спасения.

Дай Бог всем гражданам хутора Гривенного заслужить царства небесного!

5

В хутор вернулась Анна.

По слухам, после разрыва с мужем. Приехала на такси с большим чемоданом и двумя девочками. Третий, старший брат, вместе с бабушкой встречал сестричек и маму. Четырёхлетний Вовка сделал взрослое лицо, подбоченился и важно сказал маленьким девочкам:

— Я знаю, как вас обоих звать! Одну — Танька, другую Вика! А я Вовка, ваш старший сын!

Нина Кузьминична заплакала, запричитала. Сморщенное лицо и седые виски сильно состарили её. У Анны сжалось сердце.

Дом с некрашеными ставнями осел, стены облупились и потрескались, Двор зарос травой, калитка висела на верёвочке. Анна кожей почувствовала, что её ждёт в хуторе. В глазах стояли сухие слёзы. То были слёзы женщины, которую обстоятельства взяли за горло.

Не торопитесь выразить ей сочувствие и, Боже упаси, проявить жалость. Она не примет помощи. Посмеётся над собой и над вами, не пустит близко к себе, не покажет слабости или обиды.

На все вопросы матери, как дальше жить, Анна спокойно отвечала: «Я сама. Я всё решу сама».

Пришёл Иван Максимович. Повздыхал, потоптался от неловкости, предложил немного денег и пособить, если надо...

— Не надо, папа. Я всё решу сама.

Анна была вежлива, замкнута. Недоступна. Часто сидела одна. «Земляные работы в душе», — определил подобное состояние один московский поэт, близко знавший Анну.

Молчаливое одиночество Анны затянулось. Нина Кузьминична старалась не стучать, не скрипеть возле комнаты, где почти безвылазно сидела дочь. Дети

радовались хуторской воле, им очень нравилась нестрашная старая бабушка, домашние коты и соседские индюки. Девочки подчинялись «старшему сыну». Вовка гордился, что он командир и хозяин.

6

— Как хорошо!

С треском раскрылись, заклеенные бумажными лентами рамы. Анна в цветастом ситцевом платье выглянула в распахнутое окно и засмеялась громко, заливисто, как в детстве.

— Доброе утро, мама! Доброе утро, дети!

Нина Кузьминична во дворе мыла стеклянные банки, дети носили воду в ведёрках, брызгались, дразнились. Нина Кузьминична вытерла руки тряпкой, подошла к окну, спросила с опаской:

— Что стряслось?

На румяных щеках Анны от смеха прыгали ямочки. Молодая женщина была вызывающе хороша в распахнутом окне с резными наличниками.

— Жди гостей, мама!

Нина Кузьминична укоризненно покачала головой, погрозила пальцем и возвратилась к своим банкам. Она хорошо знала дочь. Перемена её настроения всегда сулила сюрпризы. И первым утренним сюрпризом стал визит Дмитрия Степановича Редкозубова, начальника стройки и друга детства Анки.

Бывший батюшка осторожно вошёл в калитку, нерешительно постоял, оглядывая двор, остерегаясь спрятавшейся собаки.

— Проходи, Митя! — громко отозвалась Нина Кузьминична, выглядывая из летней кухни, — Сейчас Аню позову.

Девочки и старший Вовка окружили начальника и спрашивали его, как знакомого, по-свойски.

— Что ты нам принёс?

— Как тебя зовут?

— Зачем пришёл?

Дмитрий Степанович искал в карманах, смущённо улыбнулся и развёл руками:

— Я ваш должник. За мной мороженое и каждому по коробке конфет.

Вовка шагнул вперед и спросил строго, конкретно:

— Не врешь?

У Мити заныло под ложечкой: как он похож на Анку!

Анна вышла во двор босиком, с распущенными по плечам волосами. В коротком ситцевом платице. В глазах Мити она почти не изменилась. Девочка, подросток.

— Здравствуй, Митя!

Митя на мгновение ощутил чувство большой потери. Только мгновение, и никто больше не увидит его слабости. Теперь он смотрит на Анку, как на мать троих детей, соседку, подругу детства...

— Здравствуй, Анна. Я по поручению Сергея Ивановича.

Анна долго изучающе смотрела на друга. Загадочная блуждающая улыбка скользила, терялась в губах. В глазах плясали весёлые злые огоньки.

— Переменился ты...

Тряхнув волосами, выпрямила спину, холодно официально сказала, не глядя на гостя.

— Я в курсе дела. Показывай хозяйство!

Через час она сидела в вагончике начальника стройки, как хозяйка и не просила, а приказывала компаньону:

— Твоё дело стройка, моё — управление хозяйством.

Хозяин Сергей Иванович, зная о затруднительном положении сводной сестры после развода с мужем, предложил ей поработать в хуторе Гривенном в качестве хозяйки его предприятия. Не очень лестно отозвался о нынешнем управляющем Дмитрие Редкозубове:

— Бывший поп — плохой менеджер. По-моему, он попал в руки местных колхозных мошенников. Воруют без оглядки. Ты не вмешивайся, я сам разберусь.

Работы на гольф-клубе были в самом разгаре. Уже вырисовывался объект. Десятка полтора округлой формы зеленых холмов с геометрической точностью вписались в каналы, озера, лужайки, липовые и кленовые аллеи. Заложили берёзовые и хвойные рощи, стадион для скачек, конюшни, коттеджи для гостей. Гостиница и ресторан должны воплотиться в невиданном доселе проекте из стекла и металла. В виде гигантского гриба-боровика натурального цвета.

Гольф-клуб рассчитывали построить за пять лет. А бани на озере и казино уже готовились к открытию в ближайшие дни. Анна попала в самые горячие дни. Заканчивали укладку мрамора на набережной вокруг озера Серебряного. В оздоровительный центр с массажными кабинетами завозили мебель. Меблировали также гостевые домики, ротонды и беседки. Анна, прожившая в Европе, удивлялась богатству и комфорту на берегу ещё недавно пересыхающей и заросшей камышом и тальником речки Серебрянки, речки её детства.

Гостиничный комплекс с казино и рестораном начал потихоньку работать без официального открытия. Хозяин решил не устраивать торжеств до полного завершения проекта. В казино навевались деловые люди среднего достатка. Как правило, компании молодых людей с девушками из соседних городов Загряжска, Забалуева, Требушкова, Вислоухова. Они мало интересовались рулеткой, но знали толк в выпивке и активном общении. Ночи напролёт горланили песни, дрались, не раздеваясь, прыгали в озеро. По утрам мучились похмельем, с отвращением пили шампанское прямо из горла. Девушек тошнило, рвало, они курили пахучие сигареты и бегали окунаться голышом в ледяном озере. Такие компании мало сочетались с игорным бизнесом, и казино могло превратиться в заурадную забегаловку. Анна схватила за голову, когда узнала, кто работает кассирами, официантами, крупье, администраторами. Там были все бывшие: чиновники, милиционеры, депутаты, журналисты, поэты и даже один академик Петровской академии...

7

Каждое новое знакомство удивляло Анну. В кабинете экстрасенса её встретил ласково снисходительной улыбкой ядрёный бородач с гнедой косичкой на затылке. Не успела Анна рта раскрыть, как бородач взял быка за рога.

— Вашу проблему, барышня, решим за два сеанса.

— Какую проблему? — спросила Анна.

— Не валяйте дурочку! — грубо оборвал экстрасенс. К вам охладел любовник. Дело обычное, не гоняйтесь за молодыми и красивыми. На днях была одна из Загряжска. Грудь первый размер, а нога сорок третий. Из рта грибами пахнет. А любовнику двадцать лет, щёки, как пион. Бедная просит вспомоществования.

Не уразумеет, что тут наука бессильна. Даже мой сорокалетний опыт не может вызвать эрекцию опавшего любовника. Я, конечно, попробовал, но не ручаюсь за психику...

— Извините, но я не ваш клиент.

— Дурак ты, дядя! — засмеялся сопровождающий Анну охранник. — Она начальница нашего заведения.

Бородач не смутился, одобрительно кивнул:

— Полагаю, сработаемся.

В массажном кабинете Анну встретила хозяйка салона Василиса. Женщина была так велика, что с трудом протискивалась в дверной проём. В кабинете стояло специальное кресло, перекроенное умельцем-сварщиком для негабаритного сидалища. Василиса знала себе цену и без лишних слов отрекомендовалась.

— Специалист по суставам и позвоночнику, опорно-двигательной системе, а также по реабилитации мышечных тканей. Имею сертификат двух международных академий. Также диплом по оздоровлению и восстановлению волос, выправлению плоскостопия и косолапости, удалению родимых пятен и бородавок, а также излечению косноязычия и заикания искусственным испугом...

Видя, что начальница как-то недоверчиво смотрит на неё, Василиса подошла к массажному столу и шлёпнула пятерней по простыне.

— Вот с этого места поднимались и топали на своих двоих домой полностью обезноженные люди! Вы их найдёте в хуторе Гривенном, городах Загряжке, Забалуеве, Урюпинске, Элисте, Нахаловке, и других местах.

Василиса предложила Анне в честь знакомства тут же сделать тонизирующий массаж. Анна поблагодарила.

— Сработаемся. — Твёрдо сказала вслед ей Василиса.

Знакомство с коллективом проходило несколько дней. За это время Анна открыла ещё несколько народных умельцев. Старший администратор игорного зала Влад Куцый удивил виртуозностью манипуляций игральными картами. Колода рассыпалась в его руках длинной лентой и мгновенно раскладывалась по игрокам. Куцый из другой комнаты безошибочно называл любую карту вынутую вами из колоды. Он нагадал одному клиенту крупный выигрыш в рулетку, — тот выиграл миллион.

Куцый был мал ростом, худ, рыжая чёлка закрывала один глаз. Зрение и чутье у него были звериные. За пятьдесят шагов он различал запахи ромашки, тысячелистника или шалфея. Ходили слухи, что он мог на расстоянии замедлить ход или вовсе остановить рулетку в нужный момент. Как появился Куцый в хуторе Гривенном, откуда он родом, есть ли родня — никто не знал. Участковый Бузняк уверял, что Куцый известный московский аферист и шулер, от него жди какую-нибудь пакость, после чего бесследно исчезнет.

Главный сюрприз был впереди. Он ждал Анну в кабинете психолога. Хозяйка кабинета Виолетта Юрьевна, лет шестидесяти в яркой мануфактуре свободного покроя, с множеством бус, браслетов, перстней была экзотична и экзальтирована. Она по-мужски обняла Анну, обдав её стойким запахом табака.

— Золотце моё! — проворковала женщина приятным баском. — Помню тебя вот с таких лет. — Она показала ладошкой ниже колена. — Сопливая девочка стала королевой!

Анна не могла припомнить эту тётю ни в детстве, ни позднее среди хуторян. Видя некоторое удивление в глазах Анны, Виолетта Юрьевна по-свойски потрепала её за ухо:

— Твой папа был моим другом, я работала в мэрии и жила на съёмной квартире в Загряжске. Родитель часто бывал у меня вместе тобой, маленькой сопливой девочкой. Я давала тебе шоколадку, а потом вытирала полотенцем всю мордашку. Чудная девочка была...

Анна хотела что-то возразить, но Виолетта Юрьевна продолжала живописать... Да, читатель, живописать, ибо трудно подобрать определение выразительности её речи. Дело в том, что каждое своё слово она сопровождала мимикой, и можно было без звука понимать, о чем она говорит. В разговоре участвовали не только губы, но и нос, щёки, брови и даже уши.

— Я знаю всю вашу подноготную! — Продолжала Виолетта Юрьевна, переходя на «Вы». — Всю вашу жизнь на хуторе, вашу дружбу с Митей, родство со сводным братом Сергеем Ивановичем, ваши замужества и разочарования. Но! — Виолетта Юрьевна выразительно подняла палец вверх.

— С сегодняшнего дня у вас начинается новая жизнь! Совершенно новая. И многие будут завидовать ей. Многие будут кусать локти за то, что в своё время пренебрегли вашей дружбой. О, какие перспективы сулит нам совместная работа! Я счастлива быть вашим другом!

Анна едва успела поблагодарить за добрые намерения, как экзальтированная женщина перешла на другую тему. Она расширила глаза и заговорила почти шёпотом.

— Хочу заранее предупредить об опасности, которая подстерегает нас обоих. Восемьдесят процентов наших клиентов — люди с расстроенной психикой. Причём, большинство неизлечимые психи, но с большими деньгами. Представь теперь, что эти люди будут играть в рулетку, посещать бордель, ревновать, мстить друг другу... Грядут неслыханные трагедии с убийствами, отравлениями, похищениями, разрушением семей, мошенничеством и воровством. Я предвижу, нет, я вижу это как в увеличительное стекло, в телескоп...

— Скажите, а сейчас, в ходе строительства, есть ли случаи мошенничества или воровства?

Виолетта Юрьевна сморщила нос, собираясь чихнуть, задумалась и горячо, громко объявила:

— Никогда! Ни за что! Дмитрий Степанович Редкозубов? Валентин Тарасович Брудастый? Егор Михеевич Кайло? Это люди без упрека! Скажем, тот же Кайло. Даю деньги, прошу купить мороженое. Он принесёт, да ещё цветочек подарит. И сдачу, хоть десять копеек, непременно возвратит. С такими людьми, золотце моё, будем спать спокойно.

Анна не переставала дивиться разнообразию человеческой природы. Она продолжала знакомиться с хозяйством и его специалистами. Главный врач оздоровительного комплекса, бывший колхозный ветеринар Лошак сам пришёл на приём в вагончик. Он предстал пред светлые очи начальницы в белом накрахмаленном халате, в галстук, с запахом дорогого одеколона и такой пышной рыжей шевелюрой, что Анна невольно потрогала свою причёску и наивно спросила:

— Они у вас свои?

Лошак поздоровался и с гордостью подтвердил.

— Свои. Бабушка моя Гортензия Витальевна всю нашу породу волосьями наградила. Они росли у неё прямо от бровей, и волнами шли к затылку и вниз ниже колен. Люди издалека приезжали поглядеть на бабушку. Фотографировались рядом с ней, интересовались, какой она нации. Что характерно, бабушка всегда отвечала по-разному. Я запомнил три варианта:

— Папаша был из Грузии, а мама хохлушка.

— Родитель из румын происходил, а мама хохлушка.

— Папа турецкой нации, а мама хохлушка.

При этом бабушка смущалась, как девушка и сильно краснела.

Я очень любил свою бабушку. Она мне с детства привила любовь к медицине и здравоохранению...

— Вы по образованию ветеринарный врач? — спросила Анна.

— Диплом с отличием плюс курсы повышения квалификации.

— Но вы работаете с людьми?

— А-а! — Лошак деланно засмеялся. — Наговорили значит, доброжелатели...

Да, я двадцать лет работал в колхозе ветеринаром. В хуторе не было врача, только малограмотная медсестра. Мне пришлось лечить и скотину, и людей. Работал, как практикующий хирург, как терапевт, проктолог, ухо-горло-нос, гинеколог. Месяц работал главврачом Загряжской горбольницы, пока доброжелатели не написали жалобу в Москву, и мне запретили лечить людей. Я закончил курсы и сейчас состою в академии народной медицины действительным членом. С документами всё в порядке, будьте спокойны. Сейчас готовлюсь пересадить желудочно-кишечный тракт молодой свинки нашему шоферу-язвеннику. Кстати, этот орган одинаков у свиньи и человека. На базе оздоровительного центра откроем салон красоты, будем делать различные операции по увеличению груди, уменьшению носа, выправлению ушей и пересадки свиных хрящиков в интимные органы. Уже ведётся запись клиентов...

— Это мы обсудим отдельно. — Анна решительно остановила ветеринара.

— У меня от вас голова болит...

Лошак извинился и перешёл на шёпот.

— Я пришёл по другому делу. Я разоблачу шайку мошенников, прошу слова и прошу внимания. Шайка открыто ворует у вашего брата Сергея Ивановича миллионы, и ваш батюшка завербован и причастен к краже...

— Что вы несёте! — Анна возмутилась и хотела выставить главврача из кабинета.

— Это я несу?! — завопил Лошак. — Это они несут у вас с Митькой из-под носа! И ваш батюшка с ними! Прошу выслушать, пока дело не получило огласку! Доверьтесь честному человеку.

Лошак отдышался, откашлялся и вот что рассказал удивлённой и несколько растерянной начальнице.

— Трое разбойников, а именно бывший голова Брудастый, бывший председатель Кайло и бывший главный бухгалтер Уколович вошли в доверие к управляющему Дмитрию Степановичу Редкозубову, и он взял их на работу. Мошенники обгляделись и создали контору по типу «Рога и копыта» в известной сатире. Половину денег от стройки идёт на эту контору за виртуальные работы. Уколович уже не успевает делать бумаги на огромные объёмы работ. Взял себе в помощники твоего батюшку Ивана Максимовича. Гонят липу теперь вдвоём, а твой Митюк не глядя подписывает. Хозяин далеко, он не скоро спохватится. Что делать будем, Анна Ивановна?

Кровь бросилась Анне в лицо, кровь её отчаянной прабабушки Оксаны:

— Вон отсюда!

Она с силой швырнула в подчинённого мраморный стакан с карандашами. Обхватила голову руками и расплакалась.

Управляющий Дмитрий Иванович Редкозубов был никаким менеджером. Он плохо знал местные нравы, не верил на слово, не прощал ошибки, подозревал всех и ни с кем не советовался. В одиночку он не мог контролировать большую стройку. Это было на руку его помощникам, новоиспечённым заместителям стройки Валентину Тарасовичу Брудастому и Егору Михеевичу Кайло. Матёрые местные управленцы быстро подмяли неопытного начальника, нахваливая его при этом прилюдно.

— Дмитрий Иванович — голова!

— Министер!

Стройка шла полным ходом, к основному подрядчику прибавилась новая фирма, которая сразу взяла на себя половину всех основных работ. По этой половине шло движение документов, отчётность, платежи, заработная плата. Штат новой фирмы состоял из двух человек, директора Егора Михеевича Кайло и бухгалтера Уколовича. Они ювелирно отчитывались перед хозяином за половину финансов стройки. Виртуальная фирма получала огромные деньги, управляющий Редкозубов узнал о подвохе слишком поздно, его подпись уже стояла в расходной ведомости Уколовича. Митюк было возроптал, затопал ногами, разорвал рубаху на груди, но Брудастый спокойно охладил его:

— Иди с повинной, ты начальник, а мы люди маленькие...

Бывший батюшка больше не роптал, когда расписывался в ведомости.

8

Управляющий Дмитрий Степанович Редкозубов сошёл с нарезки, как говорили в хуторе. С утра посылал шофёра за вином и безвылазно сидел в своём вагончике. Опухший, заросший густой щетиной, глядел на себя в зеркало и по-собачьи мотал головой:

— Пью один, как скотина...

К Митюку перешла жить Варвара Менестрель. Она ушла от Кузьмы Валерьяновича на совсем, сказав на прощание безжалостные слова:

— Ты создан для одиночества, мне скучно с тобой, гармонист!

Кузьма Валерьянович по ночам выл на луну, с надрывом играл на аккордеоне «Реквием» Моцарта и плакал крупными солёными слезами. Он поклялся застрелить Редкозубова из ружья, правда, ружья у него не было, и он не знал, где его взять.

Редкозубову Варвара свалилась, как видение, как сон. Он тёр кулаками глаза, зажмуривался. Видение расплывалось, исчезало и медленно укрупнялось, принимая очертания человека. Перед мутными глазами Митюка сидела на кровати юная Шахерезада в халате с золотыми павлинами, ела мороженое с ликером, курила и с обожанием слушала пьяные речи своего повелителя. Он плёл околесицу, от которой у неё кружилась голова.

— Господи, за что мне, грешному, такая милость! Ты привёл в мой убогий вагончик ту, о которой я даже не мечтал. Не сон ли это? Не сказка ли, не винные ли пары явили ангела? Скажи, царица, кто ты и откуда?

Царица рассмеялась, и серебряным колокольцем звучал её голос.

— Я Варвара Менестрель, пришла одарить тебя любовью... Угости царицу вином.

Митюк целовал её руки, закатывал глаза, млел от счастья и блеял златокудрым барашком.

Наутро, кряхтя от головной боли, от тошноты, молча разглядывал спящую

рядом с собой женщину, стараясь вспомнить, что было вчера и кто эта рыжая конопатая баба.

Варвара открыла глаза, сладко потянулась, выскочила из постели, застучала пятками по дощатому полу. Налила полный стакан ледяной минералки.

— Пей, рыцарь!

Митюк залпом выпил стакан, выпучил глаза от газа и отрыжки, спросил осторожно:

— Ты не от Кузьмы ли Валерьяновича... э-э, явилась?

— От него.

— Зачем?

Варвара рассмеялась.

— Дурак ты, дядя.... Зачем женщина уходит от одного к другому? Ты мне нравишься.... И потом, ты звал меня в гости. Помнишь, возле магазина, шоколадом угощал?

Митюк тёр кулаками глаза, кряхтел.

— Э-э, перед Кузьмой Валерьяновичем стыдно...

— Мальчик какой застенчивый! А вчера как заливался? Царица! Шахерезада! Мне идти некуда, проживу до весны у тебя. Не прогонишь?

— Налей мне водки.

Варвара проворно налила полстакана, нарезала огурец, подала на тарелке. Митюк выпил, и долго молчал... Ожил прямо на глазах.

— Не прогоню. Только я сам тут на птичьих правах. Хорошо, если не посадят. Поедешь за мной в Сибирь?

— Что я там забыла?

— Ну, как жены за декабристами...

— Ты воровал, а я в Сибирь?

— Эх ты, царица! Вали отсюда к своему гармонисту!

Варвару трудно было вывести из равновесия. Она терпеливо выслушивала хмельного Митюка, наливала водки, подавала закуску. Ласково гладила по голове, шептала в ухо ласковые слова, он засыпал, похрапывая.

Варвара прибралась в вагончике. Вынесла пустые бутылки, консервные банки, груды пластмассы, картона, тряпья. Возле вагончика подмела дорожки, посыпала жёлтым песком. Приходили Брудастый с Уколовичем, спрашивали негромко:

— Сам дома?

Варвара как хозяйка, отвечала строго и коротко:

— Лежит с температурой, просил не беспокоить. Что передать?

— Да нет, ничего...

— До свиданья!

Варвара по-хозяйски хлопала дверью и заговорщицки спрашивала Митюка:

— Правильно я их выпроводила?

Митюк довольный кивал:

— Правильно! Замечательно! Кровопийцы! Живоглоды!

Варвара стала для Митюка единственной, кто понимал, утешал и жалел его.

Анна пришла к Редкозубову в неурочный час. Он с помощью Варвары мучительно выходил из запоя, отлёживался молча и не хотел никого зрить. На стройке не появлялся вторую неделю, Варвара устала врать посетителям.

— Болеет, температура...

— Ночью бредил, горит весь...

— Никакой, мокрый от пота...

Анна появилась у вагончика столь решительно и так ворохнула глазами на Варвару, что та молча попятилась и не успела возразить. Митюк отвернулся к стенке, натянул одеяло на голову, протестуя против вторжения подруги.

— Спрятался, конспиратор! Стыдно на люди показаться! Вставай, разговаривать будем!

Анна повелительно гремела так, как наверно Апостол Пётр разговаривал с грешниками у ворот чистилища. Митюк нехотя надел штаны, натянул рубаху, жестом пригласил к откидному столику, на котором стояла водка и тарелка с квашеной капустой. Варвара было сунулась в дверь, но Анна прожгла её взглядом, дверь хлопнула, сотрясая вагончик.

— Сергей Иванович всё знает. Лошак ему подробно изложил в своих донесениях. Про подставную фирму Брудастого и Кайло, про миллионы... Эх, ты... Беги, Митя! Беги, пока не поздно. Сергей Иванович будет на днях. Я пришла предупредить тебя...

Митюк дерзко и даже нахально смотрел на Анну. Он выпил рюмку, похрустел капустой и тихо сказал:

— Я ненавижу всё человечество. Сергей Иванович ноль, ничтожество. Я никого не боюсь. Я самый свободный человек! Ты раба! Все рабы! Только Иисус и я свободны. Попы и монахи трижды рабы. И церковь со святыми — рабы!

Анна перекрестилась.

— Митя, ты сошёл с ума!

Митюк ехидно улыбнулся.

— Сергей Иванович хочет распнуть меня? Распни!

— Он спас тебя, помог в трудный час...

— О выгоде думал, раба спасал...

— Ты болен, Митя.

— Это ты, вы все больны. Я здоров, свободен, как никогда, понимаешь? Нет ты не поймёшь, ты и раньше не понимала, ты никогда не знала меня!

— Кто эта рыжая женщина?

— А-а! — Митюк вызывающе, нахально захихикал. — Эта рыжая вместо тебя, заняла твоё место! Ты погребовала, а она благодарно пристала, как собачка. Всех женщин ненавижу, а её тепло, даже уважаю...

— Митя, ты нездоров. Это от водки. Я тебе помогу... Тебе надо уйти, уехать отсюда!

Анна ушла ни с чем. Ни повлиять, ни тем более, переубедить Митюка она не могла. Она лучше других знала ослиное упрямство своего бывшего друга и была в отчаянье. Ей было жалко Митю, она испытывала к нему чувство старого родства, по-своему любила его и не могла смириться с его вызывающей беспомощностью, бессилием. Понятно, что Митюк ломал комедию, но в этой игре было что-то трагическое. Он не хотел жить, прятался от жизни, от людей, от себя. Ёрничал, хамил, через силу глотал водку и забывался в полудрёме.

Анна надеялась на Сергея Ивановича, хотела попросить помощи определить больного в специальную клинику, или каким-то образом повлиять на него, как в свое время он повлиял на бывшего батюшку в Истре...

Сергей Иванович приехал из Москвы на один день. Вместе с помощниками

и охраной провёл на стройке пару часов. Поговорил с Анной. На несколько минут заехал к родителям. Уехал, не приняв никакого решения. Не захотел даже встретиться с Редкозубовым.

Позже из Москвы пришли новости. Объект полностью переходил под управление команды французских менеджеров. Они приехали на лимузинах во главе с главным управляющим Кретьеном Лягуром, известным во Франции спецом игрового бизнеса. Он поставил перед Сергеем Ивановичем непереносимое условие, чтобы игровой бизнес в хуторе Гривенном получил гарантии правительства. Сергей Иванович, пользуясь своими связями, добился решения по образованию Загряжской игровой зоны. Этот документ давал человеку с усами генералиссимуса широкие возможности для строительства нового Монте-Карло. Таким образом, Загряжск опять попал на первые полосы мировой прессы. Сергей Иванович с помощью Кретьена Лягура сел на золотую жилу. Управляющий обещал направить мировые денежные потоки прямехонько в хутор Гривенный.

О французе стоит сказать подробнее. Он вырос в обеспеченной семье дельца средней руки. Отец владел отелем с казино и рестораном в пригороде Парижа. Кретьен получил кое-какое экономическое образование и со студенческих лет тайком увлёкся рулеткой. Этому способствовала домашняя атмосфера. Дома у отца собирались поклонники и знатоки игорного бизнеса и просто игроки. Разговоры были самые откровенные. Семья падала на благодатную почву. Кретьен рано осознал свои способности, он ощущал пробуждение нешуточных страстей. Играл почти каждый день, но не заходил далеко, умел остановиться. Интуицией угадывал опасный рубеж, высоковольтную линию, виртуозно балансировал на грани проигрыша. Играл в третьестепенных казино, набираясь опыта. Игра вытеснила другие страсти. Кретьен был почти равнодушен к девушкам, не пил вина, учился кое-как и старался не думать о своём будущем.

Отец узнал о тайном увлечении сына. Несколько раз он со стороны наблюдал за игрой Кретьена. Состоялся трудный, можно сказать, судьбоносный разговор отца с сыном. Кретьен поклялся на Библии, что отныне никогда до самой смерти не прикоснётся к рулетке. Через месяц отец передал семейный бизнес сыну и вскоре умер с чувством исполненного долга.

Кретьен больше не играл, за десять лет после смерти отца расширил семейный бизнес, удвоил доходность. Стал одним из известных специалистов по казино. Написал несколько специальных статей и рекомендаций по проблемным ситуациям. Они сегодня являются образцовыми на курсах и семинарах по подготовке кадров.

Француз был высок ростом, худ, всегда ходил с тростью. Был доверчив, добродушен и чрезвычайно любопытен. В Россию Кретьен Лягур приехал сорокалетним метром. Ему нравилась страна, полюбили Загряжск и хутор Гривенный. Они напоминали ему детство, дедушек и бабушек, старую Францию.

Во время своего короткого визита на родину Сергей Иванович представил Анну новому управляющему на бегу, торопясь. Кретьен позвал её познакомиться поближе. Он галантно усадил Анну в своём гостиничном кабинете в глубокое кожаное кресло, попросил секретаршу принести кофе, шоколад и коньяк. Судя по всему, шеф собирался поговорить основательно. Для начала он рассказал ей о новых планах по расширению сети игровых залов, строительству новых гостиниц и ресторанов. Спросил, что она думает об этом.

Анна отвечала не сразу. Задумчиво смотрела на Лягура, на его глянцево-волосы с пробором. Улыбалась загадочно. Спросила, как бы уточняя:

— Значит, от первоначального проекта отказались? От оздоровительно-культурного комплекса?

— Это не принято в игровом бизнесе, да и не выгодно.

Кретъен отвечал, как учитель, вежливо, с нажимом, с уверенностью успешного руководителя.

— Решение правительства о Загряжской игровой зоне даёт нам большие преимущества. Во Франции об этом можно только мечтать. А культурные и оздоровительные учреждения создают много проблем. В нашем деле не нужно смешивать эти услуги.

— Вы полагаете нешуточный интерес клиентов к нашему заведению. Кто эти люди с большими кошельками? Откуда их ждать?

Лягур вынул из кармана планшет, быстро пощупал пальцами экран. Начал утвердительно перечислять:

— Для начала — три-четыре соседних региона, это пятнадцать-двадцать небольших провинциальных городов, как Загряжск. Ведь в Загряжске найдутся несколько богатых людей, склонных к рулетке?

— Думаю, что найдутся...

— Интерес пойдёт дальше. Москва, Питер, Кавказ. Наверняка будут гости из Грузии, Армении, Азербайджана. Это сотни богатых клиентов. Дальше, мы собираемся устроить презентации в разных странах. Как показывает практика, это даёт большой эффект. Стоит только привлечь несколько известных специалистов, как постоянные игроки потянутся и в нашу глухомань. Профессионалы, как правило, кочуют по игорным столицам. Конечно, на первых порах нужны большие расходы. Сергей Иванович готов потратиться. Но это окупится, и очень быстро. Я хочу, мадмуазель Анна, чтобы мы одинаково думали и сидели в одной лодке...

Анна рассмеялась столь бесхитростной агитации и заговорщицки поддакнула:

— Непременно в одной лодке, вместе и тонуть будем.

Француз развеселился и собственноручно налил Анне стопку коньяка:

— Выпейте за наш успех!

Анна отодвинула стопку и ехидно улыбнулась.

— У нас не принято пить в одиночку.

Лягур смущённо посмотрел на рюмку, потом на Анну, торопливо плеснул в другую рюмку и с отчаянной решимостью выпил не чокаясь. Анна не знала, что француз со студенческих лет не брал в рот вина. А если бы знала, то догадалась бы, что причиной столь решительного поступка была она сама. Нет, он не влюбился с первого взгляда, как влюбляются гимназисты. Произошла катастрофа, старый холостяк остро почувствовал опасную близость женщины, от которой не жди пощады и спасения...

Сначала Кретъен старался не подавать виду. Как всякий занятой человек, он не замечал времени. Опаздывал, торопился, откладывал встречи. Раскаивался задним числом, злился, что не успевает. И вдруг время замедлилось, остановилось. Если с утра он не видел Анну, то оставшийся день томился, молча сидел, уставившись в окно, или бесцельно ходил по кабинету, щёлкая пальцами. Его неразлучный друг и помощник Конфетюр как-то шутя спросил:

— Ты потерял покой, друг мой! Это дурной знак. Уж не влюбился ли ты в мадмуазель Анну?

Лягур взорвался, как граната. Выпученные, налитые кровью глаза полыхнули молнией, благородный лик француза обезумел. Бедный Конфетюр громко хлопнул дверью и пулеметом застрочил по лестнице.

— Дурак! — Громоподобно кричал ему вслед Лягур. — Идиот! Ты давно говоришь мне одни гадости! Грязный монмартрский сплетник!

— Сам дурак!

Конфетюр громко огрызнулся и, раскрыв рот, смотрел на открытое окно кабинета своего шефа, крутил пальцем у виска и долго недоуменно пожимал плечами.

В хуторе трудно сохранить тайну. И хотя друзья ругались исключительно по-французски, смысл и содержание бурного разговора мгновенно растолковали по-русски. Все хуторяне теперь знали, что Анна охмурила богатого француза, начальника стройки, и с живого не слезет, пока не разует-разденет его до нитки. Все хвалили Анну и одобряли её ум и дальновидность. Приводили в пример незамужним девкам, рассуждая примерно так:

— Взяли в моду: не могу, говорит, отдаться без любви незнакомому человеку, даже если незнакомый человек принц. А потом нарожает, дура, с любовью штук пять и кукует, одиночка, на государственное пособие. Что толку, что Митюк с мальству в женихах у Анны ходил? В итоге к попам убежал и там батюшку прямо в церкви зарезал. Со стройки этого жениха турнули, он к чужой жене пристал. Вот бы хорош муж был у Анны! Она молодец! Отдалась французскому человеку на стройке и теперь живет в богатстве. А Митюк покатился под откос.

Нет, Митюк не покатился под откос. Напротив, он протрезвел, проголодался и стал на ноги. Прошло несколько месяцев. С утра Митя выходил из вагончика и целыми часами бесцельно бродил по мраморной набережной речки своего детства, речке Серебрянке. Возвращался в вагончик, варил какие-то супы из пакетов, жадно ел и одетым валялся на кровати, мрачно думал свои бесконечно длинные думы. До утра в вагончике светились окна, Митя что-то писал в толстой амбарной книге.

Варвара Менестрель к великой радости Кузьмы Валерьяновича вернулась к семейному очагу и, кажется, теперь сполна оценила редкие душевные качества хуторского музыканта. Напоследок она сказала Дмитрию Степановичу Редкозубову:

— Прощай, неудачник! Мне было хорошо с тобой пить божественное вино. Теперь ты трезв и скупен, адью!

9

Два друга и компаньона, Брудастый и Кайло, скромно, как просители сидели в кабинете управляющего Кретьена Лягура и осторожно прощупывали почву для сотрудничества. Они ходили вокруг да около, не осмеливаясь приступить к главному. Понятливый француз разрешил их сомнения. Он знал, что они мошенники, но знал также, что хозяин Сергей Иванович закрыл глаза на их прошлые дела, отпустил поделщиков с миром. С какой стати ему, новому управляющему, бежать впереди паровоза?

— Не нужно много слов, говорите, чем я могу быть полезен для вас?

Француз смотрел на двух жуликов весело и дружелюбно. Брудастый улыбнулся одними губами, глаза растаяли.

— Именно, в пользу для всех нас состоит наше с Егором Михеевичем Кайло

предложение... Архитектурное произведение, как часть Кремлёвской стены близка к завершению, так?

— Так, — подтвердил Лягур, не догадываясь, куда клонит Брудастый. — Хутор отгорожен от нашего комплекса декоративным монументом в виде точной копии части Кремлевской стены со Спасской башней. Очень впечатляющий, очень эмоциональный монумент!

— Так, так! — обрадовано поддержал Брудастый. — Вы зрите в самый корень! И мы с товарищем Кайло открываем карты...

— Да, да, мы с Валентином Тарасовичем только перед вами открываем карты, — поддакнул Кайло.

Брудастый подвинул стул ближе к французу и перешёл на шёпот:

— Вы знаете, на кого похож Сергей Иванович?

— На генералиссимуса, — спокойно и громко сказал Лягур. — Это все знают.

— Именно! — возопил Брудастый. — На товарища Сталина!

— А кому поставить памятник у Кремлёвской стены? — с пафосом спросил товарищ Кайло.

И сам ответил:

— Генералиссимусу товарищу Сталину!

Видя, как поморщился француз, Брудастый ухмыльнулся понимающе и потечески разъяснил:

— Понимаю, конечно, ваше неудовольствие и охотно объясню. Подойдёт, допустим, к памятнику один человек и плюнет на диктатора Сталина. Пусть плюнет. Но подойдёт другой, с лилиями, и скажет: «Слава Сергею Ивановичу, патриоту и благодетелю!» Один памятник двум героям! Понятна наша с товарищем Кайло мысль?

— И овцы целы, и волки сыты, — поддакнул товарищ Кайло. — Памятник станет символом нашего культурного городка, он пахнет большими деньгами...

Француз долго смеялся и вытирался платком.

— Это очень по-русски!

Наш старый знакомый ветеринар Лошак всегда держал нос по ветру. Едва он узнал, что Брудастый и Кайло побывали у француза, он не мог ни есть, ни спать. Мошенники опередили его! Наверняка они опять приходили с очередной авантюрой! А уж войти в доверие к новому управляющему они могут лучше любого Остапа Бендера. Скорее всего, уже вошли и опять получили хлебные места на стройке. Он, Лошак, не потерпит этого, он должен быть первым, и на виду! Он приготовит для француза такое предложение, от которого невозможно отказаться.

Ранним утром Лошак надел старые штаны и резиновые сапоги, взял подмышку рыбацкий подсак и широким шагом направил стопы за хутор, в сторону меловой горы, которая сочилась множеством родников.

Речка Серебрянка в этом месте потеряла своё течение и осталась в отдельных неглубоких ямах, сплошь окружённых высоким камышом. Сверху по тёмно-коричневой воде распластались широкие листья кувшинок и лилий, между которых грациозно лежали на воде крупные жёлтые и белые соцветия. Эти болотца со сладкой родниковой водой облюбовали зелёные речные лягушки. Полосатые красавицы с томными выпуклыми глазами целыми колониями нежались на широких листьях кувшинок. Лягушачий хор громко играл неповторимую историческую какофонию: то резвилась молодёжь. Солидные лягвы и лягуры

скульптурно бронзовели на солнце, не подавая признаков жизни. Лишь изредка тревожил водную гладь прыжок с берега. Вы видели полёт в прыжке? Молодая лягва растягивается, пружинисто отталкивается от земли и летит, сдваивая белые ноги балерины, изящно булькает в воду и стремительно скользит, отталкиваясь длинными девичьими ногами. Молочными женскими лядвиями...

Лошак продрался сквозь камыш и долго сидел на берегу, слушая и любясь лягушачьим царством. Охотился он тщательно и ревниво. В воде лягушки казались много крупнее, выразительнее. Подержав добычу в руках, ветеринар вздыхал разочарованно: не то, не то... Ближе к обеду закончил отлов. В ведёрке едва помещались два солидных образца, по полкило каждый.

Дома ветеринар тщательно подготовил и провёл редкую операцию. На своём рабочем столе, покрытом белой простыней ветеринар усыпил лягушку, вставил сзади тонкую пластиковую трубочку, наподобие соломины, и стал, надувая щеки и выпучив глаза, медленно накачивать. Зеленая красавица превратилась в средней величины бройлера. Ветеринар аккуратно заклеил задний проход кусочком кожи. Лягушка проснулась и неподвижно сидела на простыне, смущённо глядя на своего повелителя страдальческими глазами. Лошак поцеловал её в темечко и хлопнул себя по ляжкам:

— Бон жур, мадам!

К управляющему он явился с большой коробкой от торта. Со свежевывытой хорошим шампунем огненно-рыжей шевелюрой, в новых штанах, с красной бабочкой на бритом кадыке. Сразу перешёл к делу. Несколько театрально, как фокусник, двумя пальцами открыл коробку, опрокинул её на полированный стол.

— Бонжур, мадам!

Конечно, читатель, была немая сцена! Великанша красавица лишила француза дара речи. Да, на первом месте были очарование и красота! Мысли о гастрономе пришли потом. Лошак отошёл в сторону и дал возможность французу в полной мере насладиться натурой. Лягур позвал помощника Конфетюра, состоялся деловой разговор.

— Это местная порода? — Спросил управляющий.

— Да, это из нашей речки Серебрянки. — Кивнул Лошак.

— Как много этих особей в водоёме?

Веретинар отвечал уклончиво и многообещающе:

— Достаточное количество...

Французы требовали большей ясности и предметности.

— Для начала нам нужно до ста килограммов в месяц.

Лошак разочарованно покачал головой.

— Нет, господа, одному мне не под силу. Нужен штат, человека три.

Конфетюр был ласков и убедителен.

— Мы будем платить поштучно, за каждый экземпляр хорошие деньги, остальные проблемы ваши.

Осторожный Лошак почувствовал ловушку, ведь если потребуют каждый экземпляр размером с образец, он прогорит на первой же партии.

— Нет! — Возразил он деликатно. — Будем рассчитывать за общий вес.

Ветеринар вышел из гостиницы с договором в кармане и коробкой с образцом подмышкой. С чувством внезапно разбогатевшего человека. Фокус удался! За деньги, которые предложили французы он построит ферму по разведению и поставкам деликатеса круглый год.

Пора, читатель, заглянуть в амбарную книгу, над которой ночи напролёт корпел гонимый отовсюду бывший батюшка Димитрий Редкозубов. На первом листе крупно выведено:

«ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО ЧЕЛОВЕКА»

Красивый каллиграфический почерк, текст почти без помарок, зачёркиваний и исправлений. Видно, автор не заботился о стиле и не задумывался подолгу. Так на одном дыхании пишутся любовные письма, дневники, живописуются ещё не отболевшие страсти и переживания. Так пишут исповеди, чтобы не сойти с ума от внезапных потрясений, так поверяют бумаге горькие мысли неудачники и выбитые из колеи волею судеб слабые люди. Сильные же, напротив, выговорившись, исцеляются, укрепляются духом. Мы знаем много примеров в литературе, когда исповеди становились примером духовной силы, борьбы и сопротивления. Но мы также знаем из литературы и истории об озлобленности, потери веры в себя, богоборстве и саморазрушении известных людей.

Будь снисходителен, читатель!

Мать Дмитрия Редкозубова Мария почти каждый день спрашивала у Анны про сына. Бедная выплакала все глаза, почернела от горя. Каждый вечер она встречала Анну молчаливым взглядом.

(Продолжение следует)

Утро над Доном.

Ренат Харис

НАШЕЙ ДРУЖБЫ ВКУС НЕ ПОЗАБУДЬ...

Отрывок из поэмы «Клятвенная чаша»

*В год 6493 (985). И заключил Владимир мир с болгарями, и клятву дали друг другу, и сказали болгары:
«Тогда не будет между нами мира, когда камень
станет плавать, а хмель тонуть».*

«Повесть временных лет»

...В шатре высоком для гостей накрыт
огромный стол, где блещут чаши, блюда.
Стол не простой – его нарядный вид
всех соблазняет яствами, как чудо.

Лаская слух хозяев и гостей,
слова летят, как птичьи песни в чашу.
Кровь не пуская, не дробя костей,
по кругу носят клятвенную чашу.

Из года в год – мы рубим, как леса,
друг друга в битвах, не чураясь боли...

Харис Ренат — народный поэт Татарстана, автор более сорока книг на татарском, русском, английском, башкирском и чувашском языках. Родился 6 мая 1941 г. в семье сельских учителей. Окончил Казанский государственный педагогический университет. Работал — учителем, журналистом, ответственным секретарём Союза писателей Татарстана, заместителем министра культуры, заместителем Председателя Госсовета (Парламента) Татарстана. Им написано около четырёх десятков поэм, на стихи Хариса композиторами Казани, Москвы, Уфы, Саратова и других городов создано более ста пятидесяти произведений вокального жанра.

Харис Ренат — секретарь Правления Союза писателей России, член Геральдического совета при Президенте Татарстана, член редколлегий журналов «Наш Современник» и «Казан утлары», член Главной редколлегии Татарской Энциклопедии. В Татарии издано собрание его сочинений в 7 томах.

А столько душ умчалось в небеса,
через века летя, как через поле!

Земля устала слышать стук голов,
летающих с плеч в боях неустомимых.
Грядущий век заждался сладких слов,
истосковавшись
по глазам любимых...

...И вот в шатре все сели чинно в ряд –
Владимир-князь, Добрыня, Мухаммат,
богатыри Владимировой рати,
и Мухаммата воины и братья.

И встал со словом первым царь Булгар:
«Нам с русским князем
не чинить впредь свар.
Купцов не грабить, не пускать их крови,
жить по-соседски – в дружбе и в любви.
А если эту клятву мы нарушим –
то пусть нам вынет сталь
из тела душу!»

И он из ножен саблю обнажил –
и перед русским князем положил.
А добрый гул поплыл вдоль вод и суши:
«Пусть наши сабли рассекут нам души...»

И вслед за этим встал Владимир-князь:
«Мы укрепили с Мухамматом связь
и затвердили прочно в договоре –
чтоб кровь не лить, неся друг другу горе;
вести торговлю, не мешать купцам;
дать жить в родстве отцам и молодцам;
а тем, кто этот договор нарушит –
Перун пусть гром на них с высот обрушит,
Стрибог сотрёт о них в столетьях быль
и над морями их развеет в пыль».

И сняв шелом, поставил его рядом
с положенною саблей Мухамматом.
И добрый гул качнулся, как ковыль:
«Пускай Стрибог развеет нас, как пыль...»

Водою волжской чашу сам наполнив,
царь Мухаммат её над пиром поднял
и князю дал Владимиру глотнуть –
мол, нашей дружбы вкус не позабудь.

Затем кремень он вынул из кармана
и, чтобы в том не видели обмана,
его пред всеми в чашу опустил –
и на поверхность он уже не всплыл.

И Мухаммат
сказал, взмахнув руками:
«Когда в воде
вдруг станут плавать камни,
а хмель потонет в чаше, как сапфир,
тогда меж нами –
прекратится мир!»

«Да будет так! – сказал Владимир громко. –
Пушай из чаши льётся через кромку
по миру дружба наша, как вода.
Из век в век! Отныне – и всегда!..»

(...И в том шатре –
я тоже тайно был,
воды из чаши клятвенной испил,
и та вода – мне душу оросила,
чтоб в ней навеки укрепилась сила!)

(Перевод с татарского Николая Переяслова)

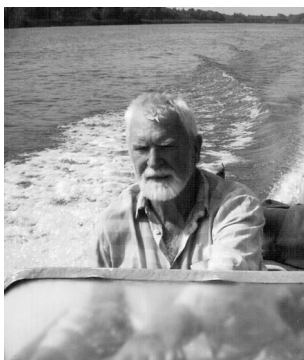
Переяслов Николай Владимирович родился 12 мая 1954 года. Поэт, критик, прозаик, эссеист, переводчик стихов национальных и зарубежных поэтов. Член Союза журналистов Москвы, Международной Федерации журналистов, Международной Ассоциации писателей и публицистов. Секретарь Правления Союза писателей России. Действительный член Петровской Академии наук и искусств, член Славянской литературной и артистической Академии в Варне (Болгария).

Автор более 30 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов с национальных языков, а также огромного количества публикаций в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Татарстана, Казахстана, Туркменистана, Армении, Грузии, Эстонии, Болгарии, Германии, США, Китая и других стран.

Областной литературный конкурс в честь 110-летия со дня рождения М.А. Шолохова

Номинация «ПРОЗА»:

Диплом I степени Геннадий Селигенин

ТАЙНЫЙ ГРЕХ

Рассказ

В поту, от дикого сновидения, пробудился Семён Хоботков. Тьфу, прямо срамота, а не сон. Вроде повернулся к жене, а вместо неё распластался под боком здоровенный сом и завлекательно так подмигивает... До омертвления членов свела Семёна судорога. А глыбастая рыбина — шлёп на него сверху и ну чмокать склизлыми губами.

Хоботков пятернёй мазнул по лицу, деревенелыми пальцами ощупал впалый живот — никакого сома. Помацал рядом. Под одеялом — тощая пустота. Спустил ноги, поглядел на ходики. Стрелки указывали половину четвёртого. Понимая, что со сном уже дело гиблое, поднялся и засмалил беломорину. Сам же чутко прислушивался к колебаниям воздуха. Но, кроме цоканья часов, другого движения не было. Заглянул в соседнюю комнату. На постели, разметавшись во сне, сладко посапывали двойняшки — Митяша и Колюня. Семён задёрнул сыновей одеялом и пошлёпал на кухню. Но и в кухне услужала сиротная тишина.

Селигенин Геннадий Тарасович, член Союза писателей СССР, России, известный донской прозаик, публицист. Лауреат Всероссийской литературной премии имени В. Белова, автор ряда книг прозы.

Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

Семён выбрался во двор. Над речными камышами и вербами стыдобным румянцем нарождалась заря.

— Алёнка! — тихо, отчего-то захрипевшим голосом позвал Семён. Из будки выгреб Тузик и лизнул босую ступню хозяина. Хоботков позаглядывал в катушки, раздёрнул двери в сарай. Родного человека нигде не проглядывалось. Он плюхнулся на скамейку для дальнейшего размышления.

Из сарая потягивало запахом мышиного помёта и вяленой рыбы. Семён протянул руку и укололся о задубелый хвост чебака. Сдёрнул с крючка и стал обрывать плавники. Рыба была — самый раз. Духовитая, смачная. Семён обсасывал плавники, а параллельно в голове шла работа...

Хоботков представлял из себя художилого казака лет сорока, с рыжеватыми пучками прокопчённых табачищем усов и какими-то смиренными, как бы отпаренными, глазами. Смиренность эта, по всему, происходила от его профессии печника, от малости заказов на его редкостные по нынешнему течению жизни руки. Но у него и дед был печником, и родитель, и он не изменил фамильному назначению. Молча, с упорством верующего нёс Хоботков свой крест. Слоилась в нём живучая мечта: рано или поздно — горючий газ и чёрное золото в недрах иссякнут, растратятся на закордонных добродеев, и тогда, пускай ему не доведётся, но уж дети точно через ту семейную профессию пойдут в гору. Народ-то опять перейдёт на кизяки да курай!

Его оплеушило затаённое: а чего это кум Петро такой добрый? В последнюю инфляцию прямо осатанел от своей доброты. Вон сколько чебака отвалил! И всё — задарма.

«Да так ли уж задарма?!» — Семёна аж подбросило, аж селезёнка ляснула.

В открытую недолюбливал Хоботков кума за его браконьерское нутро. Но тот и не якшался с ним по рыбному вопросу. Чебачок, рыбчик да сазанчик заплывали в его двор через Алёнкин распрекрасный характер. Семён не раз упреждал её: «Гляди, затянет тебя куманёк в чертячий омут!» А той — хоть бы хны, одни хаханьки: «Нехай у него свербит. А мы чё! Мы — ничё!» — Ха-ха — и до припечка!

Попервах и Алёнка нацелилась прилипнуть к потайному промыслу Петра. Но Семён, хоть и не дюже видный из себя, однако кулаком по столу припечатал раз и навсегда: «Або я, або кум!» Алёнка присмирела, но от Петровой рыбки не отворачивалась. Закусил тогда Семён губу: ладно, уступка, но не дюже обидная. Оно ж — семья. Да и в соседях. Куму тоже кое-чего от «золотых» рук соседа перепадает.

После перетруски житейского гороха в какой раз ядовитой змеюкой заползла нехорошая подсказка: «А не в рыбке ли той опарыши копошатся?»

Он припомнил: Алёнка частенько-таки пропадала в заревые часы. Когда справлялся об этом, всполошно кудахтала: «Да Господь с тобой! Какая теперь моя ярмарка! До худобы и есть теперь мои прогулки! Рябуху подоить, козлят поглядеть... С бабоньками про такое-сякое, — оно и солнышко туточки». И завивалась вокруг его шеи змеючей удавкой. Но теперь проклюнулось в памяти Семёна и погорячее...

Как-то, по печному делу, командировался на два дня в соседний хутор. Справился же за день, и к полуночи был подле родной печки. Возвёлся, а детишки — сами по себе. Пытать их, а они: «Мамка к тётке Матрёне побегла. Прихворнула тётка, так она в помощь...»

Притюлюкала Алёнка к солнцу. Вся обмякшая, заморенная, но в очах — разлитая благодать. Семён насутился: «Ну, чего, полегало Матрёне?» Жена уелась в него глазами, навроде заместо мужа трехпудового сома на лавке узрела. Потом — зырк на детишек и мелко, торопко так зачиликала: «Легше, легше ей, сердешной. Слава Богу, отпустило!»

Все эти отлучки и увёртки связались теперь в один узелок. И будто скипидаром ошпарило Семёна: да после тех отлучек и являлась в их доме бесплатная кумова рыбка!

Он пнул ногой скамейку и, не почуяв душевного облегчения от болючего прострела, произвёл последнее успокоительное действие: разодрал по хребту чебака и запульнул ошмётки в свинячью лоханку.

Как тать в ночи, продрался, просунулся во двор кума Петра всё в тех же нательных белых подштанниках. После расправы с чебаком пригвоздило горячим: жена-то Петра заодно с сынишкой отправилась к родственникам в Цимлу. И, значит, эта парочка теперь...

Семён крестом распялся по шершавой стене чужого куреня. «Ах ты, рожа браконьерская! — будто в чайнике, закипело внутри Хоботкова. — Ещё не вынюхался из перины один родственник дух, а ты!..»

В горле погорчело. Дыхание вырывалось часто и без всякой системы. Поплавками, будто в штормовую погоду, вскидывались в голове рваные мысли: «Нет, такого стерпеть не можно!... Обоих и — доразу! Только кум этот — бычина из себя. Да и жена — кобыла непутёвая. Не захочет — без крана не согнёшь».

Он отлепился от стены и почти без разгона перемахнул забор. Потом Семён не раз будет застывать подле того забора, до которого-то и руками еле дотягивался, и дивиться скрытому в человеке невиданному резерву.

Короткими кошачьими лапотками прошелестел в свою спальню, выцарапал из-за шкафа двустволку и коробок с патронами. Уселся на пустую кровать и затеял ногтями подковыривать пыжи, проверять заряды.

Патроны были двенадцатого калибра, с жаканами. Таким жаканом прошлым ноябрём с одного выстрела Семён завалил в лесополосе матёрого вепря.

Горячка помаленьку затухала, но пальцы дрожали. Он сломал ружьё, дослал в стволы патроны. И тут началось посветление.

Он почти на десяток годков старше Алёнки и, может, уже не того... В общем, Петро, конечно, помоложе и пожеребчней. Да и жил с Алёнкой сызмала в соседях. А он — примаком тут.

Жалко стало Семёну себя. До сердечной тоски, до волчьего подвывания стало жалко. Однако и с Алёнкой прокручено через мясорубку десяток годков жизни. Детишки вон... Так и вьются. Самолично во дворе грубку взаправдашнюю слепили. А жена... Уж так чебаков запекает с гречневой кашей да рахманкой! А борщи!.. А губы у неё!.. Прилепится и — поплыл...

«Х-хурь!» — мысленно харкнул Семён в свою размякшую примаковскую физиономию. Пошёл на кухню. Вернулся с пачкой ядреной, под стать заячьей дробин, соли. Вместо жакана натрусил в патрон пищевого продукта: «Хватит и солёной закваски для начального обучения хорошим манерам. А этому куму... Этому гаду сердешному!..» Он клацнул ружьём, оставив второй патрон с жаканом, и в тех же подштанниках отправился карать прелюбодеёв.

Пока крался — твердил про себя: «Правый патрон — Петру, левый — этой...»

Кое-что и ещё обдумал. Сразу шибанул ногой дверь соседского куреня, нащупал включатель... В горнице — неодушевлённая тишина. В спальне тоже не чулось людского духа. Семён потыкал стволом в шкаф, пошуршал под вешалкой и кроватями. «Ну, пластуны! — скрежетнул зубами. — В куширях кубло устроили! Ага, так оно аж сподручней. Бабах и — концы в воду!»

Он правился к камышовым зарослям и жалковал, что поменял один жакан на соль.

Заря уже облепила сочным румянцем добрый шмат неба. Ноздри щекотал сырой, пропитанный запахом свежей рыбы, камыша и водорослей ветерок. Где перебежками, где скорым шагом Семён двигался по наитию, понуждаемый мстительным запалом. Но чуткое сердце охотника, обманутого мужа и поруганного семьянина привело его к безошибочному месту. Он услышал заглушенные голоса и подрезанным снопом свалился у самой камышовой ограды. Душа его скорбела все о том же: «Правый патрон — куму, левый — куме!» Он выпустил, что Петрова кума доводится ему женой.

«Да вот сюда. Тут будет самый раз!», — отчетливо разнял тишину распорядительный голос кума. Семёну он показался гнусавым. И совсем уж впритык заюрился таким же поганым голосом жена: «Кум, ты не дюже напирай. Не дюже. А то мене неудобно. Разом давай. Разом!»

Семёна вновь прошибло холодным покойничьим потом. «Ах ты, гадюка!», — взорвалось толовой шашкой в растерзанной глубине Хоботкова. В какой раз заныло о жакане для непутёвой жены. Чуял, они мостятся где-то совсем близко. Его отгораживает от них жидковатая кулига камыша. Принял собачью стойку... Тряслись руки, прыгало ружьё. Семён заглотнул охапок погорячевшего отчего-то воздуха, и тут кум: «Клячи, клячи — до кучи. А то выскочит!..»

За камышом глухо, обвально бухнулось. Потом жена... Она не то, чтобы засмеялась, а как бы зашлась в счастливом кобылячьем рыготании. Хоботков не мог больше переносить такого надругательства. Всем распалённым, униженным своим существом он врезался в камыши. Упыхавшийся, посеждённый до крови.

Сначала охватил тёмные мурашки речной воды, потом — опирающегося на клячу-стояк бредня кума Петра с мокрой перекаломученной бородой. После уже — и Алёнку. Она корячилась верхом на громадном соме. — Как малое дитя, шлёпала ладошками по его склизлым бокам. Сом подкидывал, а она повизгивала, будто её щекотали. А кум, довольный, гудел: «Ку-ума-а, всё-таки мы сборкали его, собачуру!»

Диплом II степени
Владимир Иноземцев
х. Вишневский Гулькевичского района
Краснодарского края

ПЁС ВЕРНЫЙ И КОТ ВАСЬКА-ПРОХОР

Новелла

У нас во дворе жил пёс, а в хате, ближе к печке, ночевал кот. Как же без них в деревне?

Пса звали Верный. Его отдал нам сосед, охотник. Трагедия Верного, была в том, что он был воспитан охотником, и каждую минуту своей собачьей жизни в душе оставался им. А отец мой, ну и я, понятно, — охотниками не были. Хотя у отца была берданка и порох у него был, и патроны, но из-за повреждённого глаза ему было не до охоты. Попади Верный в какую-нибудь охотничью семью, судьба бы его сложилась иначе. А так?..

Охотничья карьера Верного не по его вине, можно сказать, не состоялась. Хотя Верный, я читал по глазам его, всю жизнь ждал, что когда-нибудь судьба ему улыбнётся. Только один раз, за всё время, пока он жил у нас, ему удалось проявить свой талант. Тогда отец разбирал коровий сарай, в котором устроили подпольный хуторок крысы. В тот день Верный передал двенадцать крыс. Этим своим подвигом он навсегда утвердил своё право быть полезным семье, и все последующие годы имел репутацию «равноправного работника», которому два раза на день полагалась кормёжка.

Но Верный и после этого случая каждый день стремился доказать, что готов выполнить любой мой приказ и даже умереть за меня. Хотя последнего я от него не требовал. Я лишь наблюдал, как он за долю секунды проглатывал кусок моего бутерброда с маслом, подпрыгивал, хватая на лету вишни, и даже проглатывал их с косточками.

Любил меня Верный. Любил, несмотря на полученные двойки, на порванные штаны. Он просто меня любил и всё. После единственного триумфа, Верный крыс больше не ловил. Ему даже в голову не приходило, просидеть всю ночь у крысиной норы. Нет, он бы мог задушить сколько угодно крыс, но он предпочитал делать это публично, чтобы рядом был хозяин, а ещё лучше — и восхищённые зрители. И, вот, поскольку Верный крысиной охоты избегал, этим опасным делом занимался кот Прохор.

Уж не знаю, кто его этому научил, но Прохор брать крыс умел. А потом задушенную крысу он обязательно укладывал на дорожке, там, где ходили все, показывая тем самым, что и он недаром в доме «хлеб ест». Вообще-то именно хлеб Прохор почему-то не любил, и к нам в хату он попал не сразу. Сначала Прохор подрабатывал Васькой в мамином буфете. Там у неё в кладовке завелись мыши. А всем известно, что мыши — это наглые, совершенно невоспитанные существа. В буфете они грызли печенье, но не по одной печенюшке — за одну им бы никто ничего не сказал, — а сразу перемолачивали весь ящик. Объяснить

им, как правильно есть печенье, было невозможно. Ещё по ночам они делали дыры в мешках с рисом и сахаром, а днём прятались под полом, легкомысленно надеясь на то, что все их злодеяния им сойдут просто так.

У мамы с мышами не получалось никакого компромисса, и она решила, позвать себе на помощь кота Ваську, который с рождения был очень способным. Уже в три месяца ему про мышей ничего толковать не надо было. А мама моя обычно с работы возвращалась усталая, а тут, вдруг повеселела, и за ужином сообщила нам главную новость:

— А знаете, мой новый котик сегодня двух мышек поймал?

Хорошие новости из буфета, однако, скоро закончились. Васька без всяких подсказок за неделю всех грызунов переловил. Закончив своё благородное дело, он стал размышлять над тем, как ему адаптироваться к суровым карьерным реалиям. Башковитый малый заприметил, что мужики в забегаловку приходят не просто так, а чтобы выпить двести грамм белой или по бокальчику пива, если его завозили в буфет. Закусывали клиенты обычно вкрутую сваренными яйцами. Как водится, они разбивали яйца о стол, а потом приглашали Ваську отведать белка или желтка.

Как-то один из гостей просто постучал пальцем по столу. Васька встал на задние лапы и потребовал, как он тогда думал, положенное ему. О Васькиных артистических способностях среди завсегдатаев пивной пошли разговоры, он в некотором роде стал знаменитостью. И я уже думал, что с его талантами, попади он к хорошему дрессировщику, смог бы Васька запросто сделать неплохую карьеру в цирке. Я бы не удивился, увидев его морду на афише. А почему бы и нет? «Только один месяц, в вашем городе выступает несравненный артист Василий Иванович», а ниже было бы напечатано буквами поменьше «с дрессировщиком Ивановым». И это было бы справедливо. Никто не будет спорить насчёт того, что профессор консерватории может сыграть этюд Шопена лучше своего ученика, а вот то, что выделял Васька с катушкой ниток, никакой дрессировщик повторить не смог бы. Вообще, я считаю, что артистом нужно родиться. А Васька родился артистом. Был в каждой живой клетке этого косматого и блохастого существа какой-то ген, которого не было у меня, его хозяина: не смог же мой отец-виртуоз обучить меня игре на балалайке. Я думаю, что играть на балалайке, меня не смогли бы научить все профессора Московской консерватории, хотя слушать музыку я люблю.

Так вот, Васькиным талантом я был очарован и потому упросил маму забрать домой это артистически одарённое животное. Дома у нас был уже не Васька, а Прохор, который своё циркачество не оставил. Он также становился на задние лапы и попрошайничал. Слава уже, видимо, вскружила ему голову, и он без конца беззастенчиво требовал причитающееся ему артистическое вознаграждение. Если же я с выполнением просьбы медлил, то Прохор больно вонзал свои когти в моё колено.

Теперь я понимаю, в такие минуты он на меня злился и перебирал варианты, как следует поступить со мной — вплепить передней лапой пощёчину или дать задней пинка. В конце концов, он немного успокаивался и становился реалистом, ибо понимал, что на любой с его стороны неадекватный шаг, последует непропорциональный ответ. Он был в замешательстве и не знал, как ему ответить на полученное унижение? Потому разворачивался и, сдерживая гнев, уходил...

Верному и Прохору, казалось бы, делить друг с другом было особенно нечего, хотя Прохор сутками мог валяться возле жаркой печки, а Верный всегда должен

был находиться в своей неотопливаемой будке. Но я думаю, что Верный был реалистом, и не тешил себя пустой надеждой поменяться жильём с Прохором. Скорее всего, он вообще никогда не травил себе душу подобными глупыми фантазиями. В этом отношении ему приходилось полагаться только на свою, никогда не подводившую его, шубу.

Как-то так получилось, что Верный и Прохор жили в одном дворе, но почему-то при этом друзьями не были. Но, с другой стороны, и большей вражды между ними, определённо, не случалось. Но вот, если, не дай Бог, на глазах у Верного я гладил Прохора по спине или брал его на руки, Верный всерьёз демонстрировал намерение разорвать кота. Увалень Прохор в таких случаях вмиг взлетал на акацию, забирался, чуть ли не до самой скворечни, и оттуда сверху жаловался на несправедливость жизни. На его счастье Верный был горяч, но отходчив. Прохор вскоре шлёпался с дерева и осторожно, держась подальше от уже забывшего о нём пса, пробирался в хату.

Вообще Верный, возможно, в душе был артистом даже больше, чем Прохор. Его на подвиг должна была вдохновлять публика. Рядом с ним обязательно должен быть кто-то играющий на трубе и ещё другой, бьющий в барабан или в тарелки. А Прохор думал иначе: сначала нужно дело сделать, а фанфары, букеты, аплодисменты — это от него не уйдёт. Всё обязательно будет потом. Вот он и сидел тёмными ночами в курятнике без прожекторов, без публики, без поддержки. А утром, молча, возвращался с покусанной крысой мордой.

У моего деда Яши был свой кобель Рябчик. Он был сильным и злобным псом. Верного он, без всякой видимой причины, почему-то ненавидел. Почувяв нашего пса, он норовил порвать цепь. Так же, как на Верного, Рябчик бросался на меня и на всю нашу семью. Иногда дедушка отпускал его, и тот по весне участвовал в собачьих разборках. Рябчик грызся с кобелями отчаянно. Он был до того злобным, что слабые кобели боялись выходить за ворота, а сильных псов Рябчик никогда не боялся. Он бросался на любого.

За ворота Верный выходил только со мной, да и то, когда мы шли не в сторону Рябчика, а в другую. Полагаю, что в хуторе, в каком-либо дворе, он бы мог найти родственную себе душу, признаться в своей симпатии, и, кто знает, мог бы надеяться даже на взаимность. Но о личном своём счастье он даже не мечтал. Рябчик своими угрозами обрёк его на одиночество.

В каждой драме, как известно, в конце случается развязка. А здесь накал страстей между Рябчиком и Верным привёл нашу историю к трагедии.

В воскресный апрельский день дед мой пришёл к отцу и сказал:

— Иван, бери ружьё. Рябчика бешеная собака укусила.

Отец взял два патрона, и они с дедом пошли к Рябчику. Верный шёл следом за отцом, он видел ружьё и чувствовал запах пороха. Он всю жизнь готовился выполнить приказ человека-охотника. Отец поднял ружьё и выстрелил в большого пса. А Верный? Охотничий пёс стоял рядом, и после выстрела бросился на своего врага, Рябчика. Но истекающий кровью Рябчик успел укусить и отомстить Верному. Шансов на спасение после укуса больного бешенством пса у Верного не было. И дед сказал отцу:

— Иван, заряжай второй патрон...

Вот такой у Верного был конец, и я весь день проплакал по своему другу.

Номинация «ПОЭЗИЯ»:

**Диплом I степени
Валерий Калмацуй**

У РЕЧНОГО ПОВОРОТА

Аксиньям...

Я рядом с ивушкой плакучей
Ловил таранку и плотву...
И вот однажды – выпал случай
Увидеть девок на плоту. –

Стирали. О мужских проделках
Гутарили наперебой.
И загорелые коленки
Грешно сияли над водой...

У каждой было по заботе –
Пришли сюда не налегке,
Но до речного поворота
Их смех катился по реке.

Спугнув с песчаного откоса
Речных отшельников-стрижей,
Они по травам сенокосным
Ушли с поклажею своей...

И долго рыба не клевала...
А в мой укромный уголок
Сама поэзия слетала,
Как стрекоза на поплавок!

Калмацуй Валерий Дмитриевич, новочеркасский поэт, член Союза писателей России, автор ряда поэтических сборников. Неоднократно печатался в журнале «ДОН_новый».

Диплом II степени Владимир Диклов

ДОНСКОЙ ОРЁЛ

У Вёшек, на холме приметном,
Виднеется издалека
Орёл – который с постамента
Вот-вот взлетит под облака.

В станице каждому известно,
Зачем орёл здесь воспарил –
Ведь Шолохов на это место
Не раз в раздумьях приходил...

Луга, сады по-над рекою –
Знакомо было всё давно,
Но видел он порой такое,
Что всем увидеть не дано.

Кружит ли снеговая замаять,
Шумит ли ветер в ковылях –
Жива о Шолохове память
В донских лазоревых степях.

Над ними годы мчатся вихрем –
Его же гений вне времён...
Парит орёл над Доном Тихим
И видит всё, что видел ОН.

Диклов Владимир Иванович, поэт, член Союза писателей России, автор нескольких поэтических сборников.

Живёт и работает в Таганроге Ростовской области.

Номинация ПУБЛИЦИСТИКА»:

**Диплом I степени
Зинаида Дмитриева
г. Ростов-на-Дону**

ЛЮБУШКА-ЗЕМЛЯ

Поездка по шолоховским местам

*«Милая, святая Родина! Вся наша
безграничная сыновья любовь — тебе.
Все наши помыслы — с тобой!»*

М.А. Шолохов

Испокон веков донская земля богата не только своими недрами и уникальной природой степных просторов, но и талантливыми людьми, которых она породила, вскормила и подарила миру. Мы гордимся своим земляком, великим писателем А.П. Чеховым. Широко известны имена донских писателей В. Закруткина, А. Калинина, Г. Семенихина и многих других. И яркой, не меркнувшей звездой писательского таланта светит имя Михаила Шолохова.

Казалось бы, не обошла его судьба своим вниманием: лауреат Нобелевской и других престижных премий, академик, депутат, дважды Герой социалистического труда. Многомиллионные тиражи книг, экранизации произведений, слава...

Но параллельно с этим в судьбе его много было недоверия, зависти, злословия, которые сопровождали его на протяжении всей его жизни. Это отравляло его жизнь и мешало работать.

В нашей семье творчество Шолохова всегда воспринималось близко к сердцу, оно было родным нам по духу. Книги его были нам дороги их безмерной любовью к донской земле, к живущим на ней людям, большой болью за них и чувством великой трагедии, пережитой народом.

Читая романы Шолохова, я видела в них судьбу моего деда, хуторского атамана Редина Абрама Васильевича. Он был в хуторе Платовка (ныне Свобода) атаманом четверть века. Сыновей у него было десять и две дочери. Четверо сыновей прошли гражданскую войну, позже — раскулачивание и ссылку. Даже деда — а в ту пору ему было уже далеко за семьдесят — раскулачили и сослали в г. Котлас. Из лагерей никто не вернулся.

За свою жизнь несколько раз я читала роман «Тихий Дон» и с каждым разом всё больше удивлялась умению Шолохова необыкновенно тонко и убедительно передавать состояние души человека — «...от глубоко трагического до безудержного веселья», по выражению одного из критиков.

Читая о судьбе главного героя романа Григория Мелехова, я видела за ней судьбы моих дядей, с такой же, как и у Григория, трагедией «похитнувшейся» жизни.

В нашей семье часто велись разговоры о прочитанных рассказах и романах Шолохова, о просмотренных экранизациях его произведений, имя Шолохова звучало в нашем доме постоянно.

Доходили, конечно, до нас и различные домыслы об авторстве «Тихого Дона». Баян много слышали, и не раз, но никогда сомнений не было в достоверности того, что автор романа — Михаил Шолохов. А когда были найдены утраченные рукописи первых двух книг романа «Тихий Дон», мы легко вздохнули: ну, теперь конец всем кривотолкам. Жаль только, что рукописи найдены были уже после смерти Шолохова.

Я долго ждала случая посетить места, связанные с шолоховскими героями и побывать в станице Вёшенской, поклониться могиле любимого писателя. И наконец такой случай представился.

Моя старшая сестра Валя с мужем Сашей жили в посёлке Шолоховском близ Белой Калитвы. По семейным обстоятельствам я переехала жить к ним со своей мамой и дочерью. Жили у них, пока не получили свою однокомнатную квартиру.

Валин муж пошёл в отпуск и собрался навестить свою сестру Неонилу, которая жила в станице Божковской (Божки). Мы с Валею уговорили Сашу взять нас с собой и по пути заехать в хутора и станицы, где когда-то жил и работал М.А. Шолохов. Он согласился. Это было в мае.

Выехали мы на зорьке, часа в четыре. Сев в машину, удобно расположились, и нас потянуло в дремоту, но с восходом солнца дремота прошла. Едем, я смотрю в окно, а там, словно кадры кино, мелькают поля, заботливо возделанные хлеборобами, лесополосы, балки, овраги.

Вдруг вижу — перед глазами из-за лесополосы выплывает огромный квадрат ровного, как стол, поля. Он строго очерчен с трёх сторон лесополосами. Смотрю я на него, а он весь в лучах восходящего солнца светится нежно-зелёным бархатом остролистной пшеницы, а по бархату горят, будто капли крови, алые цветы. Присмотрелась: да это же цветут лазорики, полевые тюльпаны.

Тут я вдруг вспомнила бабушки Ани «причту». Так она называла свой рассказ, если хотела придать ему особое значение и привлечь наше внимание. Говорила она так: «Унучечки мои, расскажу-ка я вам одну причту. Её мне, когда я была вот такая же, как вы, рассказала моя бабушка Акси́нья, она, значит, ваша прапрабабушка. Жаль, вы её не можете увидеть, потому что её уже нет на этом свете.

Слушайте. Давным-давно это было. В то время донская земля наша была диким полем, но не безлюдным. Травы здесь росли выше человеческого роста. Много здесь водилось разной живности: сайгаки, волки, лисицы, а птицы была тьма тьмущая. Водились и ходили стаями куропатки, дрофы, фазаны. Много было и водоплавающей птицы, которая гнездилась в камышовых зарослях, а реки были полны рыбой. Особенно был ею богат батюшка-Дон.

Так вот, — продолжала она свой рассказ, — с тех далёких-далёких времён поселились здесь казаки. Народ вольный, казаки-донцы — так их величали. Стояли они защитной непроходимой стеной у этих окраин земли нашей, защищали южную границу родины. Служили казаки царю-батюшке верой и

правдой, отражая набеги бусурманов (так она называла кочевые племена — З.Д.), которые были охочи захватить пастбища для своего скота. Да и турки не прочь были урвать кусок донской земли. Жаркие битвы шли здесь. Веками лилась кровь людская, и там, где особенно густо была полита казацкой кровушкой земля, расцвела она вдруг алыми, как кровь, цветами — лазориками. С той поры и поныне цветут они, несмотря на то, что их перепахивают, вытаптывают, а они всё цветут в память о погибших здесь казаках, о воинах, отдавших жизнь за землю родную».

Машина плавно шла по серой дорожной ленте, и мысли мои текли так же плавно. Глядя на эту бескрайнюю степь, на её весенний наряд из цветущего разнотравья, я вдруг подумала: «Так вот же она, шолоховская степь! Воспетая им, одухотворённая, живая казачья земля. Земля-кормилица, открывшая под его пером невиданную свою красоту».

А степь, действительно, цвела роскошью майского великолепия. Машина бежит, монотонно постукивая колёсами, а за окном всё бегут навстречу светло-сиреневые поляны сибирика, бессмертника, оранжевые заросли в ложбинах зверобоя и белые — тысячелистника. В лесополосах в белом мареве тумана цветут яблони, груши, вишни и жерделы. Всё вокруг так празднично и нарядно.

Едем дальше, и вдруг из-за бугра выплывает большая поляна, жарко пламенеющая в ярких лучах солнца. Что это? Мы остановились, выбежали из машины. О боже, какая красота! Да это же цветут красные маки! Мы долго не могли оторвать восхищённых взглядов от пламенеющих, как огонь, цветов.

А воздух, напоённый цветущими травами, стоял такой густой и терпкий, с горьковатым привкусом серебристой молодой полыни и сладким — чабреца, что закружилась голова. Ах, как я люблю этот горьковато-сладкий запах чабреца и полыни — вдовьей травы, такой же горькой, как судьба казачки, потерявшей любимого мужа.

Проехав город Каменск, мы завернули в хутор Диченский. Нас интересовал вопрос: почему именно в этом хуторе снимался фильм «Тихий Дон». В музее мы узнали, что хутор Диченский внешне схож с хутором Татарским, каким его описывает в романе Шолохов (хотя прототипом хутора Татарского был всё же хутор Калининский), потому здесь и проводились съёмки фильма.

Отсюда наш путь пошёл на город Миллерово, а от него в сторону Вёшенской начались знакомые нам по «Тихому Дону» места. Они в нём так точно описаны, что их просто невозможно было не узнать. От горизонта до горизонта была видна всхолмленная, вся изрытая косогорами и буераками донской гряды степь. Кое-где она ещё сохранила свою первозданность.

По обе стороны серого асфальта, блестящего на солнце, видны были извилистые вилюжины балок, покрытые ковром весеннего пышно цветущего разнотравья. Пошли крутые красноглинистые яры, заросшие караичем, черноклёном. От этой картины пахло «вековым безмолвием» и сокрытой в глубоких ярах и буераках тайной. Здесь нам захотелось остановиться. Раскинули скатёрку прямо на откосе яра, под старым караичем, присели, прислушиваясь к тишине, впитывая в себя глубокую тайну прошедших над этой землёй веков. Смотрели в ослепительную голубизну чистого высокого неба. Вдруг заметили плавно плывущего, почти не шевелящего крыльями коршуна.

Он выписывал прямо над нашими головами круг за кругом, всматриваясь, как нам показалось, в нас и во всё, что внизу движется. Вот он, властелин степи, её хозяин!

От Миллерово мы проехали, не останавливаясь, мимо хутора Ольховский Рог, села Кашары до Боковской. Здесь мы остановились, искупались в реке Чир. Оказалось, что Саша эти места прекрасно знает. Он не раз бывал здесь, в хуторах и станицах, когда работал шофёром в колхозе. По его совету мы посетили памятник М. Кривошлыкову. У подножия положили скромный букетик полевых цветов, а потом почтили память красногвардейцев Четвёртого сербского полка и воинов Первой донской дивизии, погибших в Великую Отечественную войну.

Выехав из Боковской, мы увидели обширные хлебные поля, они простирались до горизонта. Дорога тянулась вдоль полей и привела в станицу Каргинскую. Всю дорогу, пока мы ехали вдоль хлебных полей, Саша молчал, а когда мы стали разговор вести о Каргинской, он спросил у нас: «Дорогие мои, вы что, не узнали? Ведь эти хлебные поля, это как раз и есть, по роману Шолохова, конский отвод, где казаки выпасали своих лошадей. Он тянулся до хутора Яблоновского». Вот с этого момента Саша стал нашим экскурсоводом. Оказалось, что он много знает и рассказывает интересно.

Саша рассказал, что до 1918 года станица Каргинская была хутором Каргин. Он был очень красивым, в верховьях Дона, пожалуй, самым лучшим. В этом хуторе около шестнадцати лет жили родители М. Шолохова, а Миша здесь учился в начальном училище с 1912 по 1914, всего два года.

— Жили они в маленькой хатёнке, да вы её сейчас сами увидите, — продолжал Саша свой рассказ.

И вскоре мы подъехали к этому домику, бережно сохраняемому жителями станицы. Дом, действительно, был крошечный — несколько шагов в длину и несколько в ширину, с маленьким оконцем, камышовой крышей и табличкой на стене: «В этом доме жил писатель-академик М.А. Шолохов в 1909-1925 гг». Нас эта табличка как-то смутила. Войдя в местный музей, мы спросили: «Неужели столько лет жил Михаил Шолохов в таком маленьком домике и работал?» Сотрудники музея нам пояснили, что на самом деле родители Шолохова в этом домике жили чуть больше года, а потом переехали в более просторный дом, но он не сохранился, осталась только его фотография. Нам её показали. Мы узнали, что в этой станице Шолохов написал свои первые рассказы. Пятнадцатилетний Миша, впервые взявшись за перо, сочинил несколько пьес, а потом их ставил у себя в хуторе: «Генерал Победоносцев», «Необыкновенный день». А позднее здесь он начал работать над «Тихим Доном». Об этом нам рассказали в школьном музее. Школьники с гордостью показали нам парту, за которой сидел Миша Шолохов. Её сюда перенесли из бывшей церковно-приходской школы.

Жители Каргинской гордятся тем, что М. Шолохов принимал участие в строительстве средней школы в станице. На её постройку писатель отдал свою Ленинскую премию за роман «Поднятая целина».

Выехав из Каргинской на дорогу до Вёшенской, мы увидели сбоку от шоссе установленный на высоком постаменте танк Т-34. Его установили в память о танкистах, погибших при освобождении этого района от фашист-

ских захватчиков. Остановились, поклонились, положили полевые цветы. И поехали дальше.

Доехав до развилки, Саша сказал: «Сейчас мы свернём в хутор Кружилин». С бугра справа мы увидели его. По дороге, обсаженной пирамидальными тополями с обеих сторон, мы, как по туннелю, въехали в хутор. Это довольно большой современный хутор на берегу реки Чёрной. Здесь сохранился домик, в котором родился Михаил Шолохов 24-го мая 1905 года. Мы посмотрели на этот домик, ознакомились с историей хутора (основали его шесть братьев Кружилиных и два Ивана — Лиховидов и Чернов) и поехали дальше по просёлочной дороге мимо хуторов Максаевского и Сингина до хутора Калининского. Доехав до него, мы остановились. Саша сказал:

— Хутор Калининский — это бывший хутор Семёновский. Здесь есть крутой спуск к Дону. Нам придётся пройти пешком.

Мы последовали по крутому спуску к Дону, полюбовались его берегами. «Особенно красива река у Лебяжьего Яра, там, где быстрина подмывает меловую лысую гору у хутора Калининского» — вспомнилась мне фраза из прочитанной незадолго до поездки книги. Как раз на этом месте мы сейчас находились. Вода здесь такая чистая, родниковой чистоты, её можно пить, и мы напились. Долго любовались девственным пойменным лесом, причудливым и живописным рельефом меловых гор. Мы знали, что М.А. Шолохов много сил отдал, борясь за чистоту реки. По его ходатайству министерством лесного хозяйства была насажена лесозащитная зона у берегов Дона — до полутора километров шириной.

— Сейчас мы поднимемся на возвышенность, — сказал Саша, — и вы увидите необозримые дали, воспетые Шолоховым в его произведениях.

Мы поднялись на возвышенность и действительно увидели, как на ладони, все хутора: справа — станица Еланская, хутора Лебяжий, Ереминский, слева — хутор Базковский, станица Вёшенская, впереди — низкий левый берег. Налюбовавшись прекрасной панорамой шолоховских мест, мы поехали дальше. Саша сказал, что осталось нам проехать чуть больше пятнадцати километров, и мы будем у Неонилы в станице Базки.

К закату солнца мы были уже у Неонилы. Встретила она нас с большой радостью. Станица Базковская — это бывший передовой колхоз «Тихий Дон». Здесь часто бывал Михаил Шолохов. Очень гордились базковчане своим знаменитым земляком, великим писателем.

Вечером за ужином Неонила рассказывала нам с большой любовью о Шолохове. Она говорила, что он был частым гостем в колхозе, интересовался его успехами, активно участвовал в делах хозяйства. Когда приезжал Михаил Александрович, в станице был праздник. «Он любил слушать песни нашего хора, — рассказывала Неонила. — Мы ему с удовольствием их играли (т.е. пели — З.Д.), а он не только слушал, но и играл вместе с нами. Самые любимые его песни были «Разродимая сторонущка», «На речке было, братцы, на Камышёвке», «Эх ты, зоренька-зарница».

Неонила не только рассказывала, но и пела, а голос у неё был прекрасный, а ей подпевала её дочь Тамара. До поздней ночи мы сидели, слушая рассказ и песни Неонилы.

Утром, позавтракав, мы отправились пешком в станицу Вёшенскую. Она от Базков в трёх километрах. Сопровождать нас вызвалась Тамара.

— Она хорошо знает дорогу к Вёшенской, да и саму станицу, будет вам гидом, — сказала Неонила.

Саша с нами не пошёл, они с племянником ещё до зари ушли на рыбалку.

Дорога шла по-над Доном. Утро было тихое. Вода в Дону, казалось, стоит без движения, только чуть заметная мелкая рябь указывала на то, что она движется. Над водой курился лёгкий туманец, который уступал место восходящим солнечным лучам. Дон ещё дремал в своём утреннем спокойствии, и лишь изредка слышался всплеск воды. Он глухо отдавался эхом в прибрежном лесу. «Это играет рыба» — пояснила нам Тамара.

Мне было так хорошо на берегу этой удивительно красивой реки, что захотелось побыть здесь одной, подышать чистым воздухом реки и леса. Я подумала: воистину магическую силу имеет наш Дон. Солнечный, благодатный, он неразрывно связан с судьбами людей, живущих у его берегов и берегов рек, которые питают Дон своими водами, делая его могучим и полноводным. Столетия о нём складывали легенды, сказания, чарующие своей поэтичностью и глубоким смыслом. А сколько песен сложено о нём, батюшке тихом Доне! В них звучала глубокая любовь к родному краю и такая же глубокая печаль, жалобы на горькую долю казачек-вдов, потерявших своих любимых казаков — сыновей и мужей, сложивших головы за свою землю. Михаил Шолохов признавался в том, что эти старинные казачьи песни вдохновляли его, когда он работал над романом «Тихий Дон». Особенно запала ему в душу старинная песня «Ой ты, наш батюшка тихий Дон». Строка из неё стала эпиграфом, запевом шолоховского эпоса.

Тамара, как и её мама, очень много знает старинных казачьих песен, прекрасно их играет. По дороге она напевала их, а мы с Валею ей подпевали. Вела она нас по узкой песчаной дорожке, заросшей стелящимся кудрявым спорышем, оставшимся от прошлого года и пробивающимся молодыми его побегами да берёзкой-выюнком. Бежала дорожка, виляя между деревьев по лесистому правому берегу реки.

— Это сейчас, — говорила Тамара, — берег лесистый, а раньше здесь были вылизанные ветром бугры да зыбкие желтопески, да сорок тысяч гектаров песчаной пустыни окружали Вёшенскую, грозили ей гибелью...

— Первые сто десять гектаров сосны, — продолжала Тамара, — за станицей заложил лесовод-энтузиаст ещё до революции, в 1905 году, С. Кондрашов его имя. Сейчас этот лес объявлен заповедником. Вот он, красавец. По-настоящему же спасти Вёшенскую начали при советской власти, и М.А. Шолохов вложил в это дело много усилий. Вёшенской лесоопытной станцией была выращена вёшенская сосна, неприхотливая и живучая. Засаживали её семь с половиной тысяч гектаров. Теперь уже станице не угрожают пески. А вот мы уже и подходим к мосту!

Тамара рассказала, что мост начали строить ещё при жизни Шолохова, в 1982 году, по инициативе писателя и при его содействии. Мост стал функционировать в 1985 году.

— Сейчас мы поднимемся на холм, — сказала Тамара, — и посмотрим на памятник, который был поставлен незадолго до смерти Шолохова.

Поднявшись на холм, мы увидели огромную скульптуру — орла, широко раскинувшего крылья. На степном кургане, обдуваемый со всех сторон ветрами, отлитый из металла, на каменном постаменте, он воплощал образ молодого Шолохова. «Широкий размах крыльев, гордая царственная голова, грудь, полная молодых трепетных сил» — пишет об этой скульптуре В. Воронов в своей книге «Гений России».

На сером камне постамента — пророческие слова Серафимовича о молодом Шолохове: «Молодой орлик, желтоклювый, а крылья разметнул. И всего-то ему без году неделя... Самый прозорливый не угадал бы, как уверенно вдруг развернётся он».

Перейдя мост, мы очутились на левом берегу Дона в станице Вёшенской. Современная станица прекрасна, в ней сочетается история и современность, она похожа на среднерусский городок. Старинные дома с каменными высокими фундаментами и пологими крышами из жести, с ажурными карнизами, с трубами, узорно выделанными из оцинкованного железа. А рядом с этими домами стоят современные многоэтажные дома. Станица вся в цвету яблонь, вишен, черёмухи и сирени. За молодой зеленью деревьев выглядывают резные ставни, смутно угадываются прямые длинные станичные улицы, покрытые асфальтом. Кругом цветы, на станичной площади у обелиска Ю.А. Гагарину искрятся радугой фонтанчики.

На улице имени Шолохова мы посетили музей писателя — дом, в котором он жил в 30-е годы и писал третью книгу «Тихого Дона» и «Поднятую целину». Здесь собрано его литературное наследие. Посетили мы ещё один дом-музей, где были написаны его первые произведения. Сейчас часть помещения отдана детскому этнографическому центру.

На набережной воздвигнут бронзовый бюст писателю. Стоит он на высоком берегу Дона, Отсюда видны могучий извив реки и песчаное правобережье в зарослях верб, тальника и ольхи.

И конечная наша цель — музей-заповедник, но тогда в нём не был ещё открыт мемориальный комплекс «Усадьба М.А. Шолохова». Мы только знали, что после смерти его супруги М.П. Шолоховой дом будет передан музею. Поэтому мы видели только усадьбу и уголок, где находится могила писателя. Мы подошли к ней с трепетным чувством. Видим — христианский могильный холм покрыт дымчатым ковром серебристой полыни, а вокруг неё прямоугольный зелёный газон молодой травы. И мне подумалось: вот его поле с любимой полынью. А рядом установлен памятник работы скульптора О.К. Комова. Он выполнен из серого гранита и имеет форму отшлифованной глыбы.

И тут мне опять пришла в голову мысль: ведь эта глыба и есть «земля-любушка», такая же вздыбленная, бугристая, но его земля, пропитанная кровушкой казачьей.

Недалеко от могилы стоит любимая лавка Шолохова. Отсюда он любовался видом дорогой его сердцу реки — тихого Дона.

Поклонившись могиле с глубоким чувством утраты великого писателя и бесконечно уважаемого человека, мы покинули этот незабываемый уголок. Прощай, Михаил Александрович Шолохов, спи спокойно, ты честно выполнил миссию свою на Земле.

Диплом II степени
Татьяна Гончарова
Ростов-на-Дону

ГРУШЕВКА

Очерк

Новый современный аэропорт международного значения решили строить в станице Грушевской, Аксайского района. С его появлением Грушевка, наверное, изменится — возможно, в лучшую сторону. Мне же хочется сохранить её в памяти такой, какую с детства знаю и люблю.

Для станицы она очень большая, в длину тянется километров, думаю, на двадцать. В ширину же ей расти некуда — с одной стороны ограничивает речка Тузловка, а с другой — гора. Поэтому вся Грушевка это, практически, одна улица, фасадами смотрящая на речку, а садами уютно прильнувшая к горе. Это если снизу смотреть, она — гора, довольно-таки высокая и крутая; склоны изрыты балками, заросшими шиповником и тёрном. Не везде даже по этим склонам можно взобраться наверх, настолько они круты. Но когда поднимешься, видно, что никакая это не гора, а плоская равнина, покрытая полями, и нигде она не кончается. Получается, что Грушевка в яме, но подумав, понимаешь, что эта яма, скорее всего, дно какого-то древнего моря, а гора — его крутой берег, не зря же там везде ракушечник.

Эта станица — малая родина моей мамы и место нашего счастливого гостевания у тётушек, маминых сестёр, которых всего было четыре. Я родилась и выросла в Ростове, но добрая половина моего детства прошла в станице, так что я, конечно, не деревенская, но и не вполне городская. Как только кто-то из нашей многочисленной родни, приехав в Ростов за покупками, заходил к нам, я увязывалась следом, а потом мы уж и сами с сестрой стали к ним ездить. В Грушевке, не смотря на её размеры, все люди друг — друга знали, поэтому, когда нам встречалась по дороге какая-нибудь незнакомая тётя, она нас без стеснения спрашивала:

— Девки, вы чьи?

Мы начинали объяснять, а наша собеседница, поняв, говорила:

— А, Галдырихины!

Галдыриха, это тётя Дуся, старшая мамина сестра. Как, прожив тяжелейшую жизнь, сумела она сохранить такой весёлый нрав? Ею было рождено четырнадцать детей, а доживала только с тремя дочками. В то время много детишек умирало в младенчестве, не минула сия чаша и нашу тётю. Потом муж сгинул в 1937-ом из-за репрессий, а любимый первенец Павел, дослужившийся в войну до офицера, погиб в 1945-ом. На своих плечах вытянула дом, хозяйство, была радушной, очень любила принимать гостей, и при этом над всеми подтрунивала. Меня встречала обычно одними и теми же словами, не слишком стесняя себя в выражениях:

— Вот гость — г...но, не был давно, — и тут же начинала с огромным удовольствием чем-то угощать, не без основания гордясь снедью, выращенной её трудолюбивыми руками. За звонкий голос и беззлобное «галдение» и получила тётя Дуся своё звонкое прозвище.

Ах, как бы мне сейчас хотелось отведавать её пышек с нардеком. Кто не знает, что такое нардек, объясняю: это арбузный мёд. В то время у всех помимо огородов при доме, были ещё займища, и там вырастали арбузы огромных размеров и в огромном количестве. Из самых мелких варили нардек. Для этого во дворах ставились котлы, арбузы чистили от кожуры, как картошку и уваривали до получения сладкого чёрного мёда. Топили под котлами кизьяками. В нашей безлесной местности дрова — большая роскошь, зато навоза коровки производили в изобилии. У всех были специальные прямоугольные формы, и в каждом дворе стояли выстроенные для просушки пирамиды из кизяков.

Из Ростова в Грушевку мы обычно ездили на нашем мотоцикле с коляской, заслуженном М-72 — машине настолько родной, что звук её мотора от многих других мы с закрытыми глазами отличали. Помещалась на нём почти вся наша большая семья: мама со мной и средней сестрой в коляске, отец за рулём, брат сзади. Эх, ещё бы одно местечко, так и старшая сестра бы поместилась. Путешествуя таким образом, сворачивали мы с Новочеркасского шоссе, которое тогда все почему-то называли профилем, на просёлок, идущий вдоль высоковольтной линии. Сначала Грушевка не видна, но мы знали, что первой покажется верхушка Тихонова тополя, потом кресты и купола церкви, и уже потом и сама станица во всём своём живописном великолепии. Сверху она прекрасна: вокруг дали до горизонта, от вида которых захватывает дух, поля, луга, блестящая на солнце извилистая лента реки и утопающие в садах домики. Как только мы достигали спуска, отец выдёргивал ключ зажигания, и мы уже не ехали, а катились без мотора. До сих пор не могу забыть это ощущение полёта, радости, восторга! Сейчас грушевская дорога покрыта асфальтом, что, конечно, огромное благо для станичников, а когда я была ребёнком, это был просёлок, поэтому за нашим мотоциклом поднималось облако пыли. Ах, эта роскошная пыль моего босоногого детства! Возможно, в других русских селеньях пыль тоже хороша, но такая родная только в Грушевке! Она была такая тёплая и мягкая, так нежно обволакивала наши ножки, создавая между пальцев клубящиеся фонтанчики. Если бы в то время по дороге шло столько машин, как сегодня, в этой роскошной пыли легко можно было бы задохнуться, а тогда — протарахтит редкая полуторка, а так всё больше телеги с лошадьми или быками. Я не заметила, в какой момент быки, как средство передвижения, вдруг исчезли раз и навсегда, но хорошо помню, как грузно и мощно двигались они, таща неимоверную тяжесть. А однажды мне несказанно повезло, когда позволили сесть на козлы, дали в руки кнут, и я, млея от восторга, повелительно покрикивала: «цоб — цобэ».

Больше всего мне запомнились наши поездки на Пасху. Я росла в эпоху атеизма, в церковь тогда только бабушки ходили, не смотря на это, в Грушевке Пасха всегда была самым большим праздником, готовились к нему заранее. Помню, мама говорила, что если к этому празднику везде чистоту навести,

то в пасхальную ночь даже скотина в хлеву разговаривает. Как же старались казачки! Дома и хаты тогда были глинобитными или сложенными из ракушечника, той же глиной снаружи и внутри обмазанными, а крыши всё больше камышовые. В камышинках жили дикие пчёлы, и можно было, выломав одну, угоститься сладким, ароматным диким мёдом, вкус которого изрядно портил хрустящий на зубах песок. В самых бедных хатах, как у нашей вдовой, многодетной тёти Шуры, полы были земляные. Их называли «земи», а деревянные, в домах побогаче, называли не «полы», а «мосты», и их не мыли, а «банили». Такими же, глиняными, как дома, были летние кухни и сарайчики. Всё это нужно было выбелить, и в праздник хаты сияли белизной, весело смотрели на нас чистенькими окнами в распахнутых голубых ставенках. Заборы из некрашенных широких реек желтили глиной, а их треугольные верхушки белили, двор посыпали песком. Песок был двух цветов, самые трудолюбивые хозяйки не ленились посыпать так: пятно белое — пятно жёлтое, и двор становился похож на пасхальное яйцо. Теперь представьте себе эту картину и довершите её пышно цветущими садами: ведь Пасха бывает весной. Кажется, ничего красивее я не видела никогда!

Мы проезжали мимо детей, непривычно одетых во всё новое и сжимающих в кулачках крашенки, мимо бабушек, идущих из церкви с просветлёнными лицами и несущих в узелках свячёные куличи. Люди при встрече христосовались, улыбались, шутили. Праздник!

Грушевская церковь святой великомученицы Варвары заслуживает того, чтобы о ней рассказать. Построена она в 1781 году, каменная и большая для деревенской церкви, внутри все стены расписаны. Говорят, что её расписывали итальянцы. Эта действующая церковь никогда не закрывалась. Раньше там была ещё одна церковь Ивана Богослова, находилась она на другом краю станицы. И сейчас там стоит — обезглавленная, разорённая, нагая! Я смутно помню, как с кем-то из родственников ездила к ней на быках, — в неё свозили мешки с зерном, а теперь лишь голуби в ней живут. Хотя эта церковь не действует с послевоенных времён, у Грушевских казаков до сих пор сохранился обычай справлять престольный праздник в октябре, на день Ивана Богослова. Весь край станицы, который был когда-то приходом этой церкви, накрывает столы и ждёт в гости родню с другого края. Точно также в день святой Варвары — 17 декабря — другой край принимает у себя родню из того, уже давно не существующего прихода. В начале перестройки новоиспечённый союз казаков взялся было церковь восстановить, собрали немало денег, но потом деньги съела инфляция, а те, что остались, говорят, казаки пропили. Если я ошибаюсь, пусть они меня простят: за что купила, за то продаю.

Я и сейчас часто бываю в Грушевке. Она никуда не делась и всё так же уютно стоит под своей горой. Там по-прежнему Пасха — самый большой праздник в году, и престольные дни справляют, как и прежде. Только кирпичные стены современных домов никто уже не белит, крашенные заборы никто не желтит, да и внутри у многих уже давно евроремонт. Стоит теперь станица зимой и летом одним цветом, но в пасхальный праздник её также старательно украшают своим буйным цветением вишни и груши.

Номинация «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»:

**Диплом II степени
Татьяна Александрова-Минчакова**

«ПАПКА, ПАПКА...»

Рассказ

В воскресное утро шестилетний Вовка проснулся раньше всех. Сентябрьское, яркое солнышко уже заглядывало в их маленькую хатёнку. Мамка ещё спала, разметав волосы по подушке, тихо посапывал в своей кроватке четырёхлетний Лёшка.

Лёжа на диване, Вовка смотрел на мать, мысленно приказывая ей проснуться. Ведь она сегодня должна ехать в город на базар, а заодно найти в городе папку и привезти его домой. Так она ему обещала вчера ещё до прихода гостей. Потом пришли — длинный дядька Петька и дядя Юра, которого в хуторе ещё называли уважительно — «столяр». Потому что он мог делать из дерева всё что угодно: столы, стулья и даже гробы, которые ему в основном и заказывали. У него была своя мастерская, где Вовке было очень интересно: там жужжит циркулярка, летят стружки и так здорово пахнет лесом.

Вчера гости пришли с бутылками водки и закуской, а им с Лёшкой принесли конфет. Дядя Юра получил расчёт за работу, как он похвалился — «со-стругал соседке новую лавочку» — вот и засиделись они у мамки допоздна — пропивали заработанное.

Вовка не мог дожидаться, когда они уйдут. Он не хотел, чтобы мамка снова напилась, ведь тогда она забудет своё обещание — найти папку, который уехал от них, когда Вовке было всего два года, а Лёшка только родился. Вовка совсем его не помнил. Мать не любила о нём рассказывать, только говорила, что живёт он где-то в городе, работает, алименты им выплачивает.

Александрова-Минчакова Татьяна Ивановна, член Союза писателей России, детский прозаик, автор двух книг прозы для детей.

Жиёт и работает в г. Миллерово Ростовской области.

Вовке очень хотелось, чтобы он вернулся к ним. Он всё время представлял себе какой его папка...

Может, такой, как дядя Витя — отец его друга Сашки. Он работает на комбайне, убирает в поле хлеб. Дядя Витя большой, загорелый с добрыми глазами, когда он возвращается с работы домой, его одежда пахнет соляжкой и пылью. Вовка часто видел, как Сашка бежит ему навстречу, и тот подхватывает его своими сильными руками и сажает себе на плечи. Как же Вовка завидовал своему другу.

«А может мой отец вовсе не на комбайне работает, откуда там в городе комбайны возьмутся, мамка рассказывала, что там везде асфальт, — рассуждал Вовка, — Может, он милиционер? Вот было бы здорово!» Милиционеров Вовка уважал. У него даже книжка есть про дядю Стёпу-милиционера. В книге красивые картинки. Мамка раньше ему её читала, а теперь Вовка пересказывает Лёшке. Дядя Стёпа такой большой, добрый и смелый. Да, наверное, все милиционеры такие. Когда однажды у них в доме подрались мамкины гости, соседи вызвали участкового. Тот быстро всех успокоил, а одного даже в отделение увёз на милицейской машине. На участковом красивая форма, и он смелый, как дядя Стёпа. А вот Вовка и Лёшка драчунов испугались и под кровать залезли. И тогда Вовка подумал: «Вот жил бы с нами папка — тут бы никто не дрался, может и мамка бы не пила». Вовке было жаль мамку, она была доброй и ласковой с ними, только как говорили соседи — «слабохарактерной», поэтому и пила. Из-за пьянства её и с работы недавно выгнали. Жили на алименты, которые она тоже часто тратила на водку.

Вовка вдруг почувствовал, как у него заурчало в животе. Хотелось есть. Мать зашевелилась на своей кровати, мальчик обрадовался — просыпается! Но она перевернулась на другой бок, и продолжала спать. Вовка поднялся, подошёл к столу на котором стояли пустые бутылки, пепельница с окурками, кусок засохшего хлеба и колбасная кожа. Засохший хлеб его не привлёк. Он пригладил рукой кудлатые, жёлто-серые от давней немытости волосы, нацепил замусоленные штаны, майку серого цвета и вышел на улицу.

Двор встретил его птичьим гомоном: у соседей кукарекал горластый петух, лопотали утки, им вторили зычным гоготом гуси. Он подошёл к забору, приподнялся на цыпочках и оглядел соседнюю территорию. Бабушка Стеша копалась в огороде на грядке с помидорами. Увидев чумазую Вовкину мордочку, спросила:

— Ну, что Нахалёнок, проснулся?!

Вовка молча кивнул. В хуторе его все звали Нахалёнком. Почему? Он и сам не знал. Но говорили, что похож он на какого-то мальчика из книжки. Ну, похож так похож, Вовке было приятно, вот вырастет, пойдёт в школу, научится читать и обязательно эту книжку прочтёт. От дома соседей потянуло чем-то жареным, мальчик сглотнул слюну.

— Баб Стеша, а Сашок ещё не проснулся?

— Да, ну... рано ещё, семи нет! А ты чего это в такую рань? — спросила соседка, не отрываясь от грядки.

— Мамку сейчас будить буду. На базар она собралась ехать.

— Да уж, жди! Поедет она! Небось вчера опять напилась? Видела: шли от вас её друзья.

— Напилась, — обречённо выдохнул Вовка и добавил уже с надеждой в голосе, — Но она обязательно поедет, она обещала!

Баба Стеша с трудом разогнула спину, в одной руке у неё был сорняк, в дру-

гой она держала корзинку с буро-красными помидорами. Вовка не отрываясь, смотрел на них, представив на мгновение, как можно было бы сейчас вцепиться зубами в сочный помидор. Бабушка перехватила взгляд ребёнка:

— Голодный небось, сейчас вымою и принесу тебе.

Через некоторое время Вовка уплетал большой бутерброд с колбасой, заедая его сочным помидором. Соседка жалостливо качала головой.

— Совсем обнаглела твоя мамка, не кормит вас. Вот пожалуемся на неё в поселковый совет.

— Не надо жаловаться, она не обнаглела, она хорошая, она нам сегодня папку привезёт, — стал горячо оправдывать свою мать Вовка, поспешно пережёвывая еду.

На половине бутерброда он остановился и решил, что это надо отнести в дом — брату и главное — мамке, пусть перед поездкой подкрепитя. Баба Стеша поглядела ему вслед, покачала головой и тихо сказала:

— Ищи-свищи вашего папку. Алименты присылает и за то спасибо.

Мать всё ещё спала. Вовка подошёл к ней, тронул за плечо.

— Мам, мам, вставай, на базар надо ехать, в город, ты же собиралась!

Та в ответ что-то промычала.

— Мам, мам, — продолжал трясти её Вовка.

Наконец, она открыла глаза.

— Сыночек, дай ещё поспать, я поеду, поеду, но ещё рано.

— Ничего не рано. Все на базар в это время едут.

Женщина тяжело вздохнула и поднялась. Она сидела на кровати и смотрела по сторонам рассеянным взглядом.

— Сейчас, сынок, сейчас... раз обещала, поеду...

Затем она подошла к столу. Оглядела оставленный с вечера беспорядок, покачала головой, будто осуждая себя за вчерашнее, налила в кружку из чайника воды и судорожными глотками выпила. Вовка подsunул ей половину бутерброда.

— Мама, ты покушай, баба Стеша дала.

Мать отмахнулась.

— Отдашь Лёшке.

Она быстро собралась, достала из-за печной перегородки кошелек, в котором ещё оставались деньги от недавно присланных алиментов, и торопливо сказала:

— Вова, я поеду, а ты за Лёшкой приглядывай.

— Мам, а ты папку точно найдёшь?!

Мать кивнула головой и, не оглядываясь, пошла из дому. Вовка, провожая её до калитки, настойчиво повторял:

— Ты обязательно его найди. Я буду ждать. Найди, мам!

Послеобеденное сентябрьское солнце палило по-летнему. Вовка сидел на лавочке возле дома и ждал мать. Вот вдали, на дороге, ведущей от автобусной остановки, показались женские фигуры. Вовка всматривался в них, прищурив от солнца глаза, надеясь разглядеть знакомую мамкину кофточку в горошек и тёмную юбку, но, увы, когда женщины подошли ближе, матери среди них не было. Автобусы ходили в город и обратно каждый час, это Вовка знал. «Может на следующем приедут», — с надеждой подумал он. Но и следующим рейсом мамка не приехала. Голопузый Лёшка ходил по двору и канючил: «Кусать, кусать хочу...» В четыре года он ещё плохо разговаривал.

Вовка решил: «Надо ехать в город за мамкой, вдруг она потерялась где?..» Он знал как пройти к автобусной остановке. Это совсем недалеко.

Когда двое детей зашли в автобус, кондукторша удивлённо на них глянула и строго спросила:

— Это куда вы направляетесь?

— К мамке на базар, она там нас ждёт! — уверенно заявил Вовка.

— Да? Ну если ждёт... А вы там не потеряетесь?!

Вовка отрицательно помотал головой.

Въехали в город. За окном мелькали большие многоэтажные дома. Вовка с Лёшкой прилипли к окну. Они впервые видели город и им всё было интересно. В автобус набилось много народу. «Рынок», — объявила кондуктор. Но, засмотревшись в окно, Вовка на объявление кондуктора никак не отреагировал, тем более, что такое рынок он не знал, мамка ведь поехала на «базар». Когда через остановку кондукторша увидела их в автобусе, то закричала:

— Что же вы у рынка не вышли, теперь проехали свою остановку, а ну, да-вайте, выходите. И пешочком назад дуйте, мамку свою встречайте.

Вовка ссадил брата со ступенек автобуса. И они пошли назад, туда куда махнула рукой кондукторша. Вскоре он увидел большую арку в которую входили и выходили люди. «Вот он базар, — решил Вовка. — Мамка рассказывала, что на базаре очень много людей, они продают и покупают разные товары и продукты.»

Вовка с братом остановились возле входа. Мальчик правильно сообразил — это был базар или городской рынок. Долго стояли дети у входа, Лёшка устал и присел на корточки. Людей сновало всё меньше, мамка не появлялась, хотелось есть. Рядом старушка торговала семечками и угостила их. Какой-то дядя ел мороженое и пристально смотрел на них, а потом купил им тоже по мороженому. Они быстро его съели, но не насытились. На вопросы незнакомого дяди, Вовка сказал, что ждут маму, и он от них отстал. Старушка, торговавшая семечками, достала из сумки булку хлеба и отломилла им по большому куску.

— Может, вы мамку свою прокараулили? Скоро и рынок закроют. Вам надо домой ехать, она, наверное, там вас ждёт! Где вы живёте?

Но Вовка ничего ей не ответил. Он и сам уже подумывал, что нужно ехать домой, но как теперь туда добраться, не знал. Автобусов в городе ходило много, а какой из них идёт в их хутор, — кажется его хуторские называли «пятый» или «пятнадцатый»... Он потянул брата за собой. Старушка посмотрела им вслед. «И откуда они такие?» — прошептала она, качая головой.

А в это время Леночка Павлова спешила в гости к подруге. Они не виделись с тех пор, как Лена вышла замуж. Прошло без малого полгода. А тут муж уехал в командировку, и появилась возможность выбраться к подруге. Леночка решила сначала зайти на рынок и купить что-нибудь к чаю, но увы, рынок уже опустел, продавцы складывали товар, закрывали ларьки. «Ну, что ж, куплю что-либо в магазинчике по пути», — решила девушка. Она собралась было переходить дорогу, и тут увидела идущих по обочине двух маленьких детей. Вид их удивил девушку. Старший был очень худеньким, его светлые волосы цвета грязной соломы, видно, никогда не знали расчёски и потому торчали в разные стороны, на нём была линялая майка, её тонкая лямка свисала до локтя ребенка, на ногах рваные сандалии из которых торчали пальцы, а младший и того хуже — шёл

босиком, а ведь к вечеру в сентябре уже не жарко. Сердобольная Леночка не могла пройти мимо.

— Дети, куда вы идёте? И где ваши родители? — спросила она.

Вовка глянул на незнакомую тётю с золотыми волосами. «Какая красивая! — пронеслось у него в голове. — И глаза добрые». Он уже устал отвечать всем на вопросы, а тут охотно объяснил:

— Мы маму встречали с базара. А она, видно, домой уехала, мы её проглядели. И теперь туда идём.

— А где же ваш дом? — продолжала допытываться Леночка, мучительно припоминая, кого ей напоминает этот взъерошенный пацанёнок с веснушчатым лицом и глазами-щёлочками. «Да, да он похож на того мальчугана — «Нахалёнка из фильма!».

— Далеко... — охотно продолжал отвечать мальчик. — Там нет больших домов. Мы в хуторе живём.

— А как он называется?

Вовка замолчал. Он забыл как называется его хутор, такое длинное было название из двух слов...

— Раз ваш хутор далеко, то туда надо ехать. Что молчишь? Вспоминай как он называется. Я отвезу вас домой!

— Я забыл, — сказал мальчишка и опустил голову.

«Наверное, они голодные, — подумала девушка. — Что же мне с ними делать? Видитмо, надо обратиться в милицию!».

Леночка лихорадочно соображала: куда повести детей — к себе домой, это далеко. К подруге ближе, тем более, что у той есть телефон, и она сможет позвонить в милицию.

Дети послушно пошли за Леночкой. Подруга жила в частном доме. Она открыла Лене калитку и, увидев детей, удивилась:

— Где ты их нашла, таких чумазных?! Только не веди их в дом. На них ведь всякой заразы полно! Пусть стоят возле ворот.

— Лера, ну что ты?! Какой заразы, это же просто дети, они потерялись, голодные... Я сейчас от тебя милицию вызову, пусть разыщут, чьи они.

На их голоса вышел муж подруги.

— О! Боже, кого ты притащила к нам в дом?! Каких-то беспризорников! — возмутился он.

— Эти дети потерялись.

— Ну, и вела бы их к себе... Макаренко!

— Я сейчас от вас милицию вызову, пусть отвезут их домой.

— Только не вызывай сюда. Ещё нам тут милиции не хватало, — грозно заявил хозяин дома.

Леночка не ожидала такого приёма. Она всегда считала своих друзей людьми добрыми и отзывчивыми.

Но всё же позвонить они ей разрешили. И Лена сказала дежурному по отделению, что будет ждать машину возле универсама, который находился неподалёку. Всё это время дети сидели на корточках возле ворот дома. Они были похожи на прижавшихся друг к другу маленьких бездомных котят. Леночка глядела на них, и её сердце сжималось от жалости. Подруга сунула детям по большому бутерброду с сыром и колбасой и выпроводила всех за калитку.

Молодой лейтенант составил протокол. Девушка подробно рассказала, где

Литературный конкурс в честь 110-летия со дня рождения М.А. Шолохова она встретила детей. Старший мальчик что-то путано и сбивчиво объяснял про свою мамку, которая поехала искать отца, а они отправились за ней. Но где они живут и откуда приехали толком объяснить не мог.

— Куда же вы их повезёте? — спросила Леночка.

— Пока в приют. Будем разыскивать их горе-родительницу, а там видно будет.

Определив детей, Лена пошла домой, по пути размышляя о судьбе этих детей, которые были на самом деле похожи на беспризорников.

В приюте мальчишек приняла дежурный воспитатель. Они с нянечкой быстро приготовили детям необходимую одежду и повели их в ванную. Оттуда Вовка с братом вышли неузнаваемыми: чистыми и одетыми во всё новое. Даже непокорные Вовкины вихры усамились, попав под густой гребень. «Завтра парикмахер придёт — пострижёт», — сказала нянечка. Детей покормили ужином, от которого их разморило, и уже засыпая в кровати с чистым бельём, Вовка размышлял: «Вот когда мамка отца найдёт, они тоже будут хорошо кормить их с Лёшкой, а папка обязательно купит такую же ванную, куда можно наливать много горячей воды с душистой мыльной пенкой».

Целый месяц Вовка с братом находились в приюте. Им здесь нравилось, тут столько разных игрушек, книг. С ними занимаются воспитатели, Лёшку учат говорить. Они уже привыкли быть сытыми и чистыми, аккуратно постриженными, но у Вовки короткие волосы на голове всё равно топорщились, как будто пух одуванчика, и это вызывало смех у других мальчишек. «Ну, и пусть смеются, — думал Вовка, — зато у нас с Лёшкой есть мамка и скоро появится папка, а у других почти ни у кого нет родителей, и к ним никто не приходит».

Однажды утром, воспитательница подозвала Вовку.

— К тебе пришли, пойдём со мной.

Мальчик обрадовался, конечно же, это мамка пришла за ними и, может быть, с отцом...

Воспитательница вывела Вовку на улицу, там во дворе он увидел мать, а рядом с ней стоял... милиционер. Вовка обрадовался — он ведь правильно думал, что его отец — милиционер! Мальчишка со всех ног кинулся к ним навстречу. Воспитательница пыталась его остановить, но куда там! Он бежал, раскинув руки, и кричал: «Папка, папка...». «Папка-милиционер» почему-то удивлённо и растерянно смотрел на него. Но разве это могло омрачить Вовкину радость. Он со всего размаху уткнулся в «папу», обнимая его и доверчиво прижимаясь к нему своим щупленьким тельцем. Милиционер положил руку ему на голову и погладил по белобрысым вихрам. Вовка искоса глянул на мать, ему хотелось увидеть, что она тоже радуется, но та, почему-то плакала и приговаривала: «Сыночек мой, прости меня беспутную...» А ещё Вовка заметил на мамкиной руке, на запястье — металлическое кольцо, которое соединялось с кольцом на руке «папки-милиционера». «Что бы это значило?» — удивился Вовка и пытливо глянул в глаза «папки». «Вот такие, сынок, дела» — сказал тот и отвёл взгляд от растерянных мальчишеских глаз...

Анатолий Рощупкин

БЫЛО, НЕ БЫЛО...

Рассказ

Мои попутчики — суматошные и смешливые молодожёны Вовчик и Шурочка — сошли на ярко освещённый перрон вокзала большого областного города, и я остался один в купе, ещё хранившем запах полевых цветов, которые вчера вечером Вовчик купил своей любимой на какой-то маленькой станции.

Вскоре состав снова тронулся, набрал ход и резво побежал среди угадываемых в предутреннем полумраке станционных пакгаузов, одноэтажных домиков — мелькнула и пропала высокая водонапорная башня.

На часах было четыре, но спать не хотелось. И мне вдруг показалось, что я вернулся на тридцать лет назад, в тот день, когда ехал из армии. Я даже ощутил на плечах свой плотно подогнанный сержантский китель.

И ещё казалось, — вот-вот из-за поворота вынырнут совхозные сады, за ними — жёлтая стерня, потом — меловая гора с чахлой липой на самой вершине. Засветятся ранними огнями окошки райцентровских домов, от которых до моей Красноталовки всего три километра...

Тогда, тридцать лет назад, тоже был конец августа, из открытого окна вагона пахло смесью запахов поспевающей антоновки и хвойного леса, вплотную примыкающего к железной дороге — запахи эти заносил в вагон бойкий утренний ветерок.

Подхватив дембельский чемодан, купленный в Южно-Сахалинске, со станции я пошёл в свою Красноталовку. Помню, шёл по росистой траве, непаханому ещё жнивью, потом — по ковру жёлто-красных кленовых листьев, загребая его новыми офицерскими хромачами.

Шёл по знакомой с детства дороге. Первые лучи солнца уже били в глаза, Красноталовка была почти рядом, за мелким березняком, и я вдруг запел нашу строевую:

Рощупкин Анатолий Васильевич, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, прозаик, поэт. Автор нескольких книг прозы и поэтических сборников.

Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

*Ты прошла с солдатами,
Горами Карнатами,
Согревала ласково —
Серая шинель...*

На плацу танкового полка на правах «деда» и старшины третьей роты не пел, а тут меня проняло.

...Я подошёл к родительскому дому со стороны лесочка, и пока открывал старую калитку, меня облял наш пёс Кудлатый.

— Вот тебе и здрассте-пожалуйста, — сказал я весело, — ты что, Кудлатый, спятил или остарел?

Услышав мой голос, пёс затих и, завиляв куцым хвостом, побежал навстречу. Я потрепал его по хитрой лисьей морде и вошёл во двор.

Двор уже жил своей жизнью. В закуте вздыхала корова, хрюкнул голодный поросёнок, в курятнике наводил порядок петух. Вот он, дым отечества! Как будто — и не уезжал никуда...

Прогрохотал металлический засов изнутри хаты, и отец, маленький, подвижный, в неизменном сером, замызганном пиджачишке, уже сходил с высокого деревянного порога мне навстречу.

— Здорово, солдат! — Почти без всякого удивления с хрипотцой в голосе сказал отец, но по тому, как порывисто меня обнял, я понял: ждал, волновался...

— А я думал, чего тут Кудлатый разоряется, — отец смахнул слезу, — думал опять Надьки Гуровой гуси на наш двор зашли. Пошёл вон! — грозно крикнул отец Кудлатому, который сунулся было в открытую дверь хаты.

— Ну вот, сразу сердать, — я тоже обнял батю, почувствовав его худые, жилистые плечи.

— Какой там — сердать. Я ныне тихий стал. С этим делом, — отец щёлкнул себя по горлу, — можно сказать, завязал. У нашей матери не забалуешь...

На порог, легка на помине, вышла мама. Ещё больше раздобревшая, простоволосая, в старом, знакомом с детства, синем халате, она тяжело спустилась с порога. В руке держала ведро — шла доить корову. Увидев меня, охнула, присела на ступеньку, заплакала. Тут же выскочила моя семнадцатилетняя сестра Марина. Ещё не причёсанная, босоногая, она кинулась ко мне, повисла на шее.

— Вот так и выходит — всё мать у тебя на последнем месте, — шутливо сквозь слёзы сказала мама. Я подошёл к ней, обняв, поцеловал в знакомые, чуть углубившиеся морщинки...

Что было потом?.. Завтракали на скорую руку. Я сидел на широкой лавке под образами и с удовольствием ел вчерашние, разогретые на электрической плите, щи. Отец начал было расспрашивать про службу, вспоминать свои «ратные годы», но мама решительно прервала его.

— Ты, Никифорыч, из ума, что ли, выжил. Отстань от сына. Успеешь наговориться. Пусть Сашок с дороги охолонет. А ты иди поросёнка режь. А то к вечеру народ соберётся — чем угощать будем?

То, что народ соберётся, что его надо будет угощать — было само собой разумеющимся делом. И отец безропотно встал из-за стола.

— Верно говоришь, Матрёна Ивановна. Пойдём, Сань, завалим кабанчика. Справный вышел. Я специально тебя дожидался, не трогал его, а давно пора... Тебе и карты в руки, — засмеялся отец, обнажив щербатые нижние зубы. — Поглядим, какой ты вояка, товарищ механик-водитель...

Пока выгоняли поросёнка, пока я чесал ему брюхо, отец искоса поглядывал на мою спину в тельняшке, и, словно забыв о том, зачем мы вышли во двор, спросил:

— Сколько у тебя учений там на Сахалине было?

— Четыре.

— Маловато. А ночных?

— Тоже не густо.

— Вот к нам в партизанский край танкисты генерала Катукова целый десант устроили. Вот это герои!

— Вы бы не болтали, а делом занимались, — мать уже шла от коровы с полным ведром парного молока.

— Ты, Матрёна, что въедливый старшина, — хмыкнул отец. — Не волнуйся, шас сладим дело. А ну, сынок, покажи класс...

Он протянул мне кривоватый, с отточенным лезвием тесак. Поросёнок, почувствовав неладное, вскочил на короткие ножки и в раскачку побежал по двору. Вскоре он забился в лопухах между сараями и затих.

Я повертел в руках нож и посмотрел на небо, уже голубое, щедро залитое солнцем, только над близким лесом всё ещё висели клочья утреннего тумана. Мне захотелось уйти в этот лесок, где чуть не каждое дерево было знакомо, где в холодке росла земляника, где пахло грибами и мятой... и я вдруг понял, что не могу выполнить желание отца. Куда-то ушла лихость, и даже выпитая рюмка водки не помогла настроиться на воинственный лад. Я подумал о том, что крестьянская, в общем-то, работа — валить скотину — оказывается не всякому крестьянину по нутру...

— Эх ты, язви твою душу, — огорчился отец, увидев мою нерешительность. Он смачно, но не злобливо выругался и забрал у меня тесак.

— А ну, Сань, тяни его за нижние ноги, — вскоре закричал он, наваливаясь на боровка плечом...

Многое забылось с тех пор, а вот эта история с поросёнком почему-то задержалась в памяти. Потом был ужин по поводу моего приезда. Соседей набилось — целая хата. Я сидел в центре стола и отвечал на разные вопросы про службу на Сахалине.

Пахло свежей печёнкой, разваренной картошкой, самогоном-первачом, подкрашенным вишнёвым вареньем, малосольными огурцами, укропом...

Напротив сидела чёрноволосая, большеглазая Ленка, подруга сестры, и искоса то и дело бросала на меня взгляды. Ленку в деревне считали красавицей, а мне так не показалось — тогда мне нравились бойкие райцентровские девчонки с модными причёсками и в белых туфлях-лодочках. У Ленки не было ни причёски, ни туфель, и всё же там, на Сахалине, когда приходила тоска по дому, я кроме родителей вспоминал почему-то Ленку — просто-

волосую, весеннюю, в лёгком ситцевом платье и с улыбочивой ямочкой на правой щеке...

Ленка жила с непутёвой, крикливой, любившей выпить матерью, у которой никогда не было постоянного мужа, и с полоумным братом Костюхой — тихим и добрым. Ленка любила его, ухаживала за ним. Летом Костюха стерёг деревенских коров, бабы платили ему за это, но мать почти всегда отбирала деньги себе на выпивку...

Ленка, как говорили в деревне, с детства «бегала» за мной, почти не скрывая этого, несмотря на моё равнодушие к этому её «беганью». За день до отъезда в армию, возвращаясь из совхозного клуба, я встретил её у нашей хаты.

Она стояла спиной к забору, и в своём белом ситцевом платье в свете луны она вдруг показалась мне нездешней, незнакомой, будто пришедшей откуда-то издалека. Она стояла молча и смотрела мимо меня, куда-то за огороды, где в берёзовой роще ещё гуляла молодёжь, где под гармошку объездчика Петьки Кузнецова девчата выводили:

*Куда бежишь, тропинка милая?
Куда зовёшь, куда ведёшь?
Кого ждала, кого любила я,
Уж не догонишь, не вернёшь...*

— Уезжаешь? — неожиданно спросила Ленка, теребя поясok платья.

— Уезжаю. Труба зовёт...

— Знаю, я тебе безразлична... — Ленка не обратила внимания на мою иронию. — Но я всё равно буду тебя ждать...

Я обнял Ленку. От её волос пахло мятой и ночной свежестью. На мгновение она прижалась ко мне, и я почувствовал, как задрожали её худенькие плечи. Ленка завертела головой, пытаясь вырваться из моих рук, и я поцеловал её сначала куда-то в висок, а лишь потом в губы и, повернувшись, пошёл к калитке.

Во дворе я сел на лавку и стал думать про Ленкины слова. У меня было уже несколько «дружб» со станционными девчатами, я считался бойким парнем, а тут отчего-то заныло сердце. Будто ехал я, ехал, и включился внезапно тормоз. И заскрежетало на душе. Почему? Отчего?

Ленка всё ещё стояла на улице, я мог бы выйти к ней. Но если выйду, произойдёт что-то нехорошее, неправильное...

Так я думал тогда. И теперь через много лет я жалел, что не вышел, что не сказал ей в ответ добрых слов. Ведь тогда, может быть, впервые проснулась моя душа. И может быть, в тот миг окончательно простился я со своим детством...

Я слышал, как Ленка прошла совсем рядом, и шаги её стали удаляться — всё глуше и глуше, пока не стихли. Я сидел, привалившись спиной к забору, и мне почему-то хотелось плакать. Может быть, уходя в армию, я почувствовал свою вину и перед Ленкой, и ещё перед кем-то, кого обидел в своей прошлой жизни. А впереди меня уже ждала новая, взрослая жизнь...

...Рассвет только начал появляться в окне вагона, а моё чувство ожидания закончилось. До боли в сердце захотелось вновь увидеть родную деревню, сад за околицей, наш дом в том саду и пшеничное поле за ним.

Я ехал на свадьбу племянника, ехал без особого желания. Просто ляпнул год назад розовощёкому лохматому увальню Лёне, что — да, приеду на их свадьбу с Ритой, и теперь не мог не сдержать слова.

Ехал я один, — более двух лет мы с женой в разводе, а сын Колька лишь рассмеялся, когда я позвал его с собой с Красноталовку.

Лёня, сын сестры Марины, работал трактористом в совхозе, чудом сохранившимся в нашей деревне. Племянник мне нравился своей степенностью, рассудительностью, полным отсутствием интереса к передаче «Пусть говорят» и всяким электронным прибабасам. В прошлом году, когда я приезжал в отпуск, Марина отозвала меня в сиреневую аллею возле их большого кирпичного, под оцинкованной крышей дома и вдруг всхлипнула:

— Лёнька-то мой с ума сошёл, — к Ритке Кожуховой прилип, как репей...

— Ну и что? — спросил я. — Ритка, так Ритка. Тебе-то что?

И тут я вспомнил эту грубоватую рослую блондинку, похожую на скульптуру «девушка с веслом».

— Как «что», Саша? — Марина опять всхлипнула. — Ритка эта с Жоркой Сутягиным путалась в прошлом году. Недели две жила у них во флигеле. А перед Новым годом бросил её Жорка и уехал в Москву. Говорят, женился и охранником там в какой-то фирме устроился... Господи, зачем мне всё это! И не знаю, — что делать?

— А что делать? Ничего делать не надо. А если любовь у них, Маша?

Я назвал сестру так, как называл в детстве, и она почувствовала, что мне не безразлична её тревога, долго молчала, хотя слёзы катились по её крепким смуглым щекам.

— В конце концов, Василий-то твой что про всё это думает?

— Уж он придумает, — Марина устало махнула рукой. — У него одна работа — хозяйство. Каждый год что-нибудь пристраивает, расширяет, закупает. Недавно ларёк пивной открыл. Очень хороший у меня муж! Только надоело всё. Ни разу толком в отпуск не съездили. Не поверишь — в Москве ни разу не были. Жить-то когда, Саша?

Марина повернулась и пошла к дому, освещённому изнутри электрическим светом. Мне стало жаль её, но что я мог сделать, чем помочь?

...Теперь я ехал на свадьбу, зная, что всё уладилось. Уладилось же как-то... На станции, едва вышел из вагона, меня окликнул Лёня — хорошо подстриженный, по-прежнему розовощёкий, но слегка похудевший.

— Дядь Саш, транспорт подан, — Лёня подвёл меня к мотоциклу с коляской. — Садись, пожалуйста...

Свадьба была не слишком многолюдная, но по-деревенски шумная. Сто-

лы с угощениями стояли под яблонями, пожелтевшие листья падали порой на тарелки, и никто на это не обращал внимания. Я увидел много знакомых лиц — родственников, соседей, но больше — незнакомых, молодых, видимо, друзей жениха и невесты. Муж сестры Василий демонстративно не прикасался к спиртному, ходил подле столов, распоряжался, кому-то делал замечания, что-то шептал тамаде...

Я откровенно скучал. Заметив это, ко мне под села сестра, обняла, поцеловала в щеку, начала благодарить за подарок — конверт с деньгами: успела, видимо, пересчитать; потом начала вспоминать наших родителей, которые давно покоились на деревенском кладбище.

— Ну, как дела на заводе?

— Хвалиться нечем, но пока держимся...

— А Валентина? Не сошлись?

— Нет...

— Ох, братик мой дорогой, что-то судьба тебя не жалует? — Сестра заплакала. — Ты ведь у нас в Красноталовке всегда первым парнем был. Может, зря уехал?

— Ты свои «охи» прекрати. У каждого своя судьба-дорожка...

— Были люди на этой дорожке, кто любил тебя, да ты того не оценил, мимо прошёл. — Марина полотенцем вытерла слёзы.

— Это ты про Ленку? Кстати, где она, твоя верная подруга? Что-то не вижу её среди гостей?

— Спихватился! — Сестра грустно и, как мне показалось, с презрением усмехнулась. — Ждала тебя лет пять после того, как ты в город укатил. Всё надеялась. А как узнала, что женился, вышла за одного плюгавенького командировочного инженеришку, — он на маслозавод приезжал монтировать оборудование. Увёз он Ленку нашу в Москву. Родила она дочку, потом сына. Поначалу писала мне исправно. Но последние года полтора — молчок. Я послала ей приглашение на Лёшкину свадьбу, да сомневаюсь, что приедет. Она нынче фирмой какой-то руководит. Он, «плюгавенький-то», с головой оказался. Успел там, что надо, приватизировать, бизнес организовать... Мать её померла, как раз в тот год, когда Лена с инженером познакомилась, но Костюху она не бросила. Так и сказала жениху: «Или брата с собой заберём, или никуда с тобой не поеду». — Забрали...

Поздними сумерками, когда в саду стало особенно темнеть, на высоком столбе включили сразу две электрические лампочки, и в их свете стали видны лица подвыпивших гостей. Ко мне подошёл Василий, уже изрядно пьяный, и начал доказывать, какой он добрый хозяин, как он облагодетельствовал мою сестру, и что для молодожёнов выделил и флигель, и мотоцикл, и первотёлку с курами.

— С курами? — переспросил я, невольно сдерживаясь, чтобы не послать зятя в одно место.

— С ими, — пьяно икнул Василий, — целых восемь штук... А что, мало? Ещё дам, нам не жалко... А вот ты, Александр, что имеешь? А? Что Кольке своему выделил?

Я встал из-за стола, неосторожно опрокинув бутылку с тёмным вином, и Василий, несмотря на свою хмель, метнулся к бутылке, подхватил её и тщательно завинтил пробку.

В саду становилось всё темнее, но я всё же различал знакомую тропинку среди деревьев. Местами она сильно заросла травой и я, пока дошёл до нашего бывшего двора, изрядно промочил в росе коричневые чешские туфли.

Забор покосился, кое-где просто лежал на земле, отцовский дом сиротливо и одиноко стоял без построек и сараюшек, давно сгнивших или растащенных на какие-то нужды соседями.

Где-то на горизонте догорала вечерняя заря, в её свете я едва различил деревянные ступеньки. В доме давно никто не жил, но я всё же решил войти. Едва ступил на ступеньку, как она треснула подо мной, и мне показалось, — я упал, но, наверное, это только показалось, так как в следующий миг я опять шагнул дальше, и дверь открылась почему-то без стука щеколды...

В сенцах пахло подгнившим сеном и мышиным помётом, под ногами шатались старые доски пола. Открыв дверь хаты, я осторожно заглянул внутрь. Старый дубовый стол по-прежнему стоял у окна, заслонка загораживала печное отверстие, а на железной кровати, где когда-то спали мать с отцом, лежали свёрнутые старые матрацы.

Треснувший посередине, четырёхугольный репродуктор, купленный отцом в конце пятидесятых годов, криво висел на стене, затянутый паутиной. Рядом молчали ходики с кошачьими глазками. Паутиной был затянут и угол, где когда-то висели иконы. Лишь старые тёмные занавески висели на своём месте, напоминая о святом угле, перед которым так много раз молилась мать.

Щёлкнув выключателем, я понял, что света нет, и наугад шагнул мимо чёрного чулана во вторую маленькую комнату, где когда-то стояла моя деревянная кровать, сделанная руками отца. В темноте я шагнул неловко, ударился головой о низкую притолоку, на которой раньше висела люлька, сплетённая из ивовых прутьев — сначала моя, а потом Маринкина...

Растирая шишку на голове, я вдруг услышал, как... пошли старые часы. Меня это почему-то не удивило, не удивили и знакомые голоса, слышавшиеся в сенцах.

— А картошку убирать завтра всё же пора, — слышался голос матери. — Ты, Алексей, сходи с утра к Ивану Андреевичу, попроси лошадку с сохой...

— Не в первой, — ответил отец, усаживаясь на лавку под образами.

Мать щёлкнула выключателем, зажёгся свет, и из-за занавески на привычном месте я увидел иконы и целёхонький белый репродуктор; кошачьи глазки на часах бегали туда-сюда.

— Давай выпьем, Матрёна, — сказал отец и откупорил бутылку.

— Опять ты за своё! — Мать, недовольно бурча, захлопотала в чулане, загремела заслонкой. — Вот Сашок с армии придёт, я ему расскажу про твои художества...

— Сашка? Да он меня поймёт. — Отец крикнул и опрокинул стограммовый стаканчик. — Он у нас герой... Кто в Красноталовке ещё в танковых войсках служит? Никто. А он служит. Туда абы кого не берут...

Я видел, как мать села на лавку под образами рядом с отцом и подпёрла голову руками.

— Опять Маринки нету, — вздохнула она, — опять со своим говоруном гуляет; ох, не нравится он мне, больно жадный. Не верю ему...

— А почему не веришь? — Отец опять забулькал. — А я верю. Молодец Маринка: за Васькой будет, как за каменной стеной.

— Поздно уже, — сказала мать, — ложись, Алексей, а то глядь, утром и сын из армии придёт. Ведь телеграмма-то вчера была... А что касается — с кем ему быть, он, думаю, уже выбрал. Ленка Маруськина ему по душе...

— Дура ты тёмная, — отец поперхнулся, — кто Сашка и кто она? Ведь он писал, что в институт наметил поступать, а она восемь классов кое-как кончила.

— Ложись, ложись, — сказала мать, — без тебя разберутся...

— Как ложись, если ты такие темы поднимаешь, — заартачился отец. — Симка Котова, Ивана Андреевича дочка, председателя нашего, — вот кто Сашке пара. Дом-то у них какой! А с лица воду не пить...

— Нет, хорошая Елена, — не унималась мать, укладываясь на печи и укрываясь лоскутным одеялом, — славная девушка, не только красивая, но и умная, работающая, не чета Симке-белоручке...

— А мать у неё кто, у Ленки твоей? — спросил отец, — позора хочешь на нашу голову...

— Иди спи, генерал какой нашёлся, — мать повернулась на бок и задвинула за собой полосатую сатиновую занавеску.

— А ну тебя к лешему, — отец, покачиваясь, направился к кровати. Он прошёл совсем рядом со мной, я бы мог тронуть его за ногу, но руки не слушались меня, словно одеревенели. Отец с размаху повалился на постель, оглушительно заскрипев железной сеткой кровати.

Свет они выключить забыли. И, когда в хате совсем затихло, я медленно встал и на цыпочках пошёл к двери. Обычно — скрипучая, дверь легко, будто её смазали солидолом, открылась и, осторожно пройдя через сенцы (пол подо мной тоже не скрипнул), я вышел на улицу.

Была уже ночь. Из-за туч медленно выползала луна. Оглянувшись на наш дом, я не увидел света в окнах, но удивиться не успел, очередная деревянная ступенька треснула подо мной, и я упал, ударившись головой о что-то невидимое, наверное — старую трухлявую скамейку...

Очнувшись, я не увидел, а, скорее, почувствовал Ленку. Она стояла на коленях рядом со мной и поддерживала мою голову руками.

— Как ты себя чувствуешь? — Ленка прижалась ко мне щекой, и я почувствовал на её щеке слёзы.

— Всё хорошо, — ответил я, приподнимаясь и садясь на траву, — что ты плачешь? Всё нормально, видишь — даже крови нет...

Мне действительно было хорошо: голова не болела, тихая радость медленно оживала в глубине души.

— Ты извини, я сейчас, — сказал я Ленке и опять пошёл в хату. В сенях вновь под ногами задвигались доски, заскрипела дверь, которую я быстро

распахнул. Где-то в темноте хаты застрекотал сверчок, и сквозь маленькое оконце, освещённое снаружи луной, было видно, что на стене по-прежнему висят безжизненные часы, рядом покосился репродуктор. В углу не было никаких икон...

Трудно было поверить, что я видел своих родителей во сне, а может быть, я сразу упал с порога и так пролежал до появления Ленки...

Думая обо всём этом, я вернулся на улицу.

Тучи совсем ушли, уплыли за берёзовую рощу, теперь уже во всю светила луна, а совсем недалеко за деревьями продолжало шуметь свадебное застолье.

Ленка села на траву, я устроился рядом.

— Откуда ты взялась? — спросил я.

— Могла бы ответить как в анекдоте, но скажу как есть: на свадьбу Лёшкину приехала. Пригласила Марина, я приехала. Чуть ли не всем семейством. Но село есть село. Завязла «Хонда» наша в мокром чернозёме. Муж пошёл трактор искать, дочь с мужем охраняют добро, нажитое непосильным трудом, а я... Будто магнитом сюда, к вашему дому, потянуло... И надо же — не обмануло сердце. Я, собственно, и приехала, зная, что ты будешь на свадьбе...

— Лен, это правда? — у меня перехватило дыхание.

— Я тебя никогда не обманывала. Да и ты меня тоже, — она усмехнулась.

— Может, потому и захотелось тебя увидеть. Когда ещё придётся?

— Я тоже много думал о тебе. Особенно — последнее время. Как жаль, столько лет упущено...

— Как говорится, что Бог не делает... — Ленка достала из сумочки сигареты, щелкнув зажигалкой, закурила. — Не предлагаю, слышала, ты с никотином не дружишь. И правильно!

Она погладила меня по голове, её прикосновение вызвало у меня умиротворённость, подобную той, которую я испытывал в далёком детстве, когда гладила меня по голове ладонью мать.

Я схватил её руку и поцеловал мягкую, сухую ладонь.

— Долго ждала я тебя, Саша! Много слёз выплакала, всё вспоминала нашу деревню и вечер перед твоим уходом в армию, поцелуй тот единственный...

Ленка раскурила сигарету, и в свете рубинового огонька я увидел её увлажневшие глаза.

— Видно, так уж устроено — хочется иногда думать о самом важном, что было в жизни, хочется вернуться туда, в молодость, да нельзя это сделать. Нельзя, Саша...

Она поднялись, я тоже встал. Мы оказались почти одного с ней роста. Ленка положила руки мне на плечи и нежно поцеловала в губы. Потом устало произнесла:

— Ну, прощай! Дай тебе Бог счастья! И — спасибо тебе, Саша...

Я хотел спросить: за что она благодарит меня, но не успел, так как Ленка быстро пошла вдоль покосившегося забора в ту сторону, где шумела свадьба.

Её фигура, пополневшая, но всё ещё статная, снова желанная, несколько минут была видна в лунном свете, пока Ленка не исчезла в тени яблонь старого сада...

Сергей Скончий

Привет, забытая страна! –
Из прошлой жизни, столь прекрасной...
Необъяснимая война
Мир затопила чёрной краской.
И люди веруют в обман,
И молкнут, будто в благочестье.
В глазах – и ужас, и туман...
А ненависть – превыше чести.
И каждый спорит «о своём» –
Предав себя... далёких... близких...
Мир «выживает» – день за днём,
За гранью страха, в «зоне риска».
Забытой жизни прежний мир –
Воспоминания и фото.
В нём каждый верил и любил...
Жил – для чего-то, для кого-то!..
Мечта помножена на ноль,
И мир – другой, иные люди:
Лишь страх и ненависть, и боль...
И миллион разбитых судеб:
Необъяснимая война
Мир затопила чёрной краской. –
Привет, забытая страна
Из прошлой жизни, столь прекрасной!

Скончий Сергей, поэт, 27 лет. Родился и сегодня проживает в городе Червонопартизанске (Украина).

Стихи пишет с юных лет. Тематика его произведений разнообразна — от патриотической до интимной лирики. Свои творения печатал в местных периодических изданиях.

В журнале «ДОН_новый» публикуется впервые.

Леонид Мелас

ЭКАЯ НЕВИДАЛЬ!..

ВЕРНОСТЬ

Нам ли молиться на сытость надменную...
Экая невидаль — снег к январю!
Мы объезжали, как лошадь, Вселенную
И сатанели от веры в зарю.
Напрочь откинув пустые сомнения,
Бездну мотали на новый аршин
И на обломках любви и смирения
Строили храм бескорыстной души. —
Сказочный мир затянуло болотами...
Мы не ушли под напором судьбы,
Мы затаились гремучими нотами
В бронзовом сердце сигнальной трубы.

Врасплох подхваченный потоком —
Плыву в сомнительную даль,
Не претендуя на пророка:
Мой стих потомкам — не скрижаль.
Как жаль, — река коротковата!..
Берёзки шепчут мне: «Смирись!
Кончина — божеская плата
За восхитительную жизнь».

(Отрывок из стихотворения «Москва»)

Мелас Леонид Валентинович родился в 1933 г. в городе Шахты Ростовской области. В прошлом — офицер-танкист. Издал три сборника стихов. Дипломант различных литературных конкурсов. В журнале «ДОН_новый» публикуется впервые. Живёт в Ростове-на-Дону.

Владимир Морж (Шевченко)

«ЖИВЁШЬ, НЕ ЖИВЯ...»

Аналитическое исследование романа Эрнеста Хемингуэя

«Иметь и не иметь»

С каждым, наверное, происходит совпадение, которое в последствии кажется знаковым. Я завершил работу над своей «Маленькой трилогией», состоящей из трёх повестей, и начал готовить этот текст по заданию, полученному на семинаре (Семинар при Союзе Писателей России). И мне для критического лит.анализа, совершенно закономерно, достался роман «Иметь и не иметь»!

И что делать? — Приходится держать «такой удар со стороны классика!»

1. Предыстория

Роман Эрнеста Хемингуэя «Иметь и не иметь» («To Have and Have Not») вышел в 1937 году. Структурно — состоит из трёх частей. Фактически это — три новеллы, которые объединены единым героем Гарри Морганом (первая — «Один из рейсов» опубликован в 1933 году, вторая «Возвращение контрабандиста» — в 1935 году, а третья часть написана специально для романа). Части имеют подзаголовки: «Весна», «Осень» и «Зима».

Роман трижды экранизировался в Голливуде — в 1944, 1950 и 1958гг.

Некоторые критики считали роман неудачным, но за эти годы, что прошли со дня выхода «Иметь и не иметь», «почему-то» написана масса вольных переложений «неудачного» романа. Например, перу Ирвина Шоу, у которого Эрнест увёл свою будущую (четвёртую) жену Мэри Уэлш, принадлежит экранизированный в СССР роман, совпадающий даже по названию — «Богач, бедняк». Такой вот «обмен».

Морж (Шевченко) Владимир, кандидат в члены Союза писателей России, прозаик, публицист, слушатель литературного Семинара при Ростовском РО СП России, автор нескольких книг прозы. В журнале «ДОН_новый» публикуется впервые.

Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

2. Содержание

Книга рассказывает об американском рыбаке Гарри Моргане, который, в силу обстоятельств, становится контрабандистом. Повествование относится к 30-м годам XX в., действие происходит на Кубе и в США.

В первой части («Весна») герой пытается «жить по закону». Его нанимают для рыбалки богачи, чем он и зарабатывает на жизнь. Последний клиент фактически обворовывает рыбака. Гарри вынужден принять предложение на перевозку китайцев с Кубы в США. Спасая китайцев, Гарри убивает организатора перевозки.

Во второй части («Осень») Гарри перевозит контрабандное спиртное в США. Последний рейс оказался неудачным: герой теряет руку, лодку конфискуют.

В третьей части («Зима») Гарри нанят для бегства «революционеров», которые грабят банк и везут деньги на Кубу. Опасаясь за свою жизнь, Гарри убивает террористов, но и сам получает ранение. В больнице он умирает.

3. Размышления

Название романа... «Иметь и не иметь» — а что именно? Что иметь и что не иметь? Здесь Хемингуэй «включает нам мозги». И читатель найдёт в романе массу обоснований такого названия: от социального неравенства до счастья.

Почему Хемингуэй убил Гарри Моргану? Автор ведь мог спокойно прилепить к роману «хэппи энд»: засыпающий от усталости хирург вручает пулю жене («Пусть носит пулю на груди на цепочке...»), радость, лобзания, кругленький счёт в банке, новенький дом, новая лодка, уверенное будущее, бесплатная выпивка в баре пожизненно...

А ведь такой сюжетный ход в романе был намечен (об этом думает и сам Гарри, и его вдова...)

Но герой умирает. И банально подчёркивает одну из ключевых идей Хемингуэя: «Жизнь — тяжела, мучительна и беспросветна, но её надо пройти от начала и до конца. А в конце нет ничего, кроме смерти».

Таков герой Хемингуэя.

И разве такой роман может считаться «удачным»? И в XX веке, и в современном обществе потребления подобные финалы и подобные идеи не приветствуются. Сейчас (в силу опять же естественных обстоятельств) истории принято раскрашивать весёленьким и лакировать, и жизнь перестаёт казаться «беспросветной»; романы должны нести только положительные эмоции, особенно после ужасных событий.

Ещё, любопытно: в романе с читателем происходит странная метаморфоза. Герой Хемингуэя — по поступкам, взглядам — не должен внушать симпатий, но я как читатель почему-то сопереживаю Моргану, дико сопротивляясь этому чувству.

4. О романе

Роман странный. Неровный, дёрганный, неловко слепленный из трёх разных

кусков, плюс нелепые «лирические отступления» в третьей части, не имеющие прямого отношения к повествованию (например, вставки с длинными диалогами третьестепенных персонажей).

Однако не уверен, что структура романа должна быть гладкой полированной доской или мачтовой сосной без сучка и задоринки. Я здесь представил себе кривую сосну на крутом песчаном берегу моря. Она невообразимым образом впиалась в дюну, но держится назло ураганам. Она кривая? Но разве она не естественна?

Три эти части романа неравноценны по «качеству»: первые две части «вылизаны», а третья написана как бы наспех — в её сюжет попали рассуждения пьяной американки, рассказы о «жителях» богатых яхт, мимо которых ведут лодку с трупами и умирающим героем... Именно в третью часть попали неожиданные удивительно сочные и пёстрые описательные куски (гл. 20, 22, 26...), хотя на краски автор в романе очень скуп. И эти вставки как бы подчёркивают: мир не обрушивается с гибелью героя, мир живёт сам по себе.

Ну и — рваная стилистика. Повествование от первого лица, от третьего, потом вновь от первого, но уже с точки зрения другого фокального персонажа... С одной стороны это понятно, если вспомнить историю создания романа. Но с другой стороны это — триптих, что совсем не предполагает однообразия стиля и писательского решения той или иной части. Главное, что всё это сделано грамотно, пестрота кажется оправданной. Она органична.

5. Герой

Роман о неудачнике? Скорее, да, чем нет. Красавец, сильный человек, любим женой и тремя дочерьми, уважаем, но — неудачник. Против него играет сама Судьба.

Где-то читал, что в этом романе Хемингуэй со всей наглядностью показывает моральную деградацию своего героя.

Посудите сами.

В начале повествования Гарри Морган прорисован как честный, прямодушный, «нормальный» рыбак, у которого правильные и твёрдые взгляды на жизнь. Но потом он пал так низко, что ради наживы стал совершать преступления...

Логично?

Парадокс в том, что «падение» всё же совершается не ради наживы, а ради выживания. Морган как зарабатывал себе на жизнь, так и зарабатывает! И только в двух случаях он цинично «преступен»: когда сталкивается с преступниками. И, умирая, он сожалеет, что уже не сможет распорядиться случаем, не сможет помочь семье, хотя судьба ему дала, наконец, столько денег...

Но выходит, что герой от начала до конца остаётся цельным, мораль его такова, как это диктуется социальными условиями. И сложно требовать от него, чтоб он прыгнул выше головы.

Предсмертный шёпот Гарри Моргана: «Нельзя теперь, чтобы человек один...» Когда это «теперь»? Актуален ли этот вопрос сейчас? Сколько догадок о смысле монолога!

Вот он:

««Человек не имеет не может никак нельзя некуда.

— Человек. Как всё идёт теперь как всё стало теперь что бы ни было нет.

— Не надо себя морочить. Всё равно что на машине переваливать через горы. По дороге там, на Кубе. По всякой дороге. Везде. Так и тут. Как всё идёт теперь. Как всё стало теперь. Ненадолго да конечно. Может быть. Если повезёт. Человек.

— Человек один не может. Нельзя теперь, чтобы человек один. Все равно человек один не может ни черта».

Рассматривать этот монолог как протест против системы? Как осознание, что нужно неимущим действовать сообща?

Чепуха! Гарри остаётся самим собой до конца. Ответ в другом монологе Гарри, мысленном:

«Ему хотелось рассказать Фредди, чтобы хоть кто-нибудь знал, что он собирается сделать. Но он не мог ему рассказать, потому что он знал, что Фредди не пойдёт на это. Он теперь наживает большие деньги... Его нужда за горло не берёт. Гарри знал, что он не пойдёт на это. Я должен сделать это один, думал он, да ещё с этим злосчастным Элбертом. Господи, до чего голодный был у него вид, когда он стоял там, на пристани. Есть кончи (собиратели ракушек — В.М.), которые умрут с голоду, прежде чем решатся украсть... Но никто из них пальцем не шевельнёт. Будут умирать с голоду понемножку, день за днём. Они с рождения только этим и занимаются; не все, но многие.

— Я поеду один.

— Разве можно в такой рейс пускаться одному? — сказал Элберт».

Вот эти слова убитого террористами Элберта вспомнились Гарри перед смертью. Он не обобщает возникшую ситуацию, не думает о каких-то высоких материях. Он не «красный». Он знает только, что он один не справился, и не мог справиться, хотя и должен был действовать один.

6. Лето

Заметили? В романе нет подзаголовка «Лето»! Но лето всё-таки есть в романе! Это монолог жены Гарри после его смерти.

«Я пошла по Прадо в кафе, где меня ждал Гарри, и я так волновалась, что внутри у меня всё стянуло, — вот-вот упаду, и когда он увидел меня в дверях, он встал и не мог отвести от меня глаз, и у него был такой смешной, сдавленный голос, когда он сказал:

— Чёрт подери, Мария, ты прямо красавица!

А я сказала:

— Я тебе нравлюсь блондинкой?

— Не спрашивай ничего, — сказал он. — Идём домой, в отель.

А я сказала:

— Что ж. Идём, если так. — Мне тогда было двадцать шесть.

И такой он был со мной всегда, и я всегда была с ним такая. Он говорил, что у него никогда не было такой женщины, как я, а я знаю, что лучше его нет мужчины на свете. Я слишком хорошо знаю это, а теперь он умер...»

Что тут комментировать? Но лето было слишком быстротечно. Что ждёт Марию дальше?

«Как прожить ночь, если не можешь уснуть? Наверно, в конце концов, узнаёшь и это, узнаёшь ведь, как бывает, когда теряешь мужа. Наверно, узнаёшь, в конце концов. В этой проклятой жизни всё узнаёшь. Кажется, я уже начинаю узнавать. Просто, внутри всё умирает, и тогда всё очень легко. Живёшь, не живя, как очень многие люди почти всю жизнь. Наверно, так оно и бывает. Наверно, так оно и должно быть. Что ж, у меня хорошее начало. У меня хорошее начало, если это так, если это нужно. Я думаю, так оно и есть. Я думаю, этим кончится. Ну, что ж. У меня хорошее начало. Я ушла дальше всех».

Жизнь этой женщины была наполнена смыслом только с мужем. Настаёт бабье лето, пустое и чуть тёплое.

7. Язык

Удастся ли найти прозу, которая была бы суше и резче, чем у Хемингуэя? Проза жёсткая, шершавая, бездушная, мужская, — не слова, не фразы, а короткие автоматные очереди. Скупость языка, короткие формулы в сплошных диалогах.

Повествование исключительно сюжетное, всё подчинено главному: действию. Это сценарий? — Если бы не изнуряющие, на первый взгляд, диалоги (при экранизации практически все они были вырезаны).

Но диалоги содержат сюжетные подсказки, автор не собирался описывать текст, как летописец. Ну, и очевидно, что, в основном, через диалоги и монологи становится понятным то или иное действие героя и его мотивы.

И, знаете, этот «скупой» язык отчего-то и не нуждается в авторской раскраске! — Читатель обязательно найдёт радужные оттенки на этой чёрно-белой гравюре.

Как, например:

Описание смертей, нагромождение трупов, кровь... И «вдруг» — монолог жены Моргана. И тут сухой текст превращается в Роман о Любви. Где автор взял для этого такие естественные и нужные слова? О Любви, описанной так пронзительно, что хочется «врезать» героине по-хемингуэевски: «Да заткнись ты! Ты хочешь, чтоб я сдох от твоей боли?!»

Октябрь 2015г.

К 750-летию со дня рождения Данте Алигьери (1265 — 1321)

СВЯТАЯ РАТЬ ВЫСОТ

La Divina Commedia

Минуло 750 лет со дня рождения великого итальянского поэта, литературоведа, богослова, мыслителя и политика — Данте Алигьери (Дуранте дельи Алигьери).

В середине XII века в Европе постепенно набирало силу новое культурное движение — Возрождение, или Ренессанс. У первоисточков этого движения стоял Д. Алигьери. — Некоторые историки литературы считают его и представителем средневековья, и первым из титанов эпохи Возрождения. Ф.Энгельс писал: «Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это — итальянец Данте, последний поэт средневековья, и — первый поэт нового времени». В России к его творчеству обращались Пушкин, Гоголь. Не обошли вниманием его и поэты серебряного века, а именно — Блок, Брюсов. В творчестве Ахматовой образ Данте занимал значительное место. В стихотворении «Муза» упоминается Данте и первая часть «Божественной комедии» («Ад»). В 1936 году Ахматова написала стихотворение «Данте», где появляется образ Данте-изгнанника. В 1965 году на торжественном заседании, посвящённом 700-летию со дня рождения Данте Алигьери, Анна Ахматова прочла стихотворение «Слово о Данте», где она помимо собственного восприятия Алигьери, приводит упоминание о Данте в поэзии Н.Гумилёва и трактат О. Мандельштама «Разговор о Данте»...

В конце мая 1265 года во Флоренции, донна Бела Алигьери родила мальчика, которому дали имя Дуранте, сокращённо — Данте. Молодой Данте вращался в художественной, музыкальной и литературной среде, хотя ему пришлось вкусить и войну (сражался с Ареццо при Кампальдино, где он дрался верхом в первых рядах флорентийских войск, участвуя в осаде Капраны).

Начало литературной деятельности связано с новым направлением в истории итальянской поэзии, названным Данте школой «сладостного нового стиля», в которой преобладали гармония и благородство стиля, изысканность смысла. — Любовь подвергалась высокой идеализации, как возвышенное, облагораживающее чувство. Женщина, «мадонна», отождествлялась с небесным ангелом: кротким, скромным, добродетельным. По словам М. Андреева, юношеский роман Д. Алигьери «Новая жизнь» (написан: 1283-1292 гг.) — это «книга памяти, книга сердца, книга чувств и страстей», в которую помещены ранние стихи автора и биографические комментарии к ним. Предмет его обожания — Беатриче (Биче ди Фолько Портинари) — первая любовь, которую он воспевал до конца своих дней. Девушке не суждено было стать его избранницей — её жизнь оборвалась в возрасте двадцати пяти лет.

Род Алигьери принадлежал к партии гвельфов и выступал за слияние духовной и светской власти в руках римского первосвященника, то есть папы. Противоборствующая сторона (партия гиббелинов) держала сторону императора Священной Римской империи, издавна выбираемого из числа германских королей.

Являясь активным общественным деятелем, к 1300 году Данте получил должность одного из семи приоров республики. Но, как и его отцу и деду, Данте пришлось дважды претерпеть поражения и политическое изгнание вместе со своей партией, он был приговорён даже к сожжению на костре (в случае его возвращения или поимки).

В изгнании Данте поначалу «горел» гневом и жаждой мести; но оторванный от активного участия в общественных делах, он «остыл», ушёл в себя, а поэтические силы воспылали в нём ещё ярче. «Божественную Комедию» (1307-1321 гг.) — свою великую поэму, Данте написал именно в изгнании.

Изначально, название «Божественная...» не имело философского смысла. Сам Данте назвал свою поэму — согласно нормам античной поэтики, как произведение, завершающееся благополучной и радостной развязкой. «Комплимент» — Divina, божественная, — сделал автору (и поэме) писатель и поэт Джованни Боккаччо, выражая тем самым свой читательский восторг. Во все времена «Божественная комедия» Данте будет волновать вдумчивого читателя! Основательно в русскую культуру она вошла, благодаря замечательному переводу М. Лозинского. Работая над переводом более десяти лет, он завершал её в осаждённом Ленинграде (ныне — Санкт-Петербург), в тяжелейших условиях блокады. В разгар войны было издано «Чистилище»,

в год победы — «Рай». Просто случайность? Вряд ли. Это ли не повод перечитать творение автора, дерзнувшего сойти к средоточию зла, чтобы найти путь к свету?

Нельзя сказать, что поэма читается легко — каждым; но каждого, кто прочёл, долгое время не отпускает. «Клавишная прогулка по всему коридору античности. Какой-то шопеновский полонез, где рядом выступают вооружённый Цезарь с кровавыми глазами грифа и Демокрит, разъявивший материю на атомы», — так сказал о поэме О. Мандельштам.

Поэма изобилует примечаниями, что позволяет читателю глубже вникнуть в суть происходящего, что-то освежить в памяти, а с чем-то познакомиться впервые, обратиться к первоисточнику. Поражает чёткое, можно даже сказать, филигранное композиционное построение поэмы. Триединство — высший догмат христианства — таков её принцип. Вся поэма написана трёхстопными строфами (терцинами), состоит из трёх частей. Каждая часть — из тридцати трёх песен (годы земной жизни Иисуса Христа), которые в совокупности со вступительной песнью, дают число 100 (изотерический символ совершенства). Каждая часть делится на девять отделов плюс дополнительный десятый и заканчивается словом «светила». Символика «идеальных чисел» — «три», «девять» и «десять» — знакома нам по юношескому роману Алигьери «Новая жизнь».

«Божественную комедию» смело можно назвать вершиной поэтического мастерства. Конечно, поэт побывал в Болонье, в Париже, широко известными своими университетами. Но, как бы то ни было, а «десятилетие, прошедшее после «Новой жизни» — настоящий подвиг самообразования»!

Поэма Данте является необычайно гармоничным творением. Поэтика его до сих пор, даже с технической точки зрения, считается непревзойдённой. «Божественная комедия» состоит из трёх частей — «Ад», «Чистилище» и «Рай». Главным действующим лицом «комедии» являются сам Данте и его проводник Вергилий — древнеримский поэт, которого причисляют к одним из первых язычников, принявших христианскую идею. Автор проводит своих героев и читателя через все круги Ада, через Чистилище — к Раю. Он этим как бы демонстрирует путь для всего человечества к спасению души. В понимании смысла «Божественной комедии» важно то, что Данте высвечивает в ней глубинный смысл бытия, его трёхслойный состав: личную жизненную драму, мир природы, историю человечества.

Сюжет поэмы построен на аллегории. Данте — не единственный из средневековых поэтов, обратившихся к загробным толкованиям жизни после физической смерти человека, но то, как он выполнил своё творение, заслуживает восхищения! В поэме чётко прослеживаются две линии любви, выполненные невероятно одарённым мастером слова: возвышенной и светлой — к женщине, а также пронзительной, сыновней — к не менее дорогой его

сердцу Флоренции. Сказались годы, проведённые в изгнании, будучи дважды приговорённым к смертной казни, поэт разочаровался во многом:

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины...*

«Тот дикий лес, дремучий и грозный» предстал, как символ жизненных неурядиц и осложнений, в которых оказался тридцатипятилетний Алигьери. Восхождению поэта на холм спасения препятствуют три зверя: рысь, символизирующая сладострастие (кроме того, пятна на шкуре означают раздробленность, то есть борьбу гиббеллинов и гвельфов), лев — гордость, а также грубую физическую силу (намёк на Францию), и волчица алчная и похотливая — корыстолюбие (папа Бонифаций VIII, с которым Данте ассоциирует все свои беды). По большому счёту, эти звери угрожают национальному единству Италии, феодальной монархии, о которой мечтал автор. Заблудившегося и отчаявшегося поэта спасает древний римский мудрец, поэт, автор «Энеиды» — Вергилий, олицетворяющий чистый разум. Данте, доверяя ему всем сердцем, соглашается на путешествие в загробный мир, и оно начинается с Ада. Одной из вершин мировой литературы считается описание девяти его кругов. Над адскими воротами — мрачная надпись: «Ничто не вечно, я же — на века».

*Яви мне путь, о коем ты поведал,
Дай врат Петровых мне увидеть свет
И тех, кто душу вечной муке предал.*

Подкупает открытость автора, его предельная искренность. Он не боится показать читателю свою неуверенность, внутреннее беспокойство, неосведомлённость — что и создаёт особую притягательность, некую химию, если можно так выразиться.

*Я начал так: «Поэт, вожатый мой,
Достаточно ли мощный я свершитель,
Чтобы меня на подвиг звать такой?»*

По христианской мифологии, Ад сотворён триединым божеством: отцом (высшей силой), сыном (полнотой всезнания) и святым духом (истинною любовью) — чтобы служить местом казни павшего Люцифера.

Спускаясь всё ниже и ниже за Вергилием, Данте становится свидетелем жутких мучений лиц, предавшихся влечению плоти, «гонимых вьюгой неборной»; чревоугодников, истлевающих под дождём; скупцов и расточителей, которые «водили хоровод, толкая грудью грузы с воплем вечным»; гневливых, прочно втиснутых в Стигийское болото; еретиков, объятых вечным пламенем.

Ещё, более ужасными, спутники видят мучения насильников, обманщиков всякого рода:

*Вдоль берега, над алым кипятком,
Вожатый нас повёл без прекословия. —
Был страшен крик варившихся живьём.*

*Я видел погрузившихся по брови.
Кентавр сказал: «Здесь не один тиран,
Который жаждал золота и крови...»*

И, наконец, девятый круг Ада — ледяное озеро Коцит, в котором караются обманувшие доверившихся им, то есть — предатели:

*Мы были там, — мне страшно этих строк, —
Где тени в недрах ледяного слоя
Сквозят глубоко, как в стекле сучок.*

*Одни лежат; другие вмерзли стоя,
Кто вверх, кто книзу головой застыв,
А кто — дугой, лицо ступнями кроя.*

Люцифер — некогда прекраснейший из ангелов, но свергнутый с небес в недра Земли за то, что поднял мятеж против Бога, — превращён в чудовищного трёхглавого Дьявола: «мучительной державы властелин \ грудь изо льда вздымал наполовину». В каждой из трёх его пастей корчатся от боли величайшие изменники: Иуда Искарот, Брут и Кассий.

Поэты покидают обитель зла, ступая «путём незримым» до тех пор, «пока очей не озарила \ краса небес в зияющий просвет». Далее начинается Чистилище, по описанию Данте — гора, расположенная на острове в южном полушарии, возвышающаяся в виде усечённого конуса, посреди Океана. На плоской вершине горы Данте помещает пустынный лес Земного Рая. Береговая полоса и подножье горы, так называемое «Предчистилище», к которому и вышли поэты:

*Для лучших вод подъема парус ныне,
Мой гений вновь стремится свою ладью,
Блуждавшую в столь яростной пучине,*

*И я второе царство воспою,
Где души обретают очищенье
И к вечному восходят бытию.*

Прежде, чем впустить Данте в первый круг, ангел, охраняющий вход, на-

чертил у него на лбу семь «Р» — семь символов смертных грехов: гордыни, зависти, гнева, уныния, скупости, чревоугодия и сладострастия. Гордыню Данте определил как основной свой грех, а по сему, когда стёрлось первое «Р» — корень всех грехов, и остальные знаки несколько потускнели.

По мере восхождения к вершине горы, преодолевая очередные круги, знаки «Р» со лба героя совсем исчезли. В таком виде, очищенный от грехов Данте вступает в «Господень лес, тенистый и живой».

Вергилия сменяет Беатриче — символ божественной любви, вечной благодати и богопочитания, не достигаемого человеческой мудростью. Играя наукой, воздухом, светом, красками и огнём, поэт ведёт душу к предчувствию той мудрости, которую человечество и может лишь предчувствовать, но не познавать мыслью и созерцанием. Поэтому душа приближается к ней только издали. Беатриче побуждает героя к покаянию и возносит его, просветлённого, на небо.

Заключительная часть поэмы посвящена странствиям поэта по Небесному Раю:

*Я видел – солнцем загорелись дали
Так мощно, что ни ливень, ни поток
Таких озёр вовек не расстилали.*

Невозможно не согласиться со словами Осипа Мандельштама о том, «что метафорические приёмы Данте превосходят наши понятия о композиции, поскольку наше искусствоведенье, рабствующее перед синтаксическим мышлением, бессильно перед ним».

Небесный Рай «Божественной комедии» состоит из семи сфер, опоясывающих Землю и соответствующий, согласно Птолемеевой системе, семи планетам, сферам — Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна. Далее следует восьмое звёздное небо, где Данте узрел Христа:

*Так, видел я над тысячей огней
Одно царило Солнце, в них сияя,
Как наше – в горних светочей ночей.*

*В живом свеченье Сущность световая,
Сквозя, струила огнезарный дождь
Таких лучей, что я не снёс, взирая.*

Далее следует девятое кристальное небо, или Перводвигатель, за которым находится Эмпирей — бесконечная область, населённая блаженными, созерцающими Бога — последняя сфера, дающая жизнь всему сущему:

*И свет предстал мне в образе потока,
Струистый блеск, волшебною весной
Вдоль берегов расцветенный широко.*

*Живые искры, взвившись над рекой,
Садились на цветы, кругом порхая,
Как яхонты в оправе золотой...*

Возносясь всё выше и выше, герой поэмы приобщается к небесной благодати:

*Так белой розой, чей венец раскрылся,
Являлась мне святая рать высот,
С которой агнец кровью обручился.*

Свет, краски и тона, лучше всего изображающие бестелесное, беспрестанно встречаются в поэме. Так, в двадцать первой песни «Рая» Данте очень удачно выражает достигнутую им высоту, говоря, что его смертный глаз не может более видеть ослепительной прелести улыбки Беатриче, а смертное ухо не в силах уже внимать музыке сфер. На вопрос, почему эта музыка замолкла, ему отвечают: «Твое ухо и око смертны, оттого не слышишь музыки сфер и не видишь улыбки Беатриче».

В заключительной песне герой, прошедший все мыслимые и немыслимые испытания, просит Всевышнего дать ему возможность сохранить и донести до людей хоть малую крупицу увиденного им:

*О, Вышний Свет, над мыслью земною
Столь вознесённый, памяти моей
Верни хоть малость виденного мною*

*И даруй мне такую мощь речей,
Чтобы хоть искру славы заповедной
Я сохранил для будущих людей!*

Данте предстояла трудная задача не вдаться в крайний мистицизм или крайнюю реальность. Но, воспевая божественное и небесное, Данте удачнее, нежели Мильтону, Клопштоку и другим христианским поэтам, удалось слить человеческое и земное с божественным и небесным, не делая божественного человеческим. Поэт далёк от того, чтобы смешивать земное с божественным.

«La Divina Commedia» в перспективе своего многовекового существования предстаёт перед нами как титанический синтез своей эпохи и как результат грандиозного творческого усилия, подчинившего точному идейному и созидательному замыслу, совершенно исключительный по многосторонности, размаху наблюдений и безмерному количеству восприятий материал. Мас-

штабами своего поэтического содержания и широтой отражения в нём явлений действительной жизни, исторических преданий, политической борьбы современности и культурных традиций поэма действительно представляет собой творческое обобщение той многовековой стадии развития человечества, которая была охвачена взором итальянского поэта во всей своей целостности в преддверии новой исторической эпохи.

Минуло семьсот лет после написания Д. Алигьери «Божественной комедии», а его труд по-прежнему волнует читателей, а значит, великий замысел удался. «Алигьери построил в словесном пространстве бесконечно могучий орган и уже наслаждался всеми его мыслимыми регистрами и раздувал меха, и ревел, и ворковал во все трубы» (О. Мандельштам, «Разговор о Данте»).

И действительно: мы не перестаём прислушиваться к звучанию этого органа, находя и принимая всё новые и новые *божественные* нотки, и восхищаясь мастерством Автора.

Татьяна Мажорина, Ольга Немыкина, слушатели литературного Семинара при РРО СП России, руководитель Галина Студеникина.

Используемые материалы:

Д.Алигьери «Новая жизнь», «Божественная комедия»: Москва, Издательство «Художественная литература», 1967г.

К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т. 22, изд. 2-е, с. 382.

Предисловие М.Андреева «Данте и его творчество»: Москва, Издательство «Художественная литература», 1986г.

О.Мандельштам, том 2, ч 2 «Разговор о Данте», Москва, Издательство «Художественная литература», 1990г.

Википедия, интернет — «Божественная комедия», «Данте в искусстве»

Студеникина Галина Валерьевна, член Союза писателей России, поэт, руководитель литературного Семинара поэзии при Ростовском региональном отделении Союза писателей России.

Мажорина Татьяна Александровна, кандидат в члены Союза писателей России, поэт, автор нескольких поэтических сборников, слушатель литературного Семинара поэзии при Ростовском региональном отделении Союза писателей России.

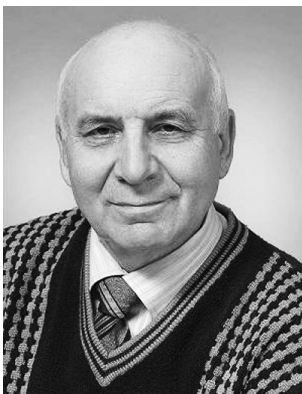
Живёт и работает в г. Волгодонске Ростовской области.

Немыкина Ольга Владимировна, член Союза писателей России, поэт, автор нескольких поэтических сборников, слушатель литературного Семинара поэзии при Ростовском региональном отделении Союза писателей России.

Живёт и работает в г. Тихорецке Краснодарского края.

Памяти поэта

Валерий Клебанов

Я ТАК БОЮСЬ ЗА МИРОЗДАНИЕ!..

Как изломала жизни линию
души возвышенная блажь!
Жена ворчит: «Всё это лирика...»
А я опять впадаю в раж.

То окрылённый, то раздавленный,
не сплю, ворочаюсь всю ночь...
Я так боюсь за Мироздание
и так хочу ему помочь!

Это чудо, что мы ещё живы,
что мир Божий к нам так терпелив;

Клебанов Валерий Дмитриевич ушёл из жизни в августе 2015 года. Выдающийся кубанский поэт всегда был другом донских писателей, регулярно печатался в журнале «ДОН_новый», альманахе «Дон и Кубань», издал в «Донском писателе» две книги стихов.

Состоял в Союзе писателей России, был лауреатом литературной премии им. Александра Невского

Родился В. Клебанов в 1938 г. в г. Туле. Раннее детство прошло в Киргизии (эвакуация) и Ленинграде. С 1949 г. жил в г. Сочи. Окончил Краснодарский политехнический институт, работал на различных предприятиях и в учреждениях города; учился (заочно) в Литинституте им. М.Горького. Автор нескольких поэтических сборников. Многократно публиковался в сочинских, краевых и российских газетах, журналах, альманахах.

За литературную деятельность был награждён премией им. Александра Невского «России верные сыны» (2002), Золотым орденом «Служение искусству» и медалью «За труды в просвещении» (2012).

Публикация подготовлена редакцией журнала в память о поэте.

и качают нас, словно на зыби,
свет и тьма, как прилив и отлив.

Это чудо, что осенью поздней,
достающейся нам задарма, —
как весною, щекочет нам ноздри
запах жизни, сводящий с ума.

Что мне до того, что кто-то раньше
тот же путь проделал до меня,
так же кофе пил, глаза продравши,
и седлал крылатого коня?

Что мне до того, что в тех же путях
бился чей-то мозг, томился дух, —
если вновь мне землю в первопуты
превратил небесный белый пух?

Время забыться, в конце-то концов,
пожил — и дело в шляпе...
Но на душе моей боли кольцо,
словно на птичьей лапе.

Это оно мне дремать не велит,
в совесть впиваясь колко...
Бог не придумал строже вериг,
нежели чувство долга.

Как быть, коль время постарело
и стало мифом,
коль опустели постаменты
его кумиров,

коль от холёных, сытых рож
завыть охота —
и только нищий бомж похож
на Дон Кихота?..

Мы, конечно, предвидели это;
но уж слишком внезапно и враз

оборвалось короткое лето,
где царили и страсть, и экстаз.

Как-то варварски всё и нелепо...
Но, печалью не обременён,
снег белеет, как гипсовый слепок
с навсегда отгоревших времён.

В аллеях сквера полуголых,
где ветер к вечеру охрип, –
мне больно видеть, как погоны
летят с разжалованных лип,

как лужи ёжатся от стужи
и как свинцова полумгла, –
где вряд ли все людские души
ждутся света и тепла...

Уходит лето, всех прощая,
курлыча грустно и трубя...
Вот так и жизнь, пожав плечами,
уйдёт однажды от тебя.

Тоской охваченная роща
вот-вот осыплется, шурша...
И, видно, новую жилплощадь
должна подыскивать душа.

Я вам душу оставлю живую,
пусть блуждает во мраке сама, –
чтоб, как молнию шаровую,
её втягивало в дома.

Или в полночь над старой котельной
пусть она замерцает вдали...
Так огнями святого Эльма
в море светятся корабли.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

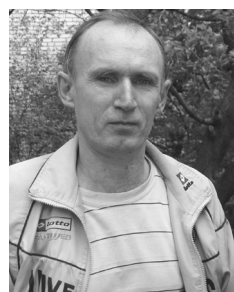
Главный редактор
Галина Студеникина

Редактор отдела прозы
Ксения Баштовая

Редактор отдела поэзии
Дмитрий Ханин

Редактор отдела
публицистики
Павел Малов

Дизайнер вёрстки
Виктория Анистратова

Корректор
Юлия Журавлева

Корректор
Диана Зяблицкая

Корректор
Ольга Лозбенева

Директор издательства
«Донской писатель»
Алексей Береговой

Вниманию писателей и читателей!

Редколлегия журнала «ДОН_новый» сообщает, что с 2016 года по финансовым причинам журнал будет выходить с периодичностью — 1 номер в полугодие, но более толстой книжкой — до 200 страниц.